Л. Фигье.

ИСТОРІЯ ЧУДЕСНАГО

ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

ЧАСТЬ II.

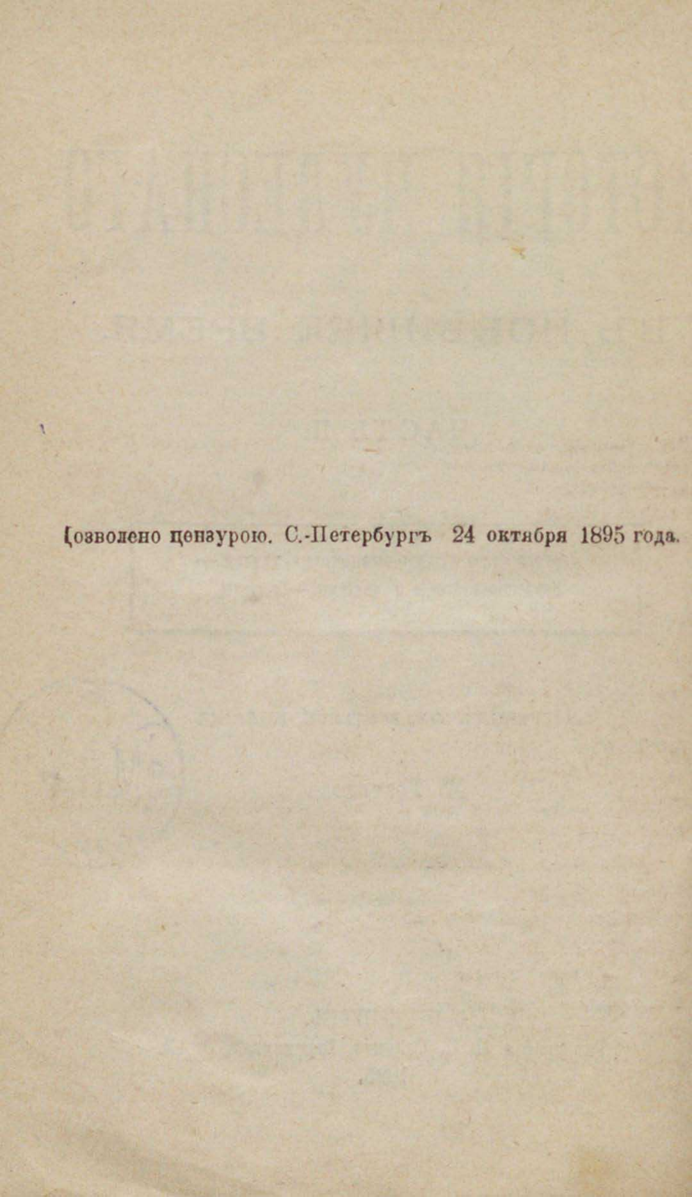
Электрическіе люди.—Отзывчивыя улитки.—
Вертящіеся столы и медіумы.—Спириты.

Переводъ съ третьяго изданія

М. Гогунцова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 24 октября 1895 года.

Электрическіе люди.

Latet anguis.

I.

Электрическія проявленія у Анжелики Коттэнъ въ деревнѣ Бувиньи (деп. Орнъ).—Наблюденія, сдѣланныя Фаремонтомъ и установившія электрическую природу явленій, свойственную этому человѣческому скату. — Опытъ медиковъ Мортаньи. — Анжелика Коттэнъ въ Парижѣ.—Опыты передъ коммиссіей Академіи Наукъ.—Заключеніе.— Новая электрическая дѣвушка въ Канадѣ въ 1880 году.

Факты, относящіеся къ электро-біологіи, происходили въ 1850 году. Возвратимся къ нѣсколькимъ годамъ ранѣе т. е. къ 1846 г., чтобы разсказать исторію Анжелики Коттэнъ,— электрической дѣвушки, которая довольно серьезно занимала парижскихъ ученыхъ, послѣ того какъ заняла ученыхъ своей провинціи. Академія Наукъ соблаговолила изслѣдовать эту молодую дѣвушку, и мы увидимъ, какъ это ученое общество съумѣло сдѣлать заклинаніе надъ Анжеликой, чего не рѣшился сдѣлать нормандскій кюрè.

Анжелика Коттэнъ была дѣвушка четырнадцати лѣтъ, жившая въ деревнѣ Бувиньи, неподалеку Первера (деп. Орнъ). Небольшаго роста, но довольно плотно сложенная, она была чрезвычайно вялой и апатичной. Обыкновенно ее едва можно было заставить говорить. Вотъ диковинныя явленія, которыя неожиданно обнаружились у этой полу-идіотки, судя по разсказу, сообщенному Гебертомъ, правда, великимъ сторонникомъ магнетизма, но имѣющимъ то преимущество, что онъ говоритъ de visu, такъ какъ нарочно предпринялъ поѣздку въ

Mortagne, чтобы собрать въ этой деревнѣ и въ окрестности точныя свѣдѣнія объ Анжеликѣ Коттэнъ.

15-го января 1846 года, эта дѣвушка вмѣстѣ съ тремя другими ея товарками, была за своей обычной работой, заключавшейся въ тканьѣ шелковыхъ перчатокъ. Было восемь часовъ вечера, когда дубовый треножникъ, служившій мѣстомъ прикрѣпленія концевъ утока, сталъ шевелиться и сдвигаться съ мѣста. Испуганныя этимъ приключеніемъ, наши три ткачихи сбѣжали, издавая крики изумленія; однако имъ не удалось убѣдить сосѣдей, привлеченныхъ ихъ крикомъ, въ реальности того, что произошло.

По увѣщанію присутствующихъ трое изъ этихъ работницъ не безъ страха снова принялись за свое дѣло. Феноменъ не повторился, но когда Анжелика Коттэнъ, подражая товаркамъ, принялась за тканье, треножникъ снова зашевелился, былъ сильно отброшенъ и, наконецъ, перевернулся. Одновременно съ этимъ, какъ-бы неудержимой силой, она была увлечена за треножникомъ, но какъ только она прикоснулась къ нему, его отбросило далѣе.

Свидѣтели этой диковиной сцены не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія, что Анжелика Коттэнъ была околдована. Молодая дѣвушка провела ночь спокойно и на другое утро снова принялась за свою работу. Повторились тѣ же явленія сначала слабо, но съ восьми по девятый часъ они замѣтно усилились. Были вынуждены отдѣлить бѣдное дитя отъ другихъ работницъ, съ которыми обыкновенно она работала за маленькимъ общимъ треножникомъ, который она за мгновеніе передъ этимъ опрокинула наперекоръ собственнымъ стараніямъ его наладить. Во избѣжаніе повторенія подобнаго случая, край перчатки, за которымъ Анжелика работала, былъ прикрѣпленъ с помощью маленькаго гвоздика къ квашнѣ, вѣсящей около семидесяти пяти килограммовъ. Но это препятствіе, противупоставленное таинственной силѣ, сопротивлялось не долго: квашня приподымалась и сдвигалась въ нѣсколько пріемовъ, хотя сообщалась съ молодой дѣвушкой лишь шелковинкой.

Съ этого момента мнѣніе деревни Бувиньи было прочно установлено: она единогласно признала, что молодая дѣвушка

одержима діаволомъ. Даже называли по имени тѣхъ, кто на нее бросилъ порчу. Было рѣшено отвести Анжелику Коттэнъ къ священнику, чтобы онъ совершилъ надъ ней заклинаніе.

Мѣстный кюре, человѣкъ разумный, отказалъ исполнить это желаніе. Прежде чѣмъ что-либо предпринимать, онъ пожелалъ лично быть очевидцемъ сообщаемыхъ фактовъ. Требованіе было слишкомъ законно, чтобы его тотчасъ-же не удовлетворили. Молодая работница въ присутствіи кюре была поставлена въ тѣ же самыя условія, при которыхъ явленіе обнаружилось въ первый разъ.

Феноменъ снова повторился, хотя съ меньшей силой. Треножникъ былъ отброшенъ, но не перевернулся; тогда какъ стулъ, на которомъ сидѣла дѣвушка, отодвинулся въ противуположную сторону, совершая колебательныя движенія, принуждавшія Анжелику употреблять большія усилія, чтобы удержаться на мѣстѣ.

Вполнѣ убѣдившись, что совершившійся передъ нимъ фактъ вполнѣ реаленъ, кюре не призналъ умѣстнымъ религіозное заклинаніе для излеченія того, что основательно разсматривалъ какъ болѣзнь тѣлесную, требующую медицинскаго леченія. Онъ утѣшилъ безпокойство родныхъ и панику деревни, объявивъ, что молодая дѣвушка одержима болѣзнью рѣдкой, безъ сомнѣнія, неизвѣстной, быть можетъ, но которая во всякомъ случаѣ должна быть неотложно подвергнута наблюденію врачей.

Это представленіе передъ кюре Бувиньи происходило 16-го января.

«На другое утро, 17-го,—говорится въ докладѣ, которымъ обязаны Геберту,—тѣже явленія продолжали обнаруживаться у Анжелики Коттэнъ, ставъ болѣе общими. Отъ случайнаго прикосновенія къ ея одеждѣ таганы, лопатки, щипцы переворачивались, головни разсыпались въ очагѣ, къ крайнему удивленію и ошеломленію той, которая была невольной причиной такихъ чудодѣйственныхъ явленій; щетки, книги и другіе мелкіе предметы сильно отталкивались при прикосновеніи съ ея одеждой и преимущественно съ подоломъ ея юбокъ.

«Ножницы, привѣшенныя у ея пояса на нитяной ленточкѣ,

отлетѣли отъ нея, причемъ ленточка не была порвана и нельзя было сообразить, какъ онѣ отвязались. Фактъ этотъ, самый невѣроятный по своей аналогiи съ дѣйствiемъ удара молнiи, сразу заставилъ подумать, что въ совершенiи этихъ удивительныхъ явленiй должно главную роль играть электричество. Но наблюденiя въ этомъ направленiи были весьма непродолжительны: фактъ этотъ повторился лишь два раза, изъ которыхъ одинъ въ присутствiи кюре, который былъ на столько любезенъ, что ручался мнѣ за его реальность.

Отсутствующiя или почти отсутствующiя явленiя во время дня, усиливались вечеромъ въ опредѣленный часъ. Тогда происходили дѣйствiя безъ прикосновенiя на живыя органическiя тѣла, дѣйствiя, выражавшiяся сильными сотрясенiями въ подколѣнной впадинѣ одной изъ товарокъ, работавшихъ насупротивъ Анжелики; носки ихъ сапогъ отстояли другъ отъ другъ почти на дециметръ; тѣ самые предметы, которые по утрамъ отбрасывались отъ прикосновенiя одежды, теперь отбрасывались лишь отъ одного сближенiя, но, какъ и въ предшествовавшiе дни, явленiе прекратилось и возобновилось лишь послѣ трехъ съ половиной дней.

Въ пятницу, 21-го, явленiя повторились; все двигалось вокругъ Анжелики, которая не могла усѣсться, стулъ ея, сдерживаемый тремя сильными людьми, несмотря на ихъ сопротивленiе, отбрасывался съ удивительной быстротой на нѣсколько метровъ. Всякое занятiе стало ей невозможнымъ: если она пробовала шить, то втыкала иглу въ тѣло, движенiя, которыя она придавала предметамъ, которыхъ касалась и въ особенности пяченье ея стула, вынуждало ее стоять на колѣняхъ среди ея жилья».

Чтобы занять досуги особы, такъ досадливо тревожимой, ее заставили сортировать корзину съ сухими бобами. Но едва она погрузила въ нихъ руку, бобы стали подпрыгивать и пустились въ плясь, что принудило бѣдную дѣвушку прекратить и эту работу.

Такъ какъ эти необыкновенныя явленiя продолжались, то всѣ жители деревень сбѣгались къ родителямъ Анжелики, чтобы поглазѣть.

Дали знать докторамъ Мамерса, маленькаго, сосѣдняго съ

деревней Бувиньи городка; но они не явились. Тогда г. Фаремонъ, человѣкъ просвѣщенный и пользующійся въ окрестности уваженіемъ, взялъ на себя лично доставить Анжелику къ докторамъ Мамерса. Но тѣ не пожаловали на свиданіе, которое Фаремонъ имъ назначилъ.

Поэтому дѣвочка была отвезена къ живущей въ этомъ городѣ дамѣ, госпожѣ Девильерсъ—здѣсь произошли обычныя явленія. Часъ спустя, двое медиковъ, почувствовавъ направленные противу ихъ укоры, дали знать, что они согласны видѣть Анжелику. Опытъ производился у аптекаря Фромежа; но онъ былъ настолько не удаченъ, что не произвелъ впечатлѣнія на специалистовъ.

Тогда Фаремонъ занялся испытаніями, направленными къ тому, чтобы подтвердить мнѣніе, составленное имъ по поводу этихъ феноменовъ, которые не колеблясь относилъ къ электричеству. Наблюдатель этотъ помѣстилъ результаты своихъ наблюденій въ письмѣ, привести которое не безъинтересно.

«Дѣвушка Коттэнъ, о которой идетъ рѣчь,—говоритъ Фаремонъ,—жила у своей тетки, кумы Лоазнаръ, такъ сказать, у порога моего жилища; дѣвушка эта, которой еще предстояло принять свое первое причащеніе, была сильнѣй матеріей, нежели духомъ; все ея существо выдавало необыкновенную физическую силу. 15-го января, въ восемь часовъ вечера, четыре дѣвушки работали по обыкновенію на посидѣлкахъ у кумы Лоазнаръ. Въ теченіе предшествовавшихъ восьми дней воздухъ былъ тяжелый, грозовой, молніи, удары грома, электричество царило вокругъ насъ.

«Дѣвушки заняты были изготовленіемъ шелковыхъ перчатокъ вокругъ дубоваго треножника, вѣсящаго добрыхъ двадцать пять фунтовъ. Вдругъ свѣчу сбросило на средину комнаты и треножникъ перевернуло. Дѣвушки повздорили, поставили на мѣсто свѣчу, принялись за работу и... опять повторилось тоже. На этотъ разъ всѣ поднялись, задрожали и имъ пришла мысль о колдовствѣ; маленькая Коттэнъ, безстрашная, одна продолжала работать. Ея движенія были живѣе обыкновеннаго, стулъ ея сильно сотрясался. Страхъ овладѣвалъ теткой, которая отвела свою племянницу къ кюре Перверу. Что могло быть естественнѣе для этихъ бѣдняковъ:

они далеко не академики и по своимъ понятіямъ все то, чего не понимаютъ, приписываютъ Богу или діаволу? Кюре, человѣкъ просвѣщенный, умный и образованный, выслушалъ смѣясь разсказъ доброй женщины, но дѣвочка принесла съ собой свою перчатку; она прикрѣпила ея къ стулу кухни и движеніе совершилось, кюре схватилъ стулъ обоими руками—сопротивленіе усилило дѣйствіе; онъ сѣлъ на стулъ и былъ перевернутъ; въ свою очередь онъ задумался—онъ убѣдился въ феноменѣ, не будучи въ состояніи его понять, успокоилъ тетку, сказалъ ей, что это болѣзнь необыкновенная и что нужно посовѣтываться съ медиками, а не съ пасторами. Меня извѣстили объ этомъ на другой день, но феноменъ уже прекратился. Три дня спустя, ея родственники дали мнѣ знать въ девять часовъ вечера о его возобновленіи. Я отправился въ сопровожденіи своей семьи и засталъ тамъ большое общество. Убѣжденный, что въ этихъ феноменахъ электричество играетъ главную роль, я принесъ съ собой бузиновый шарикъ на шелковинкѣ, стеклянную трубочку и палочку сургучу. Я видѣлъ, какъ треножникъ и свѣчи были далеко отброшены, я слѣдилъ за ногами дѣвочки—она ими не прикасалась; я лично помѣстилъ ея юбку на край треножника и при одномъ прикосновеніи треножникъ былъ перевернутъ; нервнымъ движеніемъ, сопротивляться которому дѣвочка была не въ силахъ, руки ея откидывались по направленію предмета, который она отталкичала. Я захватилъ треножникъ обѣими руками; сила была удивительна, и треножникъ произвелъ вращательное движеніе; я приближалъ свой бузиновый шарикъ ко всѣмъ частямъ тѣла—странная вещь: онъ ни притягивался, ни отталкивался. Сколько я ни теръ свою стеклянную трубочку и свою палочку сургуча — никакого результата. Въ иные моменты я обнаруживалъ электрическое напряженіе; хорошіе проводники не испытывали ничего. Я приложилъ одинъ палецъ къ дѣвочкѣ, а другой—въ то же время къ точкѣ прикрѣпленія перчаточной нитки—никакой коммоціи; я приказалъ приподнять дѣвочку—феноменъ прекратился. На этотъ разъ я этимъ ограничился. Я слѣдилъ за ребенкомъ заботливо, даже гуманно. Населеніе кричало о колдовствѣ, даже указывало лицо, которое бросило порчу; я

позаботился успокоить семью и просвѣтить толпу. Я произвелъ новые опыты: дѣвочка получала свой зарядъ изъ земли. Въ хижинѣ не было каменной настилки; силу доставлялъ ей общій резервуаръ. Феноменъ сначала проявлялся съ восьми по одиннадцать часовъ утра; затѣмъ только при заходѣ солнца; въ другіе раза только по вечерамъ. Родные были признательны за все, что я дѣлалъ, чтобы ихъ успокоить. Я имъ объявилъ, что отправлюсь посовѣтоваться по ея поводу съ медиками: дѣйствительно я написалъ въ Мамерсъ своему аптекарю, извѣстивъ его о томъ, что происходило на моихъ глазахъ и просилъ его пригласить на слѣдующую субботу весь медицинскій персоналъ для изслѣдованія этого феномена и привезъ въ своей каретѣ тетку и дѣвочку. По пріѣздѣ я узналъ, что господа медики, взирая на это дѣло, какъ на химеру, не пожелали собраться. Удивленный подобнымъ поведеніемъ со стороны тѣхъ, которые одни могли быть приглашены для обнаруженія уловки, если она тутъ существовала, я позволилъ себѣ выразиться на ихъ счетъ очень энергично»...

«Произошелъ феноменъ со стуломъ: сильный лакей усѣлся на немъ и былъ перевернутъ. Наконецъ, двое медиковъ, конечно, устыдившись, просили меня привести дѣвочку къ аптекарю; туда собрались дамы и господа. Такъ какъ время было неблагопріятное, то колебаніе стула было слабое. Опытъ производился на коврѣ, съ навосченной мебелью, и я предсказывалъ, что ничего изъ этого не выйдетъ; къ тому же феноменъ можетъ хорошо обнаружиться лишь къ четыремъ или пяти часамъ вечера. Въ то время былъ полдень. Я предложилъ желающихъ ознакомиться зайти ко мнѣ и обѣщалъ вести дѣло лично; меня интересовало, чтобы изучили этотъ фактъ для того, чтобы ознакомить съ нимъ Парижъ»...

«Я принялъ на себя роль медика и пожелалъ вылѣчить дѣвочку. Я отправилъ ее въ купальню, приказалъ ей принимать ванны, прекратить всякія работы съ иглой и поручилъ ей пасти въ полѣ коровъ. Но къ вечеру населеніе вернулось, шелъ сильный дождь и дѣвочка работала самымъ исправнымъ образомъ. Она не страдала, пользовалась хорошимъ аппетитомъ и спала спокойнымъ и глубокимъ сномъ».

«При возобновленіи моихъ испытаній, таганы и лопатки были отбрасываемы въ свою очередь и, удивительная вещь, не оставляющая ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію въ плутовствѣ, если-бы подобная штука была-бы возможна,— дѣвочку заставили работать при квашнѣ, вѣсящей, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ фунтовъ; на краю ея воткнули небольшой гвоздикъ, къ которому она прикрѣпила свой шелкъ; какъ только она стала работать и юбка ея прикоснулась квашни, она мгновенно была приподнята на три — четыре дюйма отъ земли и это повторялось отъ четырехъ до пяти разъ въ минуту. Затѣмъ, дѣвочка отдохнула. Я сѣлъ на квашню и былъ поднятъ съ той же силой и съ такой же правильностью; три человѣка усѣлось со мной и тоже были приподняты, хотя на меньшую высоту отъ земли. Я увѣренъ, что и рыночный силачъ не могъ бы поднять этой квашни съ помѣщенными на ней тремя особами; самое большое я былъ-бы въ силахъ приподнять ее одну съ какого-нибудь края. Можно ли допустить, что дѣвочка могла приподнять ее колѣнями? Она съ трудомъ могла просунуть свою ногу въ промежутокъ между квашней и землей; при томъ, я видѣлъ ея ноги—онѣ были вдали отъ квашни и я лично держалъ ея юбку у стѣнокъ квашни. Я наблюдалъ еще болѣе удивительную вещь: деревенскія кровати вѣсятъ добрыхъ триста фунтовъ, вмѣстѣ съ грубой постелью, перинами и т. п. Дѣвочка, не имѣя возможности сидѣть, такъ какъ стулъ выскакивалъ изъ-подъ нея и она каждую минуту теряла равновѣсіе, случайно приблизилась къ кровати, чтобы на ней присѣсть. Въ этотъ моментъ она была сильно заряжена. Кровать дрожала и колебалась невѣроятнымъ образомъ; никакая другая сила не была-бы въ состояніи произвесть такого движенія. Съ одного конца подставкой ей служилъ деревянный валикъ въ шесть дюймовъ, чтобы приподнять ее надъ уровнемъ земли и вотъ кровать эта была перевернута»...

«Въ одинъ изъ дней дѣвочка была такъ заряжена, что не могла усидѣть на мѣстѣ; я заставилъ одну особу держать стулъ, но стулъ продолжалъ ходить. На другой день феномены были въ равной степени сильны. Я принесъ большой стеклянный листъ и клеенку; когда я поставилъ ея стулъ на

клеенку и помѣстилъ ноги на стеклянный листъ, поверхъ котораго положенъ былъ кусокъ картона, всѣ зрители были изумлены происшедшей перемѣной; я объяснилъ имъ причину прекращенія феноменовъ. Я не могъ воспретить молодой дѣвушкѣ работать, потому что этимъ она зарабатывала средства. Ее хотѣли заставить шить—она укалывалась; пороть—она обрѣзывалась; прясть—головка прялки, гдѣ находится желѣзная скобка, отбрасывалась на середину комнаты. Родственники возымѣли мысль заставить ее лущить бобы и принесли ей большую корзину, наполненную этими овощами, но едва она шевельнула руками, какъ корзину откинуло на середину комнаты, бобы разсыпались по воздуху и дѣвочку одновременно съ этимъ повлекло къ убѣгающей корзинѣ. Зрѣлище это очень распотѣшило зрителей. Между тѣмъ пріѣхалъ посѣтить дѣвушку одинъ медикъ изъ стараго Беллема (Vieux Bellesme). Два раза онъ заботливо ее изслѣдовалъ. Онъ написалъ объ этомъ въ Парижъ господину Геберту. Гебертъ въ отвѣтъ вытребовалъ дѣвочку и ея тетку въ Парижъ. Родители, не желавшіе ничего предпринимать безъ моего совѣта, въ виду того участія, которое я имъ выказалъ, принесли мнѣ письмо, адресованное имъ г-мъ Верже. Я заставилъ на-скоро пообѣдать тетку и племянницу и отправилъ ихъ въ Беллемъ, куда онѣ прибыли въ воскресенье на столько рано, что могли дать представленіе части Беллемской знати»...

«Ощупывая эту дѣвочку въ разныхъ направленіяхъ, можно было ощущать внутреннюю пульсацію во всѣхъ частяхъ ея тѣла отъ головы до ногъ. Пульсація не была правильной, она подчинялась нервнымъ импульсамъ».

«Въ тотъ моментъ, когда нужно было отправляться въ Парижъ, пріѣхалъ отецъ, завладѣлъ дочерью и обратилъ ее въ предметъ спекуляціи. Онъ былъ въ Мортаньи, гдѣ посѣтилъ ее весь медицинскій персоналъ, заботливо изучавшій въ интересахъ науки, феномены и счастливый возможностью констатировать подобную вещь. Всѣ власти и знатныя особы города видѣли, какъ и вы сударь, и вѣрятъ, какъ и я, въ истину того, что для насъ такъ несомнѣнно»...

«Господинъ Гебертъ прибывъ на мѣсто и не имѣя возмож-

ности взять дѣвочку съ собой въ Парижъ, продѣлалъ надъ ней всѣ свои испытанія. Онъ явился ко мнѣ въ сопровожденіи нашего добраго пастыря и мы всѣ трое отправились на мѣсто. Онъ внимательно осмотрѣлъ жилье и снялъ мѣрки съ мебели. Можно было только хвалить мудрость и просвѣщенность кюрэ. Другія наблюденія. Когда я отвезъ дѣвочку въ Мамерсъ и когда она вечеромъ возвратилась, вся ея мебель, которая была пропитана ея собственнымъ флуидомъ, казалось, образовала съ ней одно, какъ только она къ ней приближалась или къ ней дотрогивалась то отодвигалась, дрожала точно отъ удовольствія ее видѣть... лопатки, щипцы... повсюду движеніе было болѣе живо и болѣе энергично. Поэтому при разспросахъ, съ которыми ко мнѣ обращались, я совѣтовалъ оставить на нѣкоторое время дѣвочку среди грубой дубовой мебели, при ея привычномъ образѣ жизни и пищѣ и дать ей помѣщеніе, подходящее къ ея собственному: это было способомъ доставить наукѣ всѣ доказательства и всѣ необходимыя условія для лучшаго изученія этихъ феноменовъ. Если-бы всѣ академики міра пожелали-бы мнѣ доказать черезъ А+Б, что я говорю вздоръ, я поступилъ-бы такъ же, какъ тотъ, у кого отрицали-бы возможность движенія, я бы пошелъ. Я очень счастливъ, что видѣлъ подобнаго человѣческаго ската, истиннаго сухопутнаго электрическаго угря. Да будетъ стыдно тѣмъ, кто не пожелалъ его видѣть для самообученія».

Авторъ вышеизложеннаго отчета—человѣкъ просвѣщенный и добросовѣстный. Свидѣтельство его драгоцѣнно, потому что онъ былъ очевидцемъ и участникомъ всего о чемъ разсказываетъ.

Не менѣе важно привести здѣсь свидѣтельство особъ, имѣющихъ прикосновеніе къ наукѣ по своей профессіи или своему образованію. На этомъ основаніи мы должны передать результаты наблюденій одного инженера путей сообщенія, имѣющаго пребываніе въ Мортаньи, господина Оливье, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ разсказываетъ то, что онъ наблюдалъ у Анжелики Коттэнъ.

«...Вотъ,—говоритъ Оливье,—то, что мы наблюдали. Въ то время, когда дѣвушка Коттэнъ болтала со мной, сзади

приблизился къ ней Верже-сынъ и приложилъ дубовую трость къ сгибу лѣвой руки: больная испытала сильный толчекъ.

Взявъ затѣмъ руку дѣвушки Коттэнъ мы послѣдовательно прикладывали палецъ, начиная отъ кисти до локтя;—испытываемое ею чувство было болѣзненно, но пока коммоціи можно было выдерживать. Совсѣмъ другое при приближеніи къ локтю; эффектъ произведенъ былъ на все тѣло молодой дѣвушки и заставилъ ее сдѣлать быстрое движеніе. Приближая такимъ образомъ нашу руку къ рукѣ дѣвушки Коттэнъ, мы вызывали наеживанье произроставшихъ на ней волосъ. Послѣ этого перваго испытанія мы произвели опытъ съ треножникомъ: дѣвушка Коттэнъ сперва прикрыла его своимъ передникомъ, а затѣмъ подоломъ своего платья, но онъ не сдвинулся *). Оставался опытъ со стуломъ. онъ удался: въ то время, когда больная заняла мѣсто — стулъ отодвинулся назадъ, вращаясь слѣва направо, тогда какъ дѣвушка Коттэнъ казалась отброшенной впередъ. Этотъ опытъ, повторенный нѣсколько разъ, постоянно давалъ одинаковые результаты и въ одномъ случаѣ движеніе Анжелики было такъ сильно, что голова ея стукнулась о мою руку, которую я помѣстилъ изъ предосторожности въ тридцати сантиметрахъ отъ земли.

Хотя свидѣтельство почтенныхъ особъ, которые ранѣе меня изслѣдовали дѣвушку Коттэнъ и у которыхъ я находился, хотя поведеніе этой дѣвушки при всѣхъ опытахъ устраняли изъ моей головы всякую мысль о шарлатанствѣ, тѣмъ не менѣе мнѣ хотѣлось испытать, нельзя-ли быстрымъ движеніемъ тѣла, сидя на стулѣ, вызвать то движеніе, которое я наблюдалъ у Анжелики Коттэнъ. Мнѣ этого не удалось, какъ не удалось и многимъ, не съ большимъ успѣхомъ дѣлавшимъ это попытку.

Намъ передавали, что производимыя больной явленія уменьшаются, когда подвергаемые ея дѣйствію предметы помѣщаются на вощеномъ полу. Можно было ожидать, что явленія совсѣмъ прекратятся, если изолировать стулъ: поэтому подъ четыре ножки стула были подложены вполнѣ сухія стекла и

*) Этотъ феноменъ часто не удавался, также какъ и всѣ остальные.

дѣвушкѣ Коттэнъ представилась возможность усѣсться на него, не испытавъ ни малѣйшаго сотрясенія и оставаться спокойной, помѣстивъ свои ноги на бутылку, положенную бокомъ; оставивъ ее въ такомъ положеніи нѣкоторое время, мы приблизили руку къ ея локтю и вызвали сотрясеніе.

Въ то время, когда дѣвушка Коттэнъ находилась на своемъ изолированномъ стулѣ, передъ ней поставили треножникъ и все необходимое для изготовленія перчатокъ, треножникъ изолировали посредствомъ стеколъ; больная могла работать, одна лишь форма заставляла ее испытывать мучительное ощущеніе: она на него не жаловалась, но держала ее какъ горячее желѣзо, поминутно измѣняя положеніе руки. Форма эта оканчивалась съ каждаго конца остріями и тѣ испуская флуидъ, могли порождать въ пальцахъ дѣвушки Коттэнъ токъ, производившій ощущеніе, подобное производимому слабой электрической машиной.

Чтобы помѣстить Анжелику на изолированный стулъ, г. Бомонъ взялъ ее на руки и усадилъ такъ, что ноги ея не касались земли. Мы желали видѣть, если поступимъ такимъ же образомъ, удержится-ли дѣвушка Коттэнъ на стулѣ не изолированномъ; въ тотъ моментъ, когда она сѣла, она почувствовала сотряеніе; но такъ, какъ Бомонъ ее поддерживалъ, она довольно сопкойно оставалась въ стулѣ въ продолженіи двухъ трехъ минутъ; затѣмъ, начались обычныя явленія; больную вторично заставили усѣсться; она пробыла спокойной нѣсколько мгновеній и отталкиваніе повторялось. Опытъ этотъ продолжался: тѣ же перемежки въ покоѣ и отталкиваніи сохранили силу.

Эти опыты навели насъ на мысль изслѣдовать голову Анжелики; когда мы касались лба, боковъ головы, не заходя далеко за уши—она не испытывала ничего; но когда палецъ накладывался на темя, или къ затылку, то сотрясеніе было такъ же сильно, какъ при дотрагиваніи локтя, только вмѣсто того, чтобы поворачиваться—она кидалась впередъ. Натеревъ палочку сургуча, прикасались имъ къ рукѣ Анжелики—тотчасъ же она испытывала сильное сотрясеніе; затѣмъ, когда прикасались не наэлектризованнымъ, она не испытывала ни малѣйшаго дѣйствія. Опытъ этотъ повторялся неоднократно

и результаты всегда бывали тѣ же; мы принимали всѣ предосторожности, чтобы больная не знала, наэлектризованъ или нѣтъ сургучъ и, не взирая на это она ни разу не ошиблась, или, сказать точнѣе, ни разу не шевельнулась, если сургучъ не былъ натертъ, тогда какъ испытывала живую боль, если онъ былъ наэлектризованъ. Тоже бывало и съ стеклянной трубочкой.

Бомонъ принесъ небольшую карманную буссоль, на которую мы желали, чтобы подѣйствовала рука Анжелики, но мы ничего не добились; напротивъ, когда она приблизила свой локоть къ подвижной иглѣ, та оттолкнувшись, отклонилась почти на 90. Вотъ, сударь, то, что я видѣлъ, если вы желаете другихъ свѣдѣній»...

Послушаемъ теперь мѣстнаго медика, который видѣлъ и изслѣдовалъ электрическую дѣвушку. Докторъ Верже, первый медикъ, наблюдавшій Анжелику Коттэнъ, пишетъ слѣдующее: «То, что видѣлъ я, видѣло очень много особъ, заслуживающихъ вѣры, мѣстной знати, духовенства и всѣ они имѣютъ глубокое убѣжденіе, что видѣли хорошо. Нѣсколько дней спустя послѣ появленія этой диковинки, я былъ съ господиномъ Фромажемъ, аптекаремъ, господиномъ Вагнеромъ, кюре Перрьеромъ, когда мнѣ о ней передавали. Недовѣріе было моей первой мыслью, отрицаніе моимъ первымъ отвѣтомъ; я не допускалъ недобросовѣстности въ тѣхъ, кто мнѣ разсказывалъ о такихъ необычайныхъ фактахъ, но я полагалъ, что они ошибались въ своихъ наблюденіяхъ. Поэтому я отправился въ Mugerie, сильно предупрежденный противу всего, что слышалъ объ Анжеликѣ Коттэнъ, которую притомъ я зналъ издавна, также какъ и всю ея семью; я тамъ, нашелъ большое общество, такъ какъ событіе это надѣлало уже много шуму. Вещи происходили въ нашемъ присутствіи такъ, какъ вамъ передавали. Мы приняли всевозможныя предосторожности, чтобы не быть обманутыми; мы видѣли хорошо, очень хорошо дѣйствія на разстояніи, то есть, отъ простого прикосновенія то шелковой нитки, то передника Анжелики, то подола ея юбки, треножникъ, къ которому была прицѣплена нитка, былъ быстро перевернутъ, несмотря на мое сопротивленіе. Казалось, дѣвушка неодолимо увлека-

лась по направленію предметовъ, которые отъ нея убѣгали. Мы производили опытъ со стуломъ—онъ удался. Мы двукратно повторяли съ успѣхомъ испытаніе съ корзинкой. Я узналъ отъ господина Фаремонта то, что онъ наблюдалъ у дѣвушки Коттэнъ; онъ видывалъ ее каждый день; ея скромная хижина находится у подножія его замка. Онъ оказалъ много заботливости и утѣшенія этой бѣдной и отчаявающейся семьѣ, которая приписывала колдовству состояніе молодой дѣвушки, лишившейся возможности работать.

Я сообщилъ обо всѣхъ этихъ феноменахъ господину Геберту, достойному всякихъ похвалъ за его способность и усердіе къ наукѣ».

Докторъ Лемонье, медикъ въ Сенъ-Морисѣ (дер. Орнъ) писалъ слѣдующее:

«Спѣшу подтвердить вамъ феномены, которые вы наблюдали у дѣвушки Коттэнъ, они мнѣ прекрасно извѣстны. Я видѣлъ корзину съ бобами, которые были разбросаны по комнатѣ въ то мгновеніе, когда молодая дѣвушка пошевелила ихъ лѣвой рукой. Всякаго рода мебель: столы, стулья, сундуки, до которыхъ прикасалась рука Анжелики, была сильно отталкиваема. Присутствовавшій королевскій прокуроръ Мортаньи, сѣвши на стулъ, предложилъ дѣвушкѣ Коттэнъ усѣсться ему на колѣни; въ одно мгновеніе, какъ-бы ударомъ молніи, онъ былъ приподнятъ и отброшенъ вмѣстѣ со стуломъ. Другой стулъ, который держалъ я и два моихъ пріятеля, ускользнулъ изъ нашихъ рукъ и одна изъ ножекъ этого стула сломана. Молодая особа вскрикивала, выдавая этимъ страданіе, когда ей клали какой нибудь предметъ въ руку. Когда дѣвушку садили на стулъ, изолированный отъ почвы четырьмя стеклянными подставками, никакихъ явленій не обнаруживалось. Когда дѣвушку приводили въ сообщеніе съ общимъ резервуаромъ, феноменъ возобновился и постоянно съ лѣва направо. Во время пароксизма, лѣвая половина всегда была теплѣе правой, болѣе того она подвергалась необычнымъ трепетаніямъ, которыя отражались также и на кровообращеніи.

Докторъ Бомонъ-Шардонъ, медикъ въ Мортаньи, въ слѣдующемъ письмѣ изложилъ результаты своихъ наблюденій.

«Вотъ что я видѣлъ,—говоритъ этотъ медикъ.

1) Отталкиваніе и притяженіе, подскакиваніе, смѣщеніе довольно массивнаго столь, другаго стола въ три метра длины и два ширины на колесахъ, дубоваго квадратнаго стола въ полтора метра. Всѣ эти смѣщенія происходили отъ прикосновенія произвольнаго или случайнаго дѣвушки Коттэнъ.

2) Послѣ того, какъ ее усадили: потрясеніе, отталкиваніе стула съ молодой дѣвушкой, плотно державшейся такъ же какъ и особа, которая сидѣла на томъ же стулѣ, родъ мгновеннаго притягиванія юбокъ къ стулу, что замѣчалось нѣсколько разъ;—прекращеніе этихъ эффектовъ, когда стулъ съ молодой дѣвушкой устанавливали на стекла, клеенку или садили дѣвушку на стулъ такъ, чтобы ноги ея не соприкасались съ почвой;—обыкновенно слабѣйшіе эффекты на полу восченомъ или на коврѣ.

3) Живое сотрясеніе молодой дѣвушки очень напоминало то, которое испытывается при электрическомъ разряженіи, когда приближали къ позвоночнику, съ вѣдома ея или безъ вѣдома, то кусокъ дерева, то палку, лопатку, угольные щипцы;—палецъ, подносимый ко лбу темени и особенно къ затылку, также какъ къ сгибу лѣвой руки, производилъ тотъ же эффектъ, то при дотрагиваніи, то на разстояніи отъ одного до двухъ сантиметровъ;—прекращеніе этихъ эффектовъ, когда между рукой и предметомъ помѣщали клеенку.

4) Ощущеніе сильныхъ уколовъ, когда прикасались къ сгибу лѣвой руки или къ головѣ, или когда просто приближали на небольшое разстояніе палочку сургуча или хорошо натертую стеклянную трубочку;—если ихъ не натирали, или если ихъ увлажняли—эффекты прекращались. Пушокъ на рукѣ, приглаженный помощью слюны, н..еживался при сближеніи къ правой рукѣ молодой дѣвушки.

5) Болѣзненное ощущеніе и нестерпимое колотье, когда приближали на нѣсколько сантиметровъ къ протянутымъ пальцамъ, такъ же, какъ и къ головѣ, который нибудь изъ полюсовъ сильнаго магнита; ненамагниченное желѣзо не производило этихъ эффектовъ. Намагниченная игла, подвѣшенная горизонтально на длинной ниткѣ, была отклонена отъ направленія магнитнаго меридіана и колебалась при сближеніи лѣвой руки молодой дѣвушки.

Молодая дѣвушка обыкновенно доставляла много, когда я находился вблизи ея, такъ какъ я не возбуждалъ ея недовѣрія, избѣгалъ ее мучить; я полагаю, что хотя, какъ кажется, ея воля не имѣетъ вліянія, но чтобы заставить ее доставить успѣшно, нужно, чтобы она не была озабочена и была весела».

Наконецъ, господинъ Когю, мораньскій аптекарь, написалъ слѣдующее письмо, адресованное, какъ и предшествовавшія, доктору Таншону; оно помѣщено въ брошюрѣ, изданной этимъ почтеннымъ медикомъ, имѣющей заглавіемъ: «Изслѣдованіе о подлинности электрическихъ феноменовъ Анжелики Коттэнъ» *).

«Явленія, отмѣченныя господиномъ Гебертомъ,—говоритъ аптекарь Мортаньи,—вполнѣ подлинны; я не въ состояніи объяснить себѣ причины, почему они прекратились и не были признаны. Явленія очевидны, между ними есть поразительныя; они были констатированы, хорошо обслѣдованы большимъ числомъ почтенныхъ людей; въ нихъ не было ни обмана, ни соучастничества. Феноменъ со стуломъ извѣстенъ болѣе, чѣмъ тысячѣ людей, эта мебель почти отбрасывалась отъ прикосновенія дѣвочки. Я видѣлъ, какъ три сильныхъ человѣка старались его удержать подъ ней и оно ускользнуло у нихъ сильнымъ движеніемъ; я, сударь мой, сидѣлъ рядомъ съ ней и не могъ удержаться, несмотря на всѣ усилія и предосторожности.

Пусть этому даютъ любое названіе; важно констатировать эту отталкивающую способность; она очень ясна; невозможно отрицать ея дѣйствія. Мнѣ казалось, что сѣдалище ея въ маломъ мозгу или въ тазу можетъ быть въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ; но фактъ на лицо, фактъ матеріальный, видимый, неоспоримый».

Мы сочли нужнымъ привести подробно предъидущія показанія, такъ какъ они констатируютъ реальность анормальныхъ физіологическихъ феноменовъ, которые проявляла Анжелика Коттэнъ все то время, пока она жила въ своей родной деревнѣ, или Мортаньи. Въ самомъ дѣлѣ, мы уви-

*) Брошюра въ 54 страницы, Парижъ у Germer-Baillière, 1846.

димъ, что феномены эти значительно потеряли въ своей силѣ и кончили тѣмъ, что совершенно исчезли, когда Анжелика Коттэнъ, покинувъ департаментъ Орнъ, отправилась показать себя любопытнымъ и ученымъ Парижа. Родственники Анжелики, люди бѣдные и ограниченные, возымѣли мысль извлечь доходъ изъ своеобразной способности ихъ племянницы, возя ея на показъ изъ города въ городъ для удовлетворенія любопытства. Какъ было прочитано ранѣе, они начали эту выставку съ Мортаньи.

Слухъ о прибытіи молодой дѣвушки скоро распространился по городу,—и болѣе ста пятидесяти особъ посѣтило ее въ тотъ же вечеръ. Не въ примѣръ медиковъ Мамерса, отказавшихся изслѣдовать Анжелику Коттэнъ и медиковъ Беллема, не пожелавшихъ ее видѣть, хотя разстояніе между ними было въ одинъ километръ, медики Мортаньи употребили много старанія изслѣдовать электрическую дѣвушку или дѣвушку-ската, какъ ее прозвали, по сравненію съ рыбой, носящей названіе ската или электрическаго угря. Въ письмахъ, приведенныхъ выше видны результаты наблюденій, сдѣланныхъ надъ Анжеликой Коттэнъ медиками Мортаньи.

По ихъ настояніямъ и по ихъ желанію, родственники Анжелики приняли рѣшеніе отвезти электрическую дѣвушку въ Парижъ, чтобы подвергнуть ее изслѣдованію академиковъ. Она прибыла въ столицу 10 Февраля 1846 года. Съ первыхъ дней ея пріѣзда, многіе ученые посѣтили улицу Двухъ Экю, отель Реннъ, гдѣ она остановилась. Она была представлена Араго и одному медику доктору Таншону, которые подвергли ее 12 Февраля ряду опытовъ, длившихся болѣе двухъ часовъ.

17-го Февраля, во время публичнаго засѣданія Академіи Наукъ, безсмѣнный секретарь Араго познакомилъ съ испытаніями, которымъ докторъ Таншонъ подвергъ эту молодую дѣвушку и прочелъ по этому предмету замѣтку, которую вручилъ ему этотъ медикъ и которая была припечатана въ офиціальныхъ отчетахъ этого засѣданія. Вотъ эта замѣтка:

«Я видѣлъ два раза,—говоритъ докторъ Таншонъ, моло-

дую электрическую дѣвушку (Анжелику Коттэнъ). Стулъ, который я придерживалъ во всю мочь ногой и обѣими руками, былъ отодвинутъ въ то мгновеніе, когда она на него сѣла.

Маленькая полоска бумаги, которую я, соблюдая равновѣсіе, помѣстилъ на свой палецъ, была унесена нѣсколько разъ, какъ бы порывомъ вѣтра.

Обѣденный столъ средней величины и достаточно тяжелый нѣсколько разъ отталкивался и смѣщался однимъ прикосновеніемъ ея одеждъ.

Небольшое бумажное колеско, помѣщенное вертикально или горизонтально на своей оси, получало быстрое движеніе вслѣдствіе дуновеній, исходившихъ изъ кистеваго и локтеваго сгиба руки этой дѣвочки.

Софа, довольно большая и довольно тяжелая, на которой я сидѣлъ была съ силой оттолкнута къ стѣнѣ, въ то время, когда эта дѣвушка собиралась усѣсться рядомъ со мной.

Стулъ, удерживаемый за ножки четырьмя сильными людьми и на который я усѣлся, оставивъ свободной половину сидѣнья, съ силой былъ вырванъ изъ подъ меня, какъ только молодая особа усѣлась на свободной половинѣ. Диковинная вещь: всякій разъ, когда стулъ отнимался, казалось, онъ прикрѣплялъ къ себѣ одежду молодой дѣвушки; она влеклась за нимъ одно мгновеніе и отцѣплялась лишь послѣ.

Два бузиновыхъ шарика, или перо, подвѣшенное на шелковинкѣ, колебались, притягивались, а иногда удалялись одинъ отъ другаго

Эманаціи этой молодой дѣвушки не имѣютъ одинаковаго постоянства въ теченіе дня: они особенно замѣтны вечеромъ, между семью и девятью часами, что наводитъ меня на мысль, что въ этомъ играетъ роль послѣдняя ѣда, которую она принимаетъ въ шесть часовъ.

Эманаціи производятся только передней половиной ея тѣла и по преимуществу кистью руки и сгибомъ.

Они производятся лишь лѣвой половиной, рука этой стороны теплѣе другой, она отдѣляетъ нѣжную теплоту, влажную, какъ отъ части, гдѣ происходитъ сильная реакція.

Рука эта дрожитъ и подвержена постояннымъ необыкновеннымъ сокращеніямъ и трепетанію, которые точно передаются рукѣ того, кто до нея дотрогивается. Въ промежутокъ времени, когда я наблюдалъ эту молодую особу, пульсъ ея колебался между 105—120 ударами въ минуту и часто казался мнѣ неправильнымъ.

Если удалить эту молодую особу отъ общаго резервуара, усаживая ли ея на стулѣ, такъ чтобы ея ноги не касались земли, или чтобы ноги ея покоились на ногахъ, сидящаго противу нея—феноменъ не обнаруживается; равнымъ образомъ, онъ прекращается, когда она садится, подложивъ подъ себя обѣ руки. Навосченный полъ, кусокъ тафты, пропитанный клеемъ, полоска стекла, подложенная подъ ея ноги, или помѣщенная на ея сидѣньѣ—уничтожаютъ въ равной мѣрѣ ея электрическія свойства.

Въ теченіе пароксизма, молодая особа почти не можетъ ни до чего прикоснуться своей лѣвой рукой, не откинувъ ее въ сторону, точно она обожглась; когда ея одежды касаются мебели, она ее притягиваетъ, она ее смѣщаетъ, она ее перевертываетъ. Это станетъ понятнѣй, если сказать, что при всякомъ разряженіи она бѣжитъ, чтобы избѣгнуть боли; она выражается, что тогда это ее колетъ въ кисть или въ локтевой сгибъ; ища пульсъ въ височной артеріи, такъ какъ я не могъ добиться толку въ лѣвой рукѣ, мои пальцы нечаянно прикоснулись затылка; въ тоже мгновеніе молодая особа вскрикнула и быстро отшатнулась отъ меня. Въ области затылка (я въ этомъ убѣждался нѣсколько разъ) въ томъ мѣстѣ, гдѣ мускулы верхней части шеи прикрѣпляются къ черепу, есть пунктъ такой чувствительный, что молодая особа не позволяетъ къ нему прикоснуться и изъ котораго исходятъ всѣ ощущенія, которыя она испытываетъ въ лѣвой рукѣ.

Электрическія эманаціи этой дѣвочки, повидимому, идутъ волнообразно, вольнообразнымъ путемъ и послѣдовательно изъ различныхъ пунктовъ передней половины ея тѣла; по этому поводу я замѣчу, что смѣщеніе стола, составляющее самое сильное проявленіе ея силы, происходило на высотѣ ея таза.

Какъ бы то нибыло, они производятся газообразнымъ токомъ, производящимъ ощущеніе холода; я отчетливо чувствовалъ па рукѣ секундныя вѣянья, какъ отъ дуновенья губами.

Эта неправильность въ истеченіи флуида, повидимому, происходитъ отъ различныхъ причинъ: прежде всего отъ постоянной озабоченности молодой дѣвушки, безпрестанно оглядывающейся, не прикасается ли къ ней кто нибудь или что-нибудь, затѣмъ опасенія, что съ ней самой сейчасъ что-то произойдетъ, такъ какъ едва она произведетъ дѣйствіе, сейчасъ же убѣгаетъ, какъ бы отталкиваемая обратной силой, наконецъ, отъ утомленія и ожиданія. Поэтому, когда она ни о чемъ не думаетъ и ее развлекутъ—феноменъ бываетъ болѣе внезапный и болѣе сильный.

Каждый феноменъ у этой молодой дѣвушки отмѣчается страхомъ, бѣгствомъ и испуганнымъ видомъ. Когда она приближаетъ конецъ пальца къ сѣверному полюсу магнита, она получаетъ сильное сотрясеніе, южный полюсъ не производитъ никакого дѣйствія. Можно ворочать магнитъ, какъ угодно, такъ что и самъ не отличишь полюса, но дѣвушка съумѣетъ отлично его указать.

Дѣвочкѣ этой тринадцать лѣтъ, она еще не возмужала и отъ матери ея я узналъ, что у нея не было еще и признаковъ менструаціи.

Она очень крѣпка и здорова.

Умъ ея мало развитъ; это деревенщина въ полномъ значеніи этого слова, однако она умѣетъ читать и писать; занималась она изготовленіемъ дамскихъ перчатокъ. Первые феномены произошли съ мѣсяцъ тому назадъ.

Парижъ 15 Февраля 1846 г.».

Прочтя вышеприведенную замѣтку, Араго разсказалъ то, что онъ лично наблюдалъ у Анжелики Коттэнъ, которую ея родственники доставили въ обсерваторію. Въ присутствіи гг. Матье, Ложье и Гужона онъ констатировалъ слѣдующіе феномены. Когда Анжелика Коттэнъ приближала свою руку къ листу бумаги, положенному на край стола, листъ живо притягивался ея рукой. Когда Анжелика приближалась къ треножнику и касалась его своимъ передникомъ, треножник-

никъ, былъ оттолкнутъ. Когда Анжелика, усѣлась на стулъ, имѣя ступни на землѣ, стулъ съ силой былъ отброшенъ къ стѣнѣ, а молодая дѣвушка въ противоположную сторону.

Послѣдній опытъ, повторенный нѣсколько разъ, удавался постоянно. Ни Араго, ни гг. Гужонъ и Ложье не могли удержать стулъ въ покоѣ. Когда Гужонъ сидѣлъ на половинѣ сидѣнья стула, то въ то мгновеніе, когда молодая дѣвушка собиралась усѣться рядомъ съ нимъ, стулъ былъ перевернутъ.

По окончаніи доклада, Араго просилъ о назначеніи коммисіи для изслѣдованія этихъ феноменовъ. Академія Наукъ назначила для ознакомленія съ этими фактами и представленія ей отчета коммисіи, въ составъ которой вошли: Араго, Беккерель, Имдоръ, Жофруа Сентъ-Иллеръ, Бабинэ, Рейеръ и Паризэ.

Со слѣдующаго дня коммисія эта собиралась въ Jardin des plantes, но опыты ея давали неблагопріятные результаты для реальности электрическихъ свойствъ Анжелики Коттэнъ.

Обративъ свое вниманіе на то, чтобы съ помощью физическихъ приборовъ констатировать присутствіе электричества въ тѣлѣ молодой дѣвушки, коммисія мало заботилась о тѣхъ феноменахъ механическаго свойства, о переворачиваемыхъ треножникахъ, отбрасываемыхъ стульяхъ,—словомъ, о случаяхъ, исключительно обращавшихъ на себя вниманіе въ департаментѣ Орнъ. Но физическіе приборы напугали молодую дѣвушку и вовсе не открыли въ ней присутствія свободнаго электричества, аналогичнаго электричеству нашихъ машинъ, или которое такъ легко обнаруживалось у электрическихъ рыбъ какъ, напр., у ската, у электрическаго угря, у сома.

Къ тому же эти феномены механическаго движенія день ото дня теряли свою первоначальную силу. Докторъ Таншонъ, такимъ положительнымъ образомъ констатировавшій ихъ въ первые дни прибытія Анжелики, увидѣлъ съ удивленіемъ что они переставали производиться и даже клонились къ полному исчезновенію.

Докторъ Таншонъ самъ поспѣшилъ признать это въ пись-

мѣ, которымъ онъ предупреждалъ неизбѣжныя оспариванья. Письмо это, адресованное президенту Академіи Наукъ, гласило такъ:

«Господинъ Президентъ!

Такъ какъ электрическіе феномены, которые помимо всего, какъ смѣю думать, я хорошо наблюдалъ у дѣвушки Коттэнъ 13 и 14 февраля, возбудили споры, то я пожелалъ констатировать ихъ 19-го и 24 того же мѣсяца передъ людьми серьезными и просвѣщенными. Долженъ объявить вамъ, что всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, были безплодны или почти безплодны. Поэтому, признаю благоразумнымъ перейти къ сомнѣнію и выжидать новыхъ образчиковъ, чтобы выработать себѣ мнѣніе о явленіяхъ такихъ разнообразныхъ и такихъ измѣнчивыхъ по своей натурѣ.

1 марта 1846 г. Таншонъ».

Признаніе, помѣщенное въ этомъ письмѣ, заставляло предвидѣть заключеніе отчета коммиссіи Академіи Наукъ, на которую было возложено изслѣдовать Анжелику Коттэнъ. Два сеанса были посвящены академической коммиссіей на изслѣдованіе заявленныхъ феноменовъ у этой молодой дѣвушки — и никакого результата не было констатировано. Отчетъ коммиссіи могъ быть лишь неблагопріятнымъ для анормальныхъ способностей бѣдной Анжелики. Объ этомъ можно судить по нижеслѣдующему.

«Въ засѣданіи прошлаго 16 февраля, — говорится въ этомъ отчетѣ, — Академіи было представлено господиномъ Шоле *) и докторомъ Таншономъ двѣ записки относящихся до необыкновенныхъ способностей, которыя, какъ говорится въ нихъ, развились около мѣсяца тому назадъ у молодой дѣвушки департамен. Орнъ, Анжелики Коттэнъ, четырнадцати лѣтъ. Академія, согласно принятому обыкновенію, назначила коммиссію для изслѣдованія заявленныхъ фактовъ и для представленія отчета о результатахъ. Мы собираемся въ нѣсколькихъ словахъ покончить съ нашимъ долгомъ.

---

*) Шоле былъ пріятель семейства Коттэнъ, доставившій Анжелику въ Парижъ для изслѣдованія учеными.

Утверждалось, что дѣвица Коттэнъ производитъ сильное отталкивающее дѣйствіе на тѣла всякаго рода, въ тотъ моментъ, когда какая нибудь часть ея одежды соприкасается съ ними; говорили даже о треножникахъ, переворачиваемыхъ отъ простаго прикосновенія шелковинки.

Никакого достойнаго вниманія эффекта этого рода не обнаружилось передъ коммиссіей.

Въ докладѣ, сообщенномъ Академіи, упоминается о намагниченной иглѣ, которая подъ вліяніемъ предплечья молодой дѣвушки производила сперва колебанія и затѣмъ далеко отклонялась отъ магнитнаго меридіана.

На глазахъ коммиссіи игла, осторожно подвѣшенная, не испытывала при тѣхъ же обстоятельствахъ ни отклоненія постояннаго, ни смѣшенія временнаго.

Г. Таншонъ полагаетъ, что дѣвица Коттэнъ обладаетъ способностью отличать сѣверный полюсъ магнита отъ южнаго простымъ прикосновеніемъ къ полюсамъ пальцевъ. Коммиссія удостовѣрилась видоизмѣняющими и многочисленными опытами, что молодая дѣвушка не обладаетъ способностью различать прикосновеніемъ полюса магнитовъ.

Коммиссія ограничится этимъ перечисленіемъ своихъ неудавшихся попытокъ. Она добавитъ лишь въ заключеніе, что единственный заявленный фактъ, осуществившійся передъ нею, заключался въ быстромъ и сильномъ движеніи стульевъ, на которые садилась молодая дѣвушка. Такъ какъ возникли серьезныя сомнѣнія относительно способа совершенія этихъ движеній, то коммиссія рѣшила подвергнуть ихъ внимательному испытанію. Она объявила безъ обиняковъ, что изслѣдованія будутъ направлены на то, чтобы открыть, какое участіе въ наблюдаемомъ фактѣ могутъ принимать нѣкоторыя ловко скрытыя движенія ногъ и рукъ.

Съ этой минуты намъ было объявлено (господиномъ Шало), что молодая дѣвушка утратила свои способности притяженія и отталкиванія и что мы будемъ извѣщены, какъ только способность эта возобновится. Съ того времени прошло много дней, но коммиссія не получила извѣщенія. Мы однако узнали, что дѣвица Анжелика Коттэнъ ежедневно бываетъ въ салонахъ, гдѣ повторяетъ свои опыты.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, коммиссія пришла къ заключенію, что сообщенія, переданныя академіи по поводу дѣвицы Анжелики Коттэнъ, слѣдуетъ разсматривать какъ не имѣющія значенія *).

Подписано: Араго, Бекерель, Исидоръ Жофруа Сентъ-Иллеръ, Бабинэ, Рейеръ, Паризе.

Несмотря на весь авторитетъ подписавшихся ученыхъ, мы не полагаемъ, чтобы этотъ докладъ доказывалъ, какъ въ немъ говорится, чтобы молодая дѣвушка деревни Бувиньи была не болѣе какъ ловкая штукарка, завѣдомо обманывавшая публику. Если явленія притягиванья и смѣщенія вовсе не произошли на двухъ засѣданіяхъ академической коммиссіи, происходившихъ въ Jardin des plantes, этотъ отрицательный результатъ не можетъ ослабить свидѣтельства тысячъ особъ, констатировавшихъ этотъ фактъ въ департаментѣ Орнъ. Мы не можемъ допустить, чтобы столько наблюдателей, которыхъ добросовѣстные и подробные отчеты мы прочли, были бы одурачены повѣсничествомъ очень недалекой дѣвушки. Проще допустить, что анормальный процессъ, происходившій въ ея организмѣ, обнаружившись въ началѣ съ извѣстной силой, мало-по-малу потерялъ свою интенсивность и окончился тѣмъ, что вовсе прекратился**).

*) Бабинэ, въ статьѣ помѣщенной въ Revue des deux Mondes 15 мая 1854 года, разсказалъ фактъ, свидѣтелемъ котораго онъ не былъ, потому что ушелъ раньше окончанія сеанса, о которомъ говоритъ и въ которомъ одинъ любитель «восьмидесятилѣтній старикъ» объявилъ, что видѣлъ, какъ Анжелика Коттэнъ оттолкнула треножникъ ударомъ колѣна. Этотъ «восьмидесятилѣтній» есть единственный свидѣтель, между тысячей присутствовавшихъ на этого рода опытахъ, поймавшій на мѣстѣ обмана электрическую дѣвушку. Достаточенъ ли его авторитетъ, чтобы уничтожить столько положительныхъ наблюденій. Мы предоставляемъ читателю отвѣтить на этотъ вопросъ. Скажемъ только, что предположивъ, что несмотря на свой возрастъ, онъ хорошо видѣлъ, плутовство въ данномъ случаѣ не исключаетъ реальности раньшихъ феноменовъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно думать, что въ сеансѣ, о которомъ идетъ рѣчь и безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, Анжелика Коттэнъ пожелала замѣнить нѣкоторой ловкостью необыкновенную способность, объ утратѣ которой она жалѣла.

**) Отчеты Академіи Наукъ, засѣданіе 9-го марта 1846 года.

Можно было бы допускать плутовство, еслибы фактъ Анжелики Коттэнъ былъ единственнымъ въ наукѣ; но физiологическiя работы, изданныя послѣ 1846 года, приводятъ многiе аналогичные. Факты эти доказываютъ, что электрическое состоянiе, существующее естественно у нѣкоторыхъ породъ рыбъ, можетъ обнаруживаться, преходяще, у человѣка въ болѣзненномъ состоянiи.

Мы не станемъ заимствовать изъ физiологическихъ работъ случаевъ, о которыхъ идетъ дѣло; но, считаемъ долгомъ привести одно наблюденiе этого рода, еще не изданное, которое было намъ сообщено и которое повторяетъ слово въ слово тѣ феномены, которые парижская академiя наукъ отрицала у Анжелики Коттэнъ.

Докторъ Пино, медикъ въ Пелюи (деп. Шеръ), любезно адресовалъ намъ въ 1858 году отчетъ о болѣзни, которую онъ наблюдалъ у одной дѣвушки тѣхъ же лѣтъ, какъ Анжелика Коттэнъ, и которая проживала въ Гэ, департамента Индры и Луары. Эта молодая дѣвушка, именемъ Гонорина Сегинъ, имѣвшая тринадцать съ половиной лѣтъ и принадлежавшая къ семьѣ зажиточныхъ хлѣбопашцевъ, была помѣщена въ обученiе къ бѣлошвейкѣ въ Гэ. Однажды, въ началѣ декабря 1857 года, когда она работала рядомъ съ своей хозяйкой — столъ, при которомъ онѣ работали, получилъ сильный толчекъ, безъ видимой причины. Испуганныя женщины отошли; столъ слѣдовалъ всѣмъ движенiямъ Гонорины, наконецъ, онъ отдалился и перевернулся. Тѣже явленiя повторились со всякаго рода мебелью, которая оказывалась въ соприкосновенiи съ одеждой молодой дѣвушки: со стульями, столами, кроватями и т. п. Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ эти любопытныя явленiя ежедневно повторялись на глазахъ множества свидѣтелей, принадлежавшимъ ко всѣмъ классамъ общества, когда докторъ Пино рѣшился въ свою очередь отправиться туда 10 февраля 1857 года, и вотъ что онъ въ состоянiи былъ констатировать. Молодая дѣвушка очень интеллигентна и получила у родителей нѣкоторое образованiе. Когда прибылъ докторъ, она сѣла около него на стулъ и поставила передъ собой другой стулъ въ сосѣдствѣ съ подоломъ ея платья, которое у нея волочилось на полу. Послѣ

получаса ожиданія, ея юбка надулась и дотронулась до одной изъ палокъ пустаго стула, который тотчасъ же совершилъ легкое вращательное движеніе, сопровождаемое характеристическимъ трескомъ. Съ этой минуты стулъ, казалось, повиновался всѣмъ приказаніямъ, которыя Гоноринѣ приходили въ голову. Онъ ворочался, скользя ножками по полу; онъ выстукивалъ требуемое число ударовъ; онъ подымался на двухъ ножкахъ и оставался въ равновѣсіи; онъ билъ тактъ, въ то время, когда Гонорина пѣла; наконецъ, онъ съ силой перевернулся. При сближеніи руки къ юбкѣ, она тотчасъ теряла свою упругость; но мгновеніе спустя, снова надувалась, приближалась къ стулу и укрѣплялась къ нему, точно была притягиваема силой, подобной электричеству.

Въ продолженіи опыта, длившагося два часа, руки и ноги молодой дѣвушки были на виду и неподвижны, что устраняетъ подозрѣніе всякаго съ ея стороны плутовства. Притомъ для наблюдателя такое предположеніе было вполнѣ не допустимо, такъ какъ онъ и остальные присутствовавшіе употребляли самое упорное вниманіе для наблюденія за ея движеніями.

Повидимому, въ началѣ явленія эти представляли болѣе сильную интенсивность. Такъ, ткань платья бывала до того напряжена, что звучала какъ картонъ, когда по ней ударяли твердымъ тѣломъ. Болѣе того, мебель продолжала совершать движенія на разстояніи, если предварительно она бывала приведена въ соприкосновеніе съ юбкой. Авторъ отчета, въ которомъ мы находимъ эти подробности, не могъ провѣрить этотъ послѣдній фактъ. Всякій разъ, когда на глазахъ его прикосновеніе одежды прекращалось, стулъ становился вполнѣ неподвижнымъ.

Докторъ Пино приблизилъ къ тѣлу молодой дѣвушки маленькій приборъ, состоявшій изъ двухъ бузиновыхъ шариковъ, висящихъ на шелковинкахъ, чтобы узнать, не будутъ ли они притянуты, какъ это имѣетъ мѣсто съ электричествомъ. Результаты были вполнѣ отрицательными; шарики оставались неподвижными при сближеніи къ юбкѣ, которая въ этотъ моментъ поднималась и переворачивала довольно тяжелый орѣховый стулъ. Платье состояло изъ ткани льна и бумаги.

Это замѣчательное состояніе въ началѣ обнаруживалось вполнѣ самопроизвольно и проявленіе феноменовъ, которые то вызывали, было невольно; ихъ частое повтореніе было даже неудобно для молодой дѣвушки. Позднѣе они стали рѣже и менѣе интенсивны.

Когда докторъ Пино производилъ свое изслѣдованіе, явленія притяженія не обнаруживались уже тринадцать дней и чтобы ихъ вызвать, нужно было съ ея стороны употребить продолжительное усиліе воли. Въ концѣ они вовсе исчезли и Гонорина Сегинъ не представляетъ болѣе ничего необычайнаго. Наблюденіе это, какъ намъ кажется, можетъ подтвердить реальность электрическихъ свойствъ Анжелики Коттэнъ и доказать, что въ дѣлѣ молодой дѣвушки изъ Бувиньи не было ни плутовства, ни соучастничества; а лишь болѣзненное состояніе, которое такъ же самопроизвольно исчезло какъ и появилось и какъ исчезаютъ анормальныя разстройства, которымъ подвергается нервная система.

Мы полагаемъ, что такимъ объясненіемъ легче отбить у сторонниковъ сверхъестественнаго фактъ Анжелики Коттэнъ, которымъ они въ ту эпоху эксплоатировали. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, слѣдуетъ предпочесть научное объясненіе систематическому скептицизму и отрицанію.

Въ 1880 году американскіе журналы упоминали о новой электрической дѣвушкѣ, которую наблюдали въ Канадѣ. Въ Phrenological Magazine въ іюнѣ 1880 года читали слѣдующую статью.

«Съ давнихъ поръ извѣстно, что нѣкоторые люди обладаютъ сильной электричностью, то есть, что они до такой степени заряжены электричествомъ, что могутъ производить ударъ, какъ скаты и другія рыбы.

Случай молодой электрической дѣвушки изъ Лондона (Канада) представляетъ однако самый необыкновенный изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. Она болѣла въ теченіе двухъ лѣтъ, но теперь вполнѣ здорова. Медики не были въ состояніи опредѣлить ея болѣзни, но по излеченіи повидимому оказывается, что она была ходячей гальванической батареей, хотя она не была слишкомъ нервной, но никто не могъ прикоснуться къ

ея рукѣ или помѣстить вмѣстѣ съ ея рукой въ ведрѣ воды. При образованіи цѣпи изъ рукъ, она можетъ дать сильный ударъ пятнадцати, двадцати, находящимся въ комнатѣ особамъ; и обладаетъ свойствомъ притягиванья и отталкиванья, какъ магнитъ.

Когда она желаетъ взять ножъ, сталь вскакиваетъ сама собой ей въ руки. Иглы въ бумажной оберткѣ держатся привѣшанными къ ея пальцамъ. Когда она входитъ въ комнату, всѣ присутствующіе испытываютъ ощутительное вліяніе; одни засыпаютъ, другіе чувствуютъ не по себѣ и нервно растроенными до ея ухода.

Ребенокъ пробуждается при ея приближеніи, но легкая ласка ея руки усыпляетъ его снова.

Животныя въ равной мѣрѣ испытываютъ ея вліяніе и любимица домашняя собака цѣлыми днями лежитъ у ея ногъ такъ неподвижно, будто мертвая.

Случай этотъ дѣйствительно слишкомъ необыкновененъ, полагаемъ мы, чтобы ученые американскіе спеціалисты не поспѣшили изучить и объяснить его».

Въ наблюденіи надъ молодой электрической дѣвушкой Канады имѣются всѣ черты, которыя представляли намъ наблюденія надъ Анжеликой Коттэнъ и Гонориной Сегенъ. Поэтому, нѣтъ нужды настаивать долѣе надъ реальностью этого феномена и на истинной ея натурѣ, заключающейся въ ненормальномъ и патологическомъ накопленіи электричества, существующаго въ слабой степени у нѣкоторыхъ животныхъ и въ крайнемъ избыткѣ у рыбъ, называемыхъ электрическими; какъ-то: ската, угря и сома.

Отзывчивыя улитки.

Faciamus expirimentum in anima vili.

Жюль Алликсъ извѣщаетъ о воображаемомъ открытіи Бенуа (изъ Геро) о передачѣ мыслей на значительныя разстоянія посредствомъ живыхъ улитокъ. — Тріа принимаетъ Бенуа въ свою гимназію для постройки его прибора. — Опытъ съ отзывчивыми улитками признается дѣломъ галлюцината.

Между явленіями, которыя слѣдуетъ разсматривать какъ прелюдіи или предшественниковъ вертящихся столовъ во Франціи, мы не должны забывать отзывчивыхъ улитокъ, которыя въ теченіе октября 1850 года занимали парижанъ самымъ страннымъ образомъ. Многія особы, и притомъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ, вѣрили въ чудесныя свойства, приписываемыя этимъ бѣднымъ слизнякамъ, никогда не отличавшимся поспѣшностью въ передвиженіяхъ и которыхъ не смотря на то хотѣли сдѣлать чудесными агентами для сношеній, передаваемыхъ съ быстротою мысли, т. е , съ быстротой, превосходящей электричество.

Чтобы объснить диковинное заблужденіе, въ которое впадало тогда много людей замѣчательныхъ, какъ своимъ развитіемъ, такъ и просвѣщеніемъ, нужно припомнить, что въ наши дни наука въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ достигла такихъ результатовъ, что стали думать, будто для человѣческаго генія нѣтъ болѣе ничего невозможнаго. Если бы вздумали утверждать инымъ людямъ, что открыли способъ войти въ сношенія съ обитателями луны—эта новость имѣла бы много шансовъ къ тому, что ей бы серьезно повѣрили.

Фактъ, положенный въ основу вопроса о сочувственныхъ улиткахъ, былъ того же сорта. Онъ составлялъ такое же явное нарушеніе законовъ природы, препятствующее допускать, что можно установить физическое сообщеніе одного мѣста съ другимъ безъ какого-нибудь вещественнаго посредника. Тѣ, кто вѣрилъ въ дѣйствительность отзывчивыхъ улитокъ, безъ сомнѣнія доказалъ этимъ удивленіе, доходящее до энтузіазма, къ успѣхамъ науки; но самыя элементарныя физическія познанія охранили бы ихъ отъ такого грубаго заблужденія. Въ ихъ оправданіе можно привести, что въ ту эпоху, когда вѣсть объ отзывчивыхъ улиткахъ появилась въ парижскихъ газетахъ, во Франціи вводился электрическій телеграфъ и немногими годами раньше было открыто, что безъ ущерба для передачи можно обойтись безъ второй проволоки электрическаго телеграфа, ибо въ этомъ случаѣ проводникомъ служитъ земля. Такъ какъ въ случаяхъ такого рода электричество передается изъ одного пункта въ другой безъ видимаго проводника, то въ упомянутомъ физическомъ феноменѣ оказывалось обстоятельство, которое, будучи невѣрно истолковываемо, могло поддерживать сторонниковъ сокровенной передачи мысли при посредствѣ медлительнаго животнаго, о которомъ идетъ рѣчь.

Феноменъ симпатическихъ улитокъ былъ оповѣщенъ міру въ фельетонахъ «Presse» 25 и 26 октября 1850 года, въ то время не безъизвѣстнымъ публицистомъ Жюлемъ Алликсъ. Письмо этого писателя, напечатанное въ нѣкоторыхъ журналахъ 3-го октября, давало уже любопытнымъ предвкушеніе этаго чуда; но мемуаръ, который де-Жирарденъ разрѣшилъ напечатать въ «Presse», знакомилъ съ фактами болѣе обстоятельно.

Мы воспроизводимъ главные отрывки изъ мемуара Жюля Алликса, единственнаго письменнаго документа, сохранившагося по этому вопросу. Мемуаръ, перепечатанный различными журналами и обозрѣніями, а въ частности «Democratie Pacifique»*) носилъ заглавіе «Универсальная и мгновенная передача мысли на какія бы то ни было разстоянія посред-

*) Номеръ 27 октября 1850 г.

ствомъ переноснаго прибора, именуемаго пасилалиническая сочувствованная бусоль господъ Бенуа (изъ Геро) и Біа-Кретьенъ (американца).

«Послѣ того, какъ я имѣлъ честь извѣстить, — говоритъ Жюль Алликсъ объ открытіи гг. Жана-Тулень-Бенуа (изъ Геро) и Біа-Кретьенъ (американца), — мое удивленіе къ ихъ новому способу универсальной и мгновенной передачи мысли лишь возросло.

«То же самое должно произойти и со всякимъ, такъ какъ чѣмъ болѣе думаешь о послѣдствіяхъ, тѣмъ находишь ихъ величественнѣе. Но теперь дѣло идетъ не объ удивленіи и энтузіазмѣ; напротивъ, я собираюсь дать объясненія. Какъ личныя разъясненія, такъ и документы разныхъ родовъ, которыми удостоилъ меня снабдить г. Бенуа, одинъ изъ изобрѣтателей, дали мнѣ возможность, такъ сказать, дотронуться пальцемъ явленія и его причины. Я занялъ этотъ обезпеченный и спокойный пунктъ, чтобы въ настоящемъ сообщеніи избѣгнуть съ своей стороны самой малѣйшей иллюзіи.

«Перейдемъ, однако, къ самому факту и испытанію, о которомъ я считаю долгомъ вамъ передать.

«Фактъ этотъ—открытіе новаго способа передачи мысли, посредствомъ котораго всѣ будутъ въ состояніи сообщаться мгновенно между собой на какомъ бы разстояніи они другъ отъ друга не находились; по одиночкѣ ли, или нѣсколько человѣкъ одновременно на всѣхъ концахъ свѣта, безъ услуги электрическаго проводника, — а лишь при помощи весьма удобной машинки, названной изобрѣтателями «отзывчивой пасиланитической бусолью», машинки, которая при томъ можетъ имѣть любые размѣры и имѣть любую форму.

«Что касается испытанія, я конечно могъ бы ограничиться тѣмъ, что констатировать его удачу; но такъ какъ въ этомъ мемуарѣ, предназначенномъ не только для Франціи, но и для цѣлаго міра, я предполагаю въ то же время познакомить, насколько возможно, съ его причинами и его средствами, то я собираюсь сначала установить съ двоякой точки зрѣнія научной и практической принципы, на которыхъ покоится открытіе».

Послѣ очень длиннаго вступленія, гдѣ въ безпорядкѣ пере-

мѣшаны явленія физическія, относящіяся къ электричеству, съ изрѣченіями библіи, открытіе Гальвани съ животнымъ магнетизмомъ, предсказанія Лакордера съ опытомъ, произведеннымъ въ 1845 году о возможности обходиться безъ второй проволоки въ электрическомъ телеграфѣ,— авторъ рѣшается приступить къ своему предмету. Такъ какъ мы не были бы въ состояніи резюмировать идеи Алликса, мы приведемъ ихъ буквально, предоставляя читателю заботу отгадывать: умышленно ли или невольно новый редакторъ напустилъ въ своемъ изложеніи столько тумана и неточностей.

«Такимъ образомъ, какъ я заставилъ уже догадываться,— говоритъ Жюль Алликсъ, — открытіе Бенуа и Біа основано одновременно на гальванизмѣ, минеральномъ и животномъ магнетизмѣ и естественной симпатіи; т. е., что въ основаніи новаго сношенія лежитъ родъ особаго флуида, происходящаго изъ соединеній флуидовъ магнетическаго, гальваническаго и сочувственнаго, соединяемыхъ вмѣстѣ посредствомъ операцій и процедуръ, которыя будутъ описаны ниже.

«Различные флуиды, о которыхъ идетъ рѣчь, подраздѣляются на органическіе и неорганическіе и слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ флуиды, входящіе въ соединеніе, суть: флуидъ минерально-гальваническій съ одной стороны, флуидъ животно-сочувственный улитокъ — съ другой, и наконецъ (въ-третьихъ), флуидъ магнито-минеральный и адамическій или человѣческій, т. е., флуидъ минеральнаго магнита и флуидъ магнито-животный человѣка; такъ что, если характеризировать точнымъ образомъ основаніе новаго способа сообщеній, слѣдовало бы сказать, что онъ производится при посредствѣ сочувствія гальвано-магнито-минерально-животнаго и адамическаго!!! Въ самомъ дѣлѣ, гг. Бенуа и Біа открыли, что нѣкоторыя улитки обладаютъ замѣчательнымъ свойствомъ находиться подъ постояннымъ отзывчивымъ вліяніемъ другъ отъ друга. Послѣ того, когда ихъ спарятъ и затѣмъ подвергнутъ особой операціи магнетическаго флуида минеральнаго и адамическаго, онѣ становятся въ необходимыя условія поддерживать эту отзывчивость непрерывно. Для всего этого нужно не болѣе, какъ весьма удобный приборъ ихъ изобрѣтенія, который они назвали «отзывчивой пасилалиниче-

ской бусолью», при помощи которой они получаютъ теперь мгновенно, на какомъ бы разстояніи не находились отзывчивыя улитки другъ отъ друга, весьма ощутительныя коммоціи, которыя они прозвали улиточными коммоціями, обнаруживающимися и передаваемыми всякій разъ, когда отзывчивость двухъ улитокъ возбуждается сближеніемъ двухъ другихъ улитокъ, тоже сочувствующихъ между собой и остальными; совершенно такъ же, какъ электрическая коммоція обнаруживается у физика всякій разъ, когда онъ приближаетъ свой палецъ къ какому-нибудь наэлектризованному тѣлу.

«О сочувствіи весьма легко составить себѣ понятіе, такъ какъ человѣкъ самъ по себѣ существо весьма отзывчивое. Чѣмъ инымъ объяснить любовь цѣломудренную, эту чистую и святую призязанность, свободную отъ всякаго чувственнаго желанія, стремящуюся соединить между собой всѣхъ людей естественнымъ и общимъ влеченіемъ, которое замѣчается въ одномъ полѣ по отношенію къ другому, начиная съ дѣтства до полнаго возраста, если не разсматривать ее, какъ результатъ этой естественной отзывчивости, назначенной Провидѣніемъ для всеобщей гармоніи въ природѣ?!

«Человѣкъ одинокій и изолированный есть, въ самомъ дѣлѣ, существо самъ по себѣ не полное—это одна изъ долей высшаго существа, которая, чтобы дополниться и выполнить такимъ образомъ цѣль своего назначенія, должна найдти и вслѣдствіе этого постоянно ищетъ, пока не встрѣтитъ другую часть, которой она сочувствуетъ. Тоже самое со всѣми существами и особливо съ улитками, съ тою, однако, разницей, что улитки, вмѣсто того, чтобы дополнять одна другую, какъ у людей, могутъ сочувствовать многимъ вмѣстѣ и въ тоже время одни другимъ.

«Вполнѣ также понятно, что симпатія можетъ обнаружиться на разстояніи между существами, сочувствующими другъ другу; но возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ сочувствіе, существующее между двумя удаленными другъ отъ друга улитками, скажемъ—одной во Франціи, другой—въ Америкѣ, можетъ стать ощутительнымъ до такой степени, что оно съ одной стороны можетъ вызвать улиточную коммоцію, а съ другой—передать такую коммоцію на какое-бы

то ни было разстояніе. Ясно, что улиточная коммоція, которая есть ничто иное, какъ такъ сказать «электрическое выраженіе желанія животнаго» дѣлается ощутительнымъ, какъ я указалъ, соединеніемъ флуидовъ и что сказанное свойство постоянства симпатіи достаточно объясняетъ, какъ по произволу возможно получить его въ любое время; изъ всего этого слѣдуетъ, что остается лишь узнать, какъ и посредствомъ какого проводника передать на разстояніи эту коммоцію.

«Начать съ того, что опыты, предпринятые въ этомъ отношеніи гг. Бенуа и Біа, не оставляютъ сомнѣнія относительно самого факта, который достовѣренъ; они даже установили, что въ этихъ передачахъ представляется тоже, что и въ электрическихъ, такъ какъ ихъ можно прерывать и прекращать тѣмъ же способомъ при посредствѣ тѣлъ, дурно проводящихъ электричество, что естественно объясняется присутствіемъ въ сложномъ симпатическомъ флуидѣ, о которомъ рѣчь, — флуида гальвано-минеральнаго, который есть ничто иное, какъ электричество.

«Что касается того, какъ производится это сообщеніе, то кажется, что послѣ разлученія у симпатизирующихъ между собой улитокъ, они выдѣляютъ изъ себя родъ флуида, проводникомъ котораго служитъ земля; флуидъ развивается и, такъ сказать, разматывается какъ едва видимая нить паутины или шелковичнаго червя, которую можно разматывать и протягивать на неопредѣленное разстояніе, не нарушая связи, съ той лишь разницей, что улиточный флуидъ совершенно не видимъ и что онъ обладаетъ такой же скоростью, какъ флуидъ электрическій и что этимъ флуидомъ улитки производятъ и сообщаютъ коммоціи, о которыхъ я говорилъ; и такъ какъ, что всякому извѣстно, улитки-гермафродиты или двухполые, т. е. въ одно и тоже время самцы и самки, то не легко сообразить, какъ симпатія, исходящая отъ одной изъ улитокъ для мгновенной передачи другой, можетъ передать улиточную коммоцію мгновенно одна другой и наоборотъ; могутъ сказать, что, допуская сочувственный флуидъ, нужно допустить, что съ нимъ должно происходить тоже, что съ другими флуидами, какъ, напримѣръ, съ электрическимъ,

гальваническимъ, магнетическимъ, которые имѣютъ свойство распространяться почти мгновенно на разстояніе, но по всѣмъ направленіямъ, если только не ограничить этого особымъ проводникомъ и не понятно, какъ можетъ производиться прямое сношеніе по желанію съ одного опредѣленнаго мѣста съ другимъ, посредствомъ симпатическаго флуида самого по себѣ. Съ перваго взгляда такое возраженіе, повидимому, имѣетъ значеніе; но это лишь кажется, потому что, какъ только дѣло идетъ о сочувственномъ флуидѣ или симпатіи, необходимо предположить два существа, и эти два существа естественно и неизбѣжно составляютъ двѣ крайнія точки линіи, по которой идетъ флуидъ, будетъ-ли эта линія прямая или кривая. Имѣло-бы значеніе опредѣлить то вліяніе, которое оказываетъ разстояніе на напряженность улиточныхъ коммоцій; но съ одной стороны напряженность этой коммоціи не такъ важна, разъ она существуетъ; а съ другой опыты Бенуа и Біа доказали, что каковы-бы ни были разстоянія—это не отражается на напряженности коммоцій.

«Есть нѣчто лучшее: разсматривая то, что было сказано о соединеніи различныхъ флуидовъ, убѣждаемся, что на образецъ льна, пеньки, бумаги и шерсти, нити которыхъ хотя въ естественномъ состояніи коротки, безъ связи и скрѣпленія между собой, могутъ, однако, давать, соединившись вмѣстѣ вращательнымъ движеніемъ веретена, болѣе или менѣе прочную нитку, длина которой ограничивается лишь запасомъ матеріала и волей человѣка, убѣждаешься,—говорю я,—что соединеніе разныхъ флуидовъ производитъ здѣсь сходный эффектъ, то есть, даетъ родъ сочувственной ленты безъ разрыва частей отъ одной улитки къ другой, съ той единственной разницей, что эта лента есть флуидъ и поэтому праву она безконечно эластична, какъ въ длину, такъ и въ ширину, что дѣлаетъ ее крайне податливой.

«Опыты, произведенные гг. Бенуа и Біа съ воздушнымъ шаромъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что земля служитъ проводникомъ непрерывной сочувственной лентѣ, образующей этотъ флуидъ, и затѣмъ, и электрической непроводимости воздуха. Для сообщеній черезъ атмосферу или въ атмосферѣ нуженъ спеціальный проводникъ, который легко,

впрочемъ, установить, опуская на землю какую-нибудь свободно висящую нить, хорошо проводящую электричество.

«Однако, чтобы установить сношенія, недостаточно однихъ сочувственныхъ улитокъ; нужно еще предположить существованіе симпатической гармоніи между субъектами, желающими войти въ сношенія, и эта симпатическая гармонія достигается помощью животнаго магнетизма и соединеніемъ вмѣстѣ, какъ я говорилъ, флуидъ сочувственныхъ улитокъ съ флуидомъ магнетическо-минерально-адамическимъ, подъ вліяніемъ флуида минерально-гальваническаго.

«Здѣсь не мѣсто входить въ объясненія, какая аналогія можетъ существовать между этими разнаго рода флуидами; я лишь настаиваю на необходимости ихъ соединенія, что составляетъ существенную часть открытія и безъ чего все предъидущее невозможно.

«При данныхъ улиточной отзывчивой коммоціи, мгновенной и на разстояніи, остальное въ открытіи заключается лишь въ ознакомленіи съ приборомъ, при помощи котораго эта коммоція получается и въ расположеніи его частей, принаровленномъ къ тому, чтобы утилизировать эти коммоціи для передачи мысли.

«Приборъ состоитъ изъ четырехсторонняго деревяннаго ящика, въ которомъ движется вольтовъ столбъ, котораго металлическія пары вмѣсто того, чтобы быть наложенными одна на другую, какъ въ столбѣ Вольта, расположены въ рядъ и сдерживаются въ помѣщеніяхъ, продѣланныхъ съ этой цѣлью въ колесѣ или круглой деревянной пластинкѣ, двигающейся на своей желѣзной оси.

«Металлическіе кружки, образующіе пары столба Вольта, гг. Бенуа и Біа замѣстили иными, въ формѣ круглыхъ стаканчиковъ или лоханочекъ, и состоящихъ изъ цинковаго стаканчика или лоханочки, обложенной внутри сукномъ, предварительно вымоченнымъ въ растворѣ сѣрнокислой мѣди и приклепанной къ нему мѣдной пластинкѣ.

«На днѣ каждой изъ этихъ лоханочекъ прикрѣплена посредствомъ смѣси, составъ которой будетъ указанъ, живая улитка, предварительно подготовленная и выбранная съ такимъ разсчетомъ, чтобы она могла пропитаться гальваниче-

скимъ вліяніемъ, которое должно соединиться съ вліяніемъ электрическимъ, которое разовьется, когда колесо, образующее столбъ, будетъ пущено въ движеніе, а разомъ съ ней и улитки, которыя тамъ прикрѣплены.

«Ящикъ, заключающій въ себѣ это колесо или подвижной столбъ, можетъ быть любой формы и изъ любого вещества; но необходимо ограждать улитки отъ атмосферныхъ вліяній. Во всякомъ случаѣ, онъ въ полномъ смыслѣ слова переносный.

«Сверхъ того, каждая гальваническая лоханочка или стаканчикъ устанавливается на пружинѣ такимъ способомъ, что образуетъ родъ эластической клавиши, движеніемъ которой пользуются для опредѣленія улиточной коммоціи.

«Понятно, что весь аппаратъ для сношеній необходимо предполагаетъ два особыхъ прибора, расположенныхъ такъ, какъ я только что описалъ, и съ особенной заботой о томъ, чтобы помѣстить въ лоханочки одного прибора улитокъ, сочувственныхъ улиткамъ второго прибора, такъ чтобы улиточныя коммоціи могли исходить изъ точно опредѣленнаго мѣста одного столба и направляться въ точно опредѣленное мѣсто другого, и наоборотъ.

«Когда такое расположеніе имѣется, остальное совершается само собой. Гг. Бенуа и Біа укрѣпили на пластинкѣ обѣихъ приборовъ и на каждой симпатизирующей другъ другу клавишѣ соотвѣтствующія буквы, такъ что они образуютъ родъ азбучнаго циферблата, при помощи котораго обмѣнъ мыслей производится вполнѣ естественно и мгновенно на всѣхъ разстояніяхъ этимъ письменнымъ сообщеніемъ мысли, въ которомъ улиточныя коммоціи замѣняютъ буквы.

Для того, чтобы сноситься, остается только помѣститься передъ двумя приборами одновременно и находиться въ условіяхъ симпатичной гармоніи, о которой сказано выше; и, если опыты, произведеные физиками Штенгейлемъ въ Мюнхенѣ и Маттеучи въ Пизѣ, дозволили послѣ 1845 г. ограничиться для каждаго телеграфа въ качествѣ проводника лишь одной металлической проволокой, то открытіе г.г. Бенуа и Біа, какъ это видно, уничтожаетъ ихъ вовсе.

Такъ какъ описанный мною приборъ имѣетъ видъ морской буссоли, то ему дали тоже названіе, присоединивъ,

чтобы охарактеризовать его назначеніе, прилагательное «пасилалиническій», что означаетъ слово или языкъ универсальный и отзывчивый, для указанія способа, которымъ имъ пользуются.

Отзывчивыя пасилалиническіе буссоли, устроеныя г. Бенуа, имѣютъ болѣе двухъ метровъ высоты. Имъ даны такіе большіе размѣры потому, что изобрѣтатель пожелалъ приспособить къ нимъ буквы или азбучные знаки всѣхъ употребительныхъ языковъ также, какъ всемірной пасилалинической азбуки, которую онъ создалъ и о которой будетъ говорено впослѣдствіи, затѣмъ знаки препинанія и числа; но понятно, что число паръ или необходимыхъ улиточныхъ клавишъ можетъ быть строго ограничено двадцатью пятью литерами французскаго алфавита, и такъ какъ помимо этого можно пользоваться улитками всѣхъ величинъ, а есть очень маленькія, величиной съ булавочную головку, то понятно, приборъ, могущій имѣть любыя формы, можетъ принимать также любые размѣры отъ самыхъ большихъ, до самыхъ малыхъ, и что можно будетъ имѣть ихъ величиной то въ корпусъ башенныхъ часовъ, то въ корпусъ стѣнныхъ, то, наконецъ, величиной въ карманные часы. Я не говорилъ ни о матеріалѣ, ни о способѣ, которыми долженъ быть сдѣланъ ящикъ прибора; такъ какъ ясно, что всякаго рода вещества металлическія или другія могутъ быть употреблены въ дѣло, то отзывчивыя пасилалиническія буссоли предназначены стать необходимой мебелью и даже интереснымъ украшеніемъ, которое, обогатясь всяческими артистическими причудами, которыя онъ не замедлитъ породить, неизбѣжно займетъ мѣсто повсюду, начиная отъ административныхъ кабинетовъ правительствующихъ лицъ, до самой скромной хижины, не миновавъ по дорогѣ будуаровъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, нужныхъ для употребленія испытаній, я прихожу теперь къ самому испытанію...

Здѣсь мы лишимъ нашего автора слова по причинѣ законнаго недовѣрія. Разсказъ, который онъ приводитъ объ испытаніи, сдѣланномъ Бенуа (изъ Геро) на самомъ дѣлѣ такъ пріукрашенъ, что даетъ совершенно ложное представ-

леніе объ этомъ испытаніи и его результатахъ. Однако, что это за Бенуа (изъ Геро) и этотъ Біа Кретьенъ, котораго мемуаръ, откуда мы привели такую длинную выдержку, помѣстилъ на отдаленные берега Америки. Біа—это былъ существо воображаемое, невинное твореніе галлюцинирующаго духа Бенуа. Никогда человѣка съ именемъ Біа-Кретьенъ не бывало на берегахъ Америки, для того, чтобы заниматься одновременно съ Бенуа сочувствіемъ улитокъ и чтобы примѣнять эту животную способность къ изобрѣтенію буссоли пасилалинической, адамической, симпатической и къ другимъ вещамъ фантастическимъ.

Что касается Бенуа, это былъ человѣкъ съ раннихъ лѣтъ предавшійся тому, что называется оккультивными знаніями. Вслѣдствіе мечтаній и элукубрацій о магіи, объ астрологіи, о Каліостро, о Месмерѣ въ перемежку съ нѣкоторымъ изученіемъ электричества и его таинственностей, логика Бенуа такъ перепуталась съ безуміемъ, что его мозги перевернулись вверхъ дномъ. Бенуа навѣрняка былъ галлюцинатомъ. Къ тому же безуміе не исключаетъ извѣстной ловкости для достиженія страстно желаемой цѣли. Сейчасъ представится доказательство этому.

Г. Тріа—основатель самой старой парижской гимназіи. Въ 1849 году его гимназія помѣщалась въ Avenue Montagne. Въ этомъ 1849 г., однажды, къ Тріа явился Бенуа и сообщилъ о сдѣланномъ имъ открытіи о передачѣ мысли на значительныя разстоянія безъ всякаго проводника посредствомъ пріема, далеко оставляющаго за собой электрическій телеграфъ. Онъ говорилъ Тріа, что приборъ уже имъ обдуманъ, все дѣло въ томъ, чтобы его осуществить. Лишь недостатокъ въ средствахъ, или скорѣй его нищета, лишаютъ возможности построить приборъ, притомъ очень несложный.

— Что же вамъ нужно? —спросилъ Тріа,—для постройки этой машины?

— Нѣсколько кусковъ дерева и работника,—отвѣтилъ Бенуа.

— Въ гимназіи нѣтъ недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ. Тріа отвелъ изобрѣтателя въ столярную мастерскую.

— Приступите къ дѣлу,—сказалъ онъ ему, — рѣжьте, стройте; снаряды и рабочіе къ вашимъ услугамъ.

Тріа сдѣлалъ болѣе; у будущаго изобрѣтателя буссоли пасилалинической, адамической, симпатической не было ни хлѣба, ни убѣжища. Онъ нанялъ для него комнату и озаботился его пропитаніемъ.

Такъ дѣло шло въ теченіи почти года. Въ концѣ этого времени Бенуа, содержась на счетъ своего покровителя, не достигъ еще никакихъ результатовъ. Было очевиднымъ, что, обращаясь къ Тріа, онъ имѣлъ въ расчетѣ не реализировать открытіе, уже имъ сдѣланное, а съ удобствомъ заняться изысканіями, которыя должны повесть къ этому открытію.

Приборъ, для котораго онъ требовалъ три-четыре деревянныхъ доски, наконецъ появился. Это была громадная постройка, состоящая изъ поперечинъ трехъ метровъ длиной, поддерживавшихъ тотъ якобы вольтовъ столбъ, болѣе или менѣе ясное описаніе котораго только что далъ намъ Алликсъ и внутри котораго отъ мѣста до мѣста были приклеены несчастныя живыя улитки. Это и была буссоль пасилалиническая, адамическая, симпатическая. Двадцать четыре буквы алфавита находились при двадцати четырехъ улиткахъ, прикрѣпленныхъ въ одномъ и другомъ столбѣ. Бенуа увѣрялъ, что, приближая улитку, должнымъ образомъ подготовленную, къ одной изъ азбучныхъ улитокъ, можно вызвать ажитацію соотвѣтствующей улитки во второмъ приборѣ, что она покажетъ рожки и это можетъ служить для передачи на разстояніе безъ всякихъ посредниковъ буквы, а слѣдовательно словъ, фразъ и мыслей.

Такова была мгновенная корреспонденція или сообщеніе мыслей, одолженная сочувственному флуиду улиточнаго народа.

Наидальнѣе разстояніе между двумя приборами не должно было служить какимъ бы то ни было препятствіемъ къ передачѣ сигналовъ. Одна изъ буссолей можетъ находиться въ Парижѣ, другая у антиподовъ—вѣрность и быстрота передачи ничего не должна была терять на такомъ отдаленіи.

Въ подтвержденіе этого Бенуа утверждалъ, что одинъ изъ

его пріятелей, по имени Біа Кретьенъ, живущій въ Америкѣ, построилъ по его указаніямъ приборъ, подобный тому, который находится въ Парижѣ и они каждый день обмѣниваются корреспонденціями и сигналами. Такимъ образомъ, старый и новый Свѣтъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ безъ видимаго посредника въ лицѣ Бенуа (изъ Геро), изобрѣтателя французскаго, и Біа Кретьенъ, гражданина юной Америки.

Отъ всѣхъ этихъ разсказовъ не было большой бѣды, такъ какъ вскорѣ испытаніе должно было показать ихъ дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ, Тріа находилъ, что моментъ этотъ заставляетъ себя долго ожидать, такъ какъ прошелъ цѣлый годъ, какъ мы это видѣли съ того времени, какъ онъ въ первые принялъ къ себѣ изобрѣтателя. Однако послѣднему нужно было сдаться. Послѣ многихъ откладываній и увертокъ, сеансъ, въ которомъ пасилалиническая отзывчивая буссоль должна была подвергнуться серьезному испытанію, былъ назначенъ въ среду 2-го октября 1850 г. Бенуа увѣрялъ, что въ понедѣльникъ 30 сентября онъ вошелъ въ сношеніе съ Біа Кретьенъ въ Америкѣ, который, не оставляя страны, долженъ былъ присутствовать на всѣхъ опытахъ, которые будутъ производиться въ Парижѣ въ назначенный день и опредѣленный часъ.

Въ самомъ дѣлѣ, 2-го октября, когда Тріа отправился къ Бенуа, онъ извѣстилъ (по крайней мѣрѣ такъ утверждалъ) своего американскаго корреспондента, чтобы тотъ находился на своемъ посту.

Казалось бы, что буссоли слѣдовало установить для подобнаго опыта, если не на разныхъ концахъ Парижа, то по крайней мѣрѣ въ двухъ разныхъ комнатахъ. Бенуа, ссылаясь на нѣкоторые случайные недостатки пробныхъ приборовъ, потребовалъ, чтобы онѣ были установлены обѣ въ его комнатѣ. Вынужденный примириться съ этимъ, Тріа согласился на установку ихъ другъ противъ друга на разстояніи ширины комнаты.

Это многимъ отличалось отъ разстоянія между Америкой и Европой; но нужно было согласоваться съ желаніемъ демонстратора.

Тріа выразилъ желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ какое-нибудь непрозрачное тѣло, ширма, деревянная перегородка отдѣляла оба прибора. Это, такое скромное условіе, и было допущено.

Все-таки испытаніе было не больше, какъ настоящая мистификація. Жюлю Алликсу было поручено пересылать сигналы, дотрогиваясь до улитокъ, изображавшихъ собой азбуку и такимъ путемъ составлять слова. Бенуа, помѣстившійся у другой буссоли, долженъ былъ принимать буквы и слова, обозначаемыя на своей буссоли движеніями улитокъ, соотвѣтствующихъ буквъ. Но подъ разными предлогами Бенуа постоянно переходилъ отъ одного прибора къ другому, такъ что, безъ большаго труда, воспроизводилъ на своей воодушевленной буссоли тѣ буквы, которыя пересылалъ Жюль Алликсъ.

Тріа наблюдалъ всѣ эти маневры, кусая губы. Со всѣмъ тѣмъ, передача произошла вовсе не такъ точно, какъ это могло бы произойти при системѣ весьма удобныхъ переходовъ, которые позволялъ себѣ воображаемый изобрѣтатель. Жюль Алликсъ передалъ, прикасаясь къ улиткамъ въ желанномъ порядкѣ, слово Gimnase. Бенуа прочелъ на своей буссоли gymoat. Затѣмъ, Тріа, принявшись самъ за дѣло, послалъ два слова lumière divine Жюлю Алликсъ, который прочелъ на своей буссоли lumhere divine.

Но все это было не болѣе какъ комедія, благодаря постояннымъ путешествіямъ, которыя изобрѣтатель предпринималъ отъ одной буссоли къ другой, подъ пустымъ предлогомъ наблюденія за ходомъ механизма въ обоихъ приборахъ. Вслѣдъ за этимъ, Бенуа было предложено войти въ сношеніе съ своимъ американцемъ, который полагался на томъ берегу Атлантическаго океана. При этомъ фантасмагорическомъ призывѣ онъ дѣйствовалъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Онъ приблизилъ улитку, которую держалъ въ рукахъ, къ четыремъ буквамъ, составляющимъ слово Biat; затѣмъ сталъ ожидать отвѣта изъ Америки. По истеченіи нѣкотораго времени, когда нѣсколько улитокъ показали свои рожки, онъ, соединивъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ указанныя такимъ маневромъ буквы, составлялъ съ

натяжками отвѣтъ Lest bien; что съ апострофомъ давало c'est bien. Bisum tesaeatis. Тріа былъ вполнѣ убѣжденъ, что его одурачили. Поэтому, велико было его удивленіе, когда онъ прочелъ въ фельтонѣ Presse отъ 26-го октября разсказъ объ этомъ испытаніи, произведенномъ Жюлемъ Алликсъ, какъ безспорное доказательство провозглашеннаго открытія. Онъ тотчасъ же объявилъ Бенуа, что послѣ того, что напечатано въ Presse, онъ вынужденъ лишить его своей поддержки. Такъ какъ Бенуа настаивалъ, чтобы Тріа измѣнилъ свое рѣшеніе, тотъ ему сказалъ:

— Послушайте, мнѣ очень легко отказаться отъ своего рѣшенія и въ то же время вамъ—обойтись безъ чьей бы то ни было помощи. Одна изъ буссолей будетъ помѣщена у меня, а другая въ сосѣдней комнатѣ. Или, если предпочитаете, ихъ оставятъ здѣсь же, но отдѣлятъ простой ширмой и вамъ запрещено будетъ во время опыта переходить отъ одной буссоли къ другой. Если при этихъ условіяхъ вамъ удастся передать хоть одно слово, я вамъ предлагаю по тысячѣ франковъ каждый день, пока будутъ удаваться ваши опыты.

Тріа вслѣдъ за этимъ отправился къ Эмилю де-Жирарденъ, который принималъ живое участіе въ изобрѣтеніи и изобрѣтателѣ и съ этой цѣлью открылъ столбцы Presse мемуарамъ Жюля Алликсъ. Тріа сообщилъ ему о предложеніи, сдѣланномъ имъ въ тотъ день Бенуа (изъ Геро). Жирарденъ вполнѣ одобрилъ его и пожелалъ принять въ немъ удѣлъ. «Я присоединяюсь къ вамъ»,—сказалъ онъ Тріа— и въ такой же суммѣ. Скажите, поэтому, Бенуа, что онъ имѣетъ обезпеченныхъ двѣ тысячи франковъ въ день, если опытъ удастся на поставленныхъ вами условіяхъ. Мой расчетъ безошибоченъ,—добавилъ Эмиль де-Жирарденъ. Если Бенуа удастся, мы наймемъ Зимній садъ и заставимъ Бенуа повторить опытъ на публичномъ представленіи, которое принесетъ ему свыше двухъ тысячъ франковъ въ день.

На предложеніе такое простое, такое для него выгодное, такое рѣшительное для его изобрѣтенія, знаете ли, каковъ былъ отвѣтъ Бенуа? Онъ скрылся и съ того времени не

подавалъ о себѣ вѣстей тѣмъ, кто не щадилъ поощреній въ его изысканіяхъ и помощи въ его нищетѣ.

Мы его встрѣчали въ Парижѣ два или три раза. Это былъ блѣдный и смуглый человѣкъ, съ длинной бородой и характеристическими пріемами галлюцината. Онъ умеръ въ началѣ 1852 года.

Въ то мгновеніе, когда Бенуа покидалъ этотъ міръ, американскіе духи вторгнулись въ Европу. Еслибы онъ прожилъ нѣсколькими годами болѣе, то (онъ былъ скроенъ на этотъ ладъ) ему суждено было бы играть видную роль и стать важной особой въ спиритическомъ движеніи, разразившемся надъ Франціей. Но судьба распорядилась иначе.

Вертящіеся столы и медіумы.

E pur si muove.
Галилей.

I.

Прибытіе духовъ въ Европу. — Вертящіеся столы въ Шотландіи, Англіи и Германіи. — Восточное происхожденіе вертящихся столовъ.

Факты чудеснаго свойства, происходившіе во Франціи съ 1846 по 1851 годъ, то есть, въ эпоху, когда впервые обнаружились въ Америкѣ манифестаціи стучащихъ духовъ, достаточно подготовили Европу къ принятію этого продукта новаго свѣта. Намъ предстоитъ теперь прослѣдить прогрессъ и развитіе этихъ феноменовъ въ нашемъ полушаріи, развитіе, выразившееся изобрѣтеніемъ или, если хотите, всеобщимъ распространеніемъ вертящихся столовъ.

Духи, повелѣвшіе госпожѣ Фишъ перемѣнить мужа, потребовали съ самаго начала 1852 года, чтобы американскіе спириты собрались на общій съѣздъ. Они опредѣлили даже мѣсто ихъ перваго собранія. Въ адрессѣ, разосланномъ по этому предмету и обнародованному 29 января 1852 года въ Gleveland Plaindealer, читали слѣдующій параграфъ. «..... Незримые обѣщали, что, если этотъ съѣздъ состоится въ Клевелэндѣ, они обнаружатъ свое присутствіе такимъ блистательнымъ образомъ, что всѣ сомнѣнія и возраженія скептиковъ будутъ на всегда устранены. Пригласимъ поэтому вѣрующихъ по ту сторону морей. Пусть съ духами совѣщаются всѣ живущіе на землѣ и пусть наше собраніе въ городѣ лѣсовъ послужитъ мѣстомъ собранія легіона духовъ».

И собраніе это состоялось; за нимъ даже слѣдовали многіе другіе, бывшіе въ разныхъ городахъ американскихъ штатовъ. Но люди по ту сторону морей, т. е. европейцы, которыхъ такъ торжественно приглашали, не прибыли на свиданіе и такъ какъ гора не двинулась къ духамъ, духи двинулись къ горѣ. Другими словами, американскіе духи переплыли Атлантическій Океанъ, чтобы высадится въ нашей Европѣ.

Они ступили на берегъ въ Шотландіи въ началѣ 1852 года Едва высадился первый духъ въ старой Шотландіи, какъ вскорѣ появилось десять въ Англіи и почти вслѣдъ за этимъ нѣ колько сотенъ въ Германіи.

Что новаго могли доставить американскіе духи Германіи, странѣ, издавна освоившейся съ фантастическимъ, которая не прекращала входить въ сношенія съ адептами Сведенборга, великаго шведскаго духовидца и которая произвела ясновидящую Преворста? Самое большее, они доставили процедуру, приборъ, безъ котораго можно было прекрасно обойтись и безъ котораго теперь обходятся, какъ магнетизеры втораго періода обходятся безъ примитивнаго Месмеровскаго банка.

Приборомъ этимъ былъ вертящійся столъ.

Вертящійся столъ не былъ диковиной для Германіи. Она-бы сама его выдумала, если-бы удостоила принять на себя этотъ трудъ такъ же какъ она раньше выдумала розенкрейцерство, животный магнетизмъ и много другихъ удивительныхъ вещей, которыя мы были вынуждены назвать munera Germaniae (дарами Германіи).

Другая причина, которая должна была помѣшать Германіи изобрѣсти вертящіеся столы — это ея громадная ученость. Она поставила себѣ совѣстливой задачей поставлять подъ именемъ новыхъ открытій возобновляемые пріемы гиппософистовъ Индіи и маговъ Персіи. Германія основательно знаетъ свой Востокъ, откуда получили начало всѣ религіи, суевѣрные обычаи и всѣ магическія искусства. Она почерпнула у Зороастра пневматологическое ученіе, выдержку котораго мы привели въ предисловіи къ настоящему труду и которое, по нашему мнѣнію, распространяется и на вертящіеся столы. Она умѣетъ цѣнить остатки восточной магіи въ совре-

менномъ Египтѣ, куда ѣздилъ Каліостро посвятить себя въ нее и гдѣ въ наши дни графъ Лабордъ былъ свидѣтелемъ и самъ выучился совершать такія чудесныя явленія, что все его академическое знаніе было перевернуто вверхъ дномъ. Правда, графу Лаборду показывали не вертящіеся столы,— это-бы нѣчто почище вызыванія духовъ. Но духи дѣйствуютъ, гдѣ они пожелаютъ—поэтому нужно, чтобы и столы имъ повиновались.

Но вотъ появился американскій феноменъ, вполнѣ готовый, полный и даже пріятно усовершенствованный. Вотъ столы вертящіеся, танцующіе, летающіе и т. п. открытые на востокѣ Сибири. Они не мѣнѣе интеллигентны, какъ и братья Н ваго Свѣта, но, кажется, болѣе проницательны, даютъ болѣе полезныя разоблаченія. Это истинные прорицательные столы, о которыхъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ упоминаетъ Тертуліанъ и Минуцій Феликсъ.

Въ Петербургскомъ журналѣ «Сѣверная Пчела» за 1854 г. была помѣщена чрезвычайно любопытная статья, подписанная Черепановымъ, русскимъ ученымъ, который долго жилъ въ восточной Индіи и который гарантировалъ подлинность необычайныхъ фактовъ, сообщаемыхъ имъ публикѣ.

«Нужно замѣтить,—говоритъ Черепановъ,—что ламы или священники буддійской вѣры, которую исповѣдуютъ всѣ монголы и русскіе Буряты, наравнѣ со священниками древняго Египта не разоблачаютъ открытыхъ ими тайнъ природы. Они пользуются ими для поддержанія суевѣрія толпы. Лама, напримѣръ, умѣетъ находить вещи, скрытыя ворами, слѣдуя за столомъ, который движется по воздуху передъ нимъ. Собственикъ вещи проситъ ламу указать ему мѣсто, гдѣ она спрятана. Лама всегда заставляетъ ожидать отвѣта втеченіи нѣсколькихъ дней.

Въ тотъ день, когда онъ готовъ къ отвѣту, онъ садится на землю передъ маленькимъ четырехъ-угольнымъ столикомъ и кладетъ на него руки, въ то же время читая тибетскую книгу; по истеченіи получаса лама подымается и приподнимаетъ руки въ такомъ положеніи, какъ они находятся на столѣ. Тотчасъ столикъ тоже подымается по направленію къ рукамъ. Наконецъ, лама встаетъ совсѣмъ, онъ подымаетъ руки

надъ головой, а столикъ подымается до уровня его глазъ. Тогда лама подается впередъ—столикъ слѣдуетъ этому движенію; лама идетъ и столикъ движется въ воздухѣ впереди его съ такой увеличивающейся скоростью, что лама едва за нимъ поспѣваетъ; наконецъ, столъ дѣлаетъ нѣсколько колебаній и завершаетъ тѣмъ, что падаетъ на землю. Главное направленіе, избранное столомъ, служитъ указаніемъ, откуда слѣдуетъ искать пропавшую вещь.

Утверждаютъ, что обыкновенно столъ падаетъ именно на то мѣсто, гдѣ украденная вещь спрятана. Въ случаѣ, гдѣ я былъ нарочнымъ свидѣтелемъ, онъ пролетѣлъ значительное разстояніе (около тридцати метровъ) и пропавшая вещь не была тотчасъ же найдена. Но въ томъ направленіи, которому слѣдовалъ столъ, находилась хижина русскаго крестьянина, который лишилъ себя жизни, замѣтивъ указаніе, данное столомъ. Самоубійство это возбудило подозрѣніе. Начались поиски и пропавшія вещи были найдены въ его хижинѣ.»

Какъ же теперь Германіи было открывать въ наши дни вертящіеся столы, когда они были уже въ ходу цѣлыя столѣтія у русскихъ и монголовъ? Поэтому, какъ мы уже сказали, тамъ приняли ихъ безъ удивленія. Тѣмъ не менѣе сдѣлали имъ радушный пріемъ въ честь духовъ, какъ и можно было ожидать отъ страны, гдѣ сверхъестественныя существа съ давнихъ поръ вполнѣ натурализировались.

II.

Вертящіеся столы во Франціи. — Какъ они были приняты тамъ.— Положеніе, занятое учеными. — Опыты и сочиненіе Аженора де-Гаспаренъ относительно вертящихся столовъ.

Франція получила не изъ первыхъ рукъ практику вертящихся столовъ, возродившуюся съ Востока, какъ это будетъ объяснено. Столы вертѣлись въ Шотландіи, въ Англіи и въ цѣлой Германіи отъ Балтики до устьевъ Дуная, когда Французская пресса, въ то время притомъ столь безплодная, едва удостоила ихъ бѣглаго упоминанія. Вдругъ,—это было въ послѣднихъ дняхъ апрѣля 1853 года, — Парижъ пробудился, охваченный вертящейся эпидеміей, и журналы оповѣстили,

что та же эпидемія одновременно появилась въ Страсбургѣ, Марсели, Бордо, Тулузѣ и во всѣхъ другихъ большихъ центрахъ населенія.

Въ началѣ это было для общества простое развлеченіе, которому предавались среди взрывовъ смѣха. Маленькіе круглые столики, столы, шляпы, блюда, лоханки, все, что было подъ рукой, пускалось въ дѣло. Однимъ удавалось; другіе, — и этихъ большинство, — терпѣли неудачу. Они обвиняли первыхъ въ суевѣріи, а тѣ въ свою очередь послѣднихъ въ невѣріи. «Они вертятся; они не вертятся» — таковъ былъ результатъ всѣхъ споровъ по этому предмету и таковы были крайніе границы, въ которыхъ колебался вопросъ о столахъ у людей обыкновенныхъ.

Во Франціи, всегда легко относящейся къ вещамъ серьезнымъ, то слишкомъ довѣрчивой, то нелѣпой въ своемъ скептицизмѣ, столы составляли для большинства не болѣе какъ забаву, родъ препровожденія времени въ обществѣ. Споры были часты по этому предмету. Отрицали, утверждали, смѣялись; если дѣло не доходило до гнѣва—говорили грубости и часто споръ, начавшійся за столомъ, оканчивался въ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Феноменъ вскорѣ проявилъ усовершенствованіе и тогда это была совсѣмъ другая исторія. Не только столы вертѣлись, но они говорили, они писали. Они поднимались и висѣли въ воздухѣ безъ поддержки, по крайней мѣрѣ, видимой. Столы давали совѣты; они разоблачали секреты, хранившіеся въ самой глубокой тайнѣ; они совершали чудеса прорицательной прозорливости; они приводили въ сношенія людей умершихъ съ живущими; словомъ, вели себя такъ, что внушали вѣру, что въ нихъ вселились духи.

Всѣ эти вещи было трудно допускать, такъ что противъ тѣхъ, кто это разсказывалъ поднялся всеобщій ропотъ. Что касается тѣхъ, кто утверждалъ, что они были очевидцами—то съ ними покончивали двумя эпитетами: «сумасшедшій» или «обманщикъ».

Вопросъ о столахъ былъ рѣшенъ этими двумя выраженіями и затѣмъ большинство перешло къ развлеченіямъ.

Оставалось удовлетворить небольшое число серьезныхъ людей, которые вообще не допускали, чтобы факты, даже сами

невѣроятные, могли были засвидѣтельствованы большимъ числомъ просвѣщенныхъ и достойныхъ вѣры свидѣтелей, не имѣя въ своей основѣ какой-нибудь реальности, хорошо или дурно наблюдаемой. Люди эти воздерживались отъ всякаго заключенія: они ожидали, чтобы высказались ученые. Но ученые, по свойственной имъ традиціонной манерѣ, начали съ полнаго отрицанія; послѣ изслѣдованія ограничились лишь признаніемъ дѣйствительности вращенія столовъ, не добившись разъяснить теорію этого феномена—такъ какъ въ эту эпоху имъ недоставало началъ для объясненія.

Но факты увеличивались или, по крайней мѣрѣ, свидѣтели, которые ихъ утверждали, становились все болѣе и болѣе многочисленными, что причиняло болѣзненное безпокойство въ умахъ многихъ развитыхъ людей.

Наконецъ, насталъ день, когда вертящіеся столы перестали интересовать. Опыты и споры вскорѣ прекратились и когда позднѣе огласили еще болѣе чудесный фактъ: столы говорятъ, столы пишутъ —доза вниманія и интереса, которою французская публика располагала для этого феномена— была истощена. Она отдалась другимъ забавамъ и не желала возвращаться къ старому.

Вопросъ о столахъ—и это составляетъ не наименьшую его причудливую сторону—удержался во Франціи лишь въ небольшомъ кружкѣ серьезныхъ людей, которыхъ соціальное положеніе и образованіе, казалось, должно было держать въ сторонѣ отъ всякой химерической идеи, такъ и отъ всякихъ занятій, имѣющихъ видъ колдовства или волшебства. Для нихъ очень интересное явленіе, производимое неизвѣстной причиной, было внѣ всякаго сомнѣнія. Скептикамъ или, сказать точнѣе, упрямо невѣрующимъ, отворачивающимся отъ фактовъ, которые они желаютъ объявить невозможными, они могли-бы отвѣтить то, что преданіе приписываетъ Галилею: E pur si muove («а все таки движется»)!

И правда, столы вертѣлись.

Немногіе наблюдатели, работавшіе въ одиночку или собравшись въ скромный кружокъ, накопляли опыты, будучи воодушевлены добытыми уже результатами и особенно будучи сильно возбуждены другими явленіями, съ своей стороны

необыкновенными, свѣдѣнія о которыхъ приходили къ нимъ изъ заграницы.

Изъ всѣхъ наблюдателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, наибольшую извѣстность пріобрѣлъ Аженоръ де Гаспаренъ, какъ послѣдовательными опытами, которыми онъ занялся, такъ и усердіемъ, которое онъ посвятилъ ихъ изложенію въ книгѣ, появившейся въ 1854 году *) и носящей названіе «Вертящіеся столы».

Мы сдѣлаемъ сводъ главныхъ результатовъ, достигнутыхъ Аженоромъ де-Гаспаренъ изъ ряда опытовъ, произведенныхъ имъ въ кружкѣ друзей. Но раньше необходимо напомнить, въ чемъ состоятъ явленія вертящихся столовъ.

Пять или шесть особъ обыкновенно садятся передъ деревяннымъ столомъ, или еще лучше передъ легкимъ столикомъ, ножки котораго снабжены катунами, чтобы при своемъ движеніи онъ встрѣчалъ наименьшее сопротивленіе. Если полъ комнаты навосченъ—треніе колесъ объ его поверхность становится ничтожнымъ. Тогда всѣ условія, необходимыя для успѣха, опыта находятся на лицо, такъ какъ достаточно самаго слабаго механическаго импульса, чтобы сообщить движеніе легкому столику, безпрепятственно скользящему по полированной поверхности. Участвующіе прикладываютъ руки къ краю столика, слегка его касаясь и не нажимая. По истеченіи времени, которое измѣняется отъ десяти минутъ до получаса, многіе изъ участвующихъ чувствуютъ въ предплечьи и кистяхъ рукъ бѣганье мурашекъ, происходящее отъ утомленія, причиняемаго принятымъ ими неподвижнымъ положеніемъ. Вскорѣ столикъ начинаетъ издавать кой-какіе трески, происходящіе вслѣдствіе теплоты, сообщающейся ему экспериментаторами и которая медленно передается дурно проводящимъ волокнамъ дерева; наконецъ, столикъ начинаетъ колебаться. Онъ совершаетъ вначалѣ нѣсколько неправильныхъ движеній; затѣмъ движеніе опредѣляется и столъ описываетъ родъ круга. Тогда участвующіе подымаются, не нарушая порядка, въ которомъ держатъ на столѣ пальцы,

---

*) Des tables tournantes, du surnaturel et des esprits. 2 vol in 18 Paris, 1854.

и начинают слѣдовать за вращающимся столикомъ или, чтобы сказать точнѣе, вращаютъ его сами; держа руки на столѣ, они продолжаютъ и поддерживаютъ первоначальное движеніе.

Таково явленіе вертящагося стола, которое долгое время служило вызовомъ для научнаго объясненія и которое въ самомъ себѣ представляло довольно странности, чтобы удивлять и затруднять самые здравые умы.

Я продѣлалъ въ первый разъ этотъ диковинный опытъ вмѣстѣ съ физіологомъ Лонже, ботаникомъ Мокенъ-Тиндонъ, которые оба состоятъ профессорами Парижскаго медицинскаго факультета и нѣсколькими другими замѣтными особами изъ ученаго міра. И я могу удостовѣрить, что, когда послѣ четвертичасоваго ожиданія, столикъ сталъ вертѣться подъ нашими пальцами—всѣ составлявшіе эту живую цѣпь и бывшіе далеко не съ слабыми головами, стали одинъ другого блѣднѣе и взволнованнѣе.

Все, что представляетъ интересъ въ этомъ явленіи и что одно требуетъ объясненія—это первоначальное движеніе, потому что вращеніе, очевидно, есть только послѣдствіе дѣйствій участниковъ, которые двигаются, держа руки оперты на въ край стола, и заставляютъ его такимъ образомъ слѣдовать ихъ собственному перемѣщенію. Напомнивъ это, перейдемъ къ опытамъ, которыми занимался Аженоръ въ теченіи пяти мѣсяцевъ въ Vallcyres кантона Во, съ участіемъ десяти или двѣнадцати сосѣдей. Мы представимъ читателю нѣсколько образцовъ изъ протоколовъ де-Гаспорена, выбранныхъ изъ числа наиболѣе интересныхъ въ его отчетахъ.

«...Столъ, которымъ мы чаще всего пользовались,—говоритъ Аженоръ де-Гаспаренъ, — состоялъ изъ ясеневой стольницы восьми—десяти сантиметровъ въ діаметрѣ, тяжелой стойки и трехъ ножекъ, отстающихъ другъ отъ друга на пятьдесятъ пять сантиметровъ. Употреблялся также другой столъ съ большой стольницей и съ менѣе тяжелой подставкою. Наконецъ, мы приводили въ движеніе столы съ четырьмя ножками, круглые или четырехугольные; одинъ изъ нихъ былъ почтенныхъ размѣровъ. Число участниковъ, единовременно образовавшихъ цѣпь, было обыкновенно десять; число

это колебалось между двумя предѣлами отъ восьми до двѣнадцати. Вращеніе столика большею частію начиналось послѣ пяти или десяти минутъ. Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ, намъ приходилось ждать около получаса.

Итакъ, 20 Сентября, мы пожелали испытать повѣствуемую прорицательную способность столовъ; для этого мы подвергли испытанію столъ, который работалъ на славу по вопросамъ самымъ элементарнымъ, конечно, которые можно было-бы предложить духу. Мы вложили три орѣха въ карманъ одного изъ участниковъ; столъ, спрошенный о числѣ орѣховъ, пробилъ девять ударовъ.

Тотъ же участникъ, послѣ того какъ онъ заставилъ столикъ пробить нѣсколько задуманныхъ чиселъ, въ числѣ которыхъ былъ ноль—вступилъ съ своимъ vis-à-vis въ состязаніе. Оно состояло въ опытѣ особенно интересномъ, который мы называемъ мѣриломъ силъ; въ этомъ случаѣ нельзя сказать, что движеніе сообщается состязующимися сторонами: одинъ желаетъ успѣха задуманному имъ большему числу, другой задуманному имъ меньшему. Можно подумать, что сторонникъ меньшаго числа устроитъ такъ, чтобы не допускать дальнѣйшаго колебанія столика разъ его число будетъ пробито и даже нажметъ его, чтобы заставить остановиться. Ничего подобнаго: экспериментаторъ болѣе сильный всегда беретъ верхъ и если имъ задумано высшее число—онъ его получаетъ. Замѣчено лишь, что съ того момента, когда граница, раздѣляющая противниковъ, перейдена и когда ихъ желаніе перестаютъ совпадать, удары раздаются болѣе слабо; ножка, которая только что повиновалась мыслямъ двухъ особъ, теперь повинуется лишь мысли одного. Мы измѣнили условіе состязанія: составился заговоръ въ пользу маленькихъ чиселъ; въ заговорѣ участвовали два члена цѣпи, затѣмъ три и лишь тогда сторонникъ большой цифры потерпѣлъ пораженіе, и ножка, находившаяся съ его стороны (ножка, на которую онъ былъ безсиленъ производить какое-бы то ни было механическое дѣйствіе), перестала продолжать повиноваться импульсу его воли, на перекоръ экспериментаторовъ, находившихся vis-à-vis его, которые одни могли пустить ее входъ и поддерживать движеніе.

«...Мы заставляемъ измѣнять ножки, которыми выстукивались удары; мы перемѣнили роли: участникъ, болѣе сильный, сталъ въ свою очередь задумывать маленькія числа и онъ неизмѣнно побивалъ своихъ противниковъ, какую-бы ножку не указывали для ударовъ.

Наконецъ, предложили провѣрочныя испытанія одного изъ нашихъ наиболѣе убѣдительныхъ опытовъ, состоящаго въ томъ, чтобы заставить вращаться и выбивать столикъ, когда на немъ помѣщается человѣкъ, вѣсящій восемьдесятъ семь килограмовъ. Человѣкъ этотъ помѣстился на столѣ; двѣнадцать экспериментаторовъ, стараясь не образовать цѣпи, наложили на столъ свои пальцы и силились получить напряженіемъ мышцъ то, что нѣсколько дней ранѣе они получили безъ всякаго напряженія и усилія. Стоило посмотрѣть на энергію ихъ работы: сочлененія ихъ кистей побѣлѣли и все-таки ничего не вышло. Было лишь слабое вращательное движеніе, едва съ полъ-оборота и со скрипомъ бѣднаго стола, готоваго, казалось, разсыпаться. Что касается поднятія,—напрасное ожиданіе; ни одна ножка не проявляла ни малѣйшаго признака своей покорности. Безполезно прибавлять, что по резонамъ болѣе сильнымъ, не возбуждался вопросъ о полномъ переворачиваніи столика, которое нѣкогда совершалось по нашему простому приказанію.

(Сеансъ 20-го Сентября).

Видя, что дѣло на ходу и рѣшившись попытать невозможное, мы предприняли одинъ опытъ, который знаменуетъ собой переходъ нашъ къ новой фазѣ, и который служитъ неопровержимой гарантіей для нашихъ предшествовавшихъ опытовъ.

Мы покидаемъ возможность для очевидности; мы переходимъ къ движенію стола безъ прикосновенія къ нему. Въ тотъ моментъ, когда столикъ предался энергическому вращенію, поистинѣ бѣшеному, мы всѣ по данному сигналу приподняли наши пальцы и сохраняя цѣпь въ нѣсколькихъ линіяхъ надъ столомъ, продолжали наше движеніе; къ великому изумленію столикъ тоже продолжалъ свое, сдѣлавъ такимъ образомъ три или четыре оборота. Не менѣе замѣчателенъ, чѣмъ фактъ вращенія столика безъ прикосновенія, былъ способъ, какимъ

вращеніе это совершалось. Разъ или два столикъ переставалъ за нами слѣдовать, потому что вслѣдствіе нашего движенія наши пальцы измѣняли то положеніе, которое они занимали на стольницѣ; разъ или два столикъ возвращался къ жизни, если можно такъ выразиться, какъ только движущаяся цѣпь принимала относительно его соотвѣтствующее положеніе. Каждый изъ насъ испытывалъ такое ощущеніе, точно каждая рука унесла родомъ притяженія частицу стола, расположенную подъ нею (сеансъ 26-го декабря).

Естественно, насъ разбирало нетерпѣніе подвергнуть новому испытанію вращеніе безъ прикосновенія. Въ волненіи отъ перваго успѣха, мы не подумали ни возобновлять, ни измѣнять этотъ рѣшающій опытъ. Мы чувствовали, что вещь нужно передѣлать съ большимъ стараніемъ и въ присутствіи новыхъ свидѣтелей; что важнѣе было производить движеніе, чѣмъ его продолжать.

«...Могли-бы сказать, что такъ какъ столъ былъ уже пущенъ въ ходъ, то онъ сохранилъ извѣстную инерцію, которой повиновался механически, тогда какъ мы воображали, что онъ повинуется нашей флуидической силѣ. Поэтому слѣдовало добиться вращенія стола, находящагося въ полномъ покоѣ. Это намъ удалось. Столъ былъ неподвиженъ, также какъ и мы. Цѣпь рукъ была отъ него отдалена и ей придано круговое движеніе на высотѣ нѣсколькихъ линій надъ краемъ стола. По прошествіи мгновенія столъ слегка качнулся и мы, стараясь силой своей воли прикрѣпить къ себѣ ту часть его, которая находилась подъ пальцами каждаго, увлекли столъ за собой. Затѣмъ происходило такъ-же, какъ въ предшествовавшемъ опытѣ; было такъ трудно сохранять цѣпь въ воздухѣ, не разрывая, не отдаляя отъ краевъ стола, не спѣша въ движеніи и, такимъ образомъ, не нарушая установленнаго отношенія, что не разъ, послѣ одного оборота или полъоборота, вращеніе пріостанавливалось. Тѣмъ не менѣе, оно длилось иногда въ теченіи трехъ и даже четырехъ оборотовъ». (Сеансъ 29-го сентября).

«...Мы добились вращенія стола безъ прикосновенія и движенія его съ состоянія покоя. Замѣчательно, что небольшое вращеніе въ четверть оборота было совершено по на-

шему приказу, хотя мы оставались совершенно неподвижными, такъ что столъ ускользнулъ изъ-подъ нашихъ пальцевъ». (Сеансъ 6-го октября).

«...Удался лишь одинъ новый опытъ. На стольницѣ, вращающейся на стержнѣ, была помѣщена лохань. По наполненіи ея водою, я и другіе два экспериментатора погрузили въ нее пальцы. Такъ мы образовали цѣпь и стали двигаться вокругъ, избѣгая прикасаться къ лохани и она не замедлила придти въ движеніе. Это было продѣлано нѣсколько разъ сряду.

«Такъ какъ могли-бы предположить, что импульсъ, данный водѣ, былъ достаточнымъ, чтобы увлечь за собой подвижную съ своей стороны лохань, то мы сейчасъ же предприняли повѣрочный опытъ. Водѣ придано было вращательное движеніе гораздо болѣе быстрое, чѣмъ въ то время, когда мы образовали цѣпь;—но лохань не шелохнулась. . . .

. . . .

«Возвратимся къ самому замѣчательному явленію: къ приподнятію стола безъ прикосновенія. Мы принимались за это троекратно. Потомъ, поразмысливъ, что свидѣтелямъ удобнѣе наблюдать успѣшно надъ маленькимъ столомъ, чѣмъ надъ большимъ и надъ пятью экспериментаторами, чемъ надъ девятью,—мы приказали принести намъ сосновый столикъ, который могла привести въ движеніе цѣпь, уменьшенная на половину. Когда руки были сняты и всякое прикосновеніе было прекращено, столикъ поднимался семь разъ по нашему приказу». (Сеансъ 7-го октября).

«Между вновь сдѣланными попытками, я приведу ту, которая имѣла задачей вполнѣ приподнять на воздухъ столъ, подвѣшенный на блокѣ и которому придано было равновѣсіе привѣшенными тяжестями. Одна изъ его ножекъ еще касалась пола и оттягивающая его гиря была на пустякъ уменьшена. Когда была образована цѣпь—ножка, которая касалась пола, отъ него отдѣлилась и весь столъ произвелъ вибраціи, въ которыхъ и наталкивался на паркетъ».

Вотъ свидѣтельства чрезвычайно диковинныя; далѣе мы дадимъ имъ разгадку, изложивъ, какимъ способомъ слѣдуетъ давать себѣ объясненіе общихъ явленій вертящихся столовъ.

Тѣмъ не менѣе, чтобы покончить съ самымъ удивительнымъ феноменомъ, который наблюдалъ Аженоръ де-Гаспаренъ, мы не станемъ откладывать до того времени. Рѣчь идетъ о движеніи столовъ, получаемомъ безъ прикосновенія рукъ экспериментаторами.

Движеніе столовъ, производимое безъ матеріальнаго прикосновенія, явно физически невозможно. Аженоръ де-Гаспаренъ — единственный серьезный авторъ, который это утверждаетъ. Это явленіе, съ другой стороны, Аженору де-Гаспаренъ никогда не удавалось воспроизвести передъ людьми, которые были, вполнѣ естественно, чрезвычайно имъ поражены; оно имѣло небольшой успѣхъ предъ пріятелями, которые у него были въ средѣ Парижской Академіи Наукъ, какъ и передъ магнетизерами, которые съ жаромъ упрашивали его допустить ихъ свидѣтелями ихъ феномена.

Что заключить изъ этого? Что въ кружокъ, занявшійся этими опытами, попалъ какой-нибудь слишкомъ рьяный пріятель и что ненормальный и противорѣчащій всѣмъ законамъ физики феноменъ, который Аженоръ де-Гаспаренъ считалъ доказаннымъ, былъ продѣлкой мистификатора? Полнѣйшая честность, обширныя познанія Аженора де-Гаспаренъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію; но, чтобы признать дѣйствительность поднятія стола безъ всякаго прикосновенія къ нему, нужно было-бы, чтобы это было воспроизведено нѣсколько разъ и по желанію въ опытахъ позднѣйшихъ съ другими наблюдателями. Но этого ни разу не случалось, что приводитъ къ заключенію, что въ опыты, которые насъ занимаютъ, прокралось какое-нибудь баловство.

Послѣ опубликованія книги Аженора де-Гаспаренъ, существовало единодушное мнѣніе, что между пріятелями и людьми, которые сотрудничали въ опытахъ автора, находились иные, которые забавлялись тѣмъ, что заставляли дѣйствовать столъ по желанію ваатландскаго амфитріона и Аженоръ де-Гаспаренъ никогда ничего не предпринималъ, чтобы опровергнуть это мнѣніе.

III.

Теоріи, объясняющія явленіе вертящихся столовъ.—Теорія Шеврейля и Бабинэ или теорія механическая. — Опыты, подкрѣпляющіе эту теорію и произведенные Фаредэ въ Лондонѣ.—Теорія флуида.—Теорія духовъ.—Объясненіе этихъ самыхъ явленій гипнотическимъ состояніемъ одного изъ участниковъ цѣпи.

Изложивъ факты, относящіеся къ явленію вертящихся столовъ, намъ предстоитъ дать имъ естественное объясненіе. Въ началѣ мы изложимъ теоріи, которыя по этому поводу были предложены другими, и затѣмъ ту, которая принадлежитъ намъ.

Оффиціальная наука доставила немного для просвѣщенія публики по вопросу о вертящихся столахъ; почти можно сказать, что она предоставила ее своимъ личнымъ воззрѣніямъ. Согласно своимъ привычнымъ заблужденіямъ, она начала съ того, что отвергла факты, объявивъ ихъ, á priori, невозможными. Мало исправленная послѣдствіями печальной кампаніи, которую она вела противу животнаго магнетизма, она опять отвернулась отъ наблюденія и приняла видъ презирающей эти свѣжія манифестаціи новѣйшихъ чудесъ. Однако факты были истинными и, въ силу своей реальности, они удержались, не смотря на академическое неудовольствіе. Становилось нужнымъ ихъ признать, такъ какъ опыты увеличились, свидѣтельства, столь же многочисленныя какъ и неопровержимыя, прибывали. Парижская Академія Наукъ, упрашиваемая со всѣхъ сторонъ доставить объясненія, казалось, наконецъ, очнулась. Она не вмѣшалась въ полномъ составѣ — то есть, основываясь на заключеніи комиссіи, спеціально назначенной и обязанной доставить оффиціальный докладъ, какъ это было въ 1784 году съ животнымъ магнетизмомъ; лишь два члена этого общества, Шеврейль и Бабинэ, издали книги или журнальныя статьи, имѣвшія назначеніемъ дать теоретическія объясненія столь диковиннымъ феноменамъ. Первый изъ этихъ ученыхъ, ссылаясь на свое письмо, писанное въ 1832 году Амперу, по поводу явленій маятника-развѣдчика *) полагалъ, что объясненія, данныя въ этомъ

*) См. полный текстъ этого письма въ слѣд. томѣ настоящаго труда стр. 442—445 (маятникъ-развѣдчикъ).

письмѣ, могутъ быть достаточны для истолкованія вращенія столовъ, какъ они были для него достаточны, для истолкованія вращенія волшебнаго прута.

Мы приведемъ изъ письма Шеврейля слѣдующій параграфъ, заключающій въ себѣ существо дѣла:

«Когда я держалъ маятникъ въ рукѣ, сокращеніе мускуловъ руки, неощутительное для меня, заставляло маятникъ выдти изъ состоянія покоя, и колебанія, разъ начавшись, вскорѣ усиливались подъ вліяніемъ зрѣнія, ставившаго меня въ особое состояніе расположенія или стремленія къ движенію. Необходимо признать, что мускульное сокращеніе даже съ той минуты, когда оно усилилось этимъ расположеніемъ, было все же очень слабо, чтобы пріостановить его, не скажу силой воли, но даже мыслью испробовать, не прекратиться-ли оно.

И такъ, существуетъ тѣсная связь между совершеніемъ извѣстныхъ движеній и актомъ относящейся къ нимъ мысли, хотя мысль эта не составляетъ еще воли, отдающей повелѣнія мышцамъ. Явленія, которыя я описалъ, какъ мнѣ кажется, представляютъ въ этомъ интересъ для психологіи и даже для исторіи знанія; они доказываютъ, какъ легко принять иллюзію за дѣйствительность всякій разъ, когда мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, въ которомъ замѣшены наши органы и въ обстоятельствахъ недостаточно проанализированныхъ».

И такъ, на основаніи опытовъ, произведенныхъ Шеврейлемъ, можно считать вещью прочно установленной, что безсознательное дѣйствіе мышцъ, вызванное простой мыслью о движеніи — можетъ быть достаточнымъ, чтобы заставить раскачиваться маятникъ, который... мы держали за проволоку.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Шеврейль въ своемъ трудѣ, вышедшемъ въ 1854 году о волшебномъ прутѣ, примѣняетъ свою теорію безсознательнаго круговаго движенія, къ явленіямъ вращающагося стола.

«Если предположить, что экспериментаторы держатъ руки на столѣ,—то, на мой взглядъ, они представляютъ себѣ столъ вращающимся справа на лѣво или слѣва направо, такъ какъ

они собрались, чтобы быть свидѣтелями этого движенія; съ той минуты, безъ своего вѣдома, они работаютъ, чтобы придать столу то движеніе, которое себѣ воображаютъ. Если они дѣйствуютъ не въ одномъ направленіи, можетъ случиться, что движеніе не произойдетъ, что я и наблюдалъ. Пять особъ составляли цѣпь надъ маленькимъ столикомъ; одинъ изъ нихъ даже очень желалъ, чтобы столикъ вертѣлся и, несмотря на это, въ теченіе часа онъ оставался неподвижнымъ. Полчаса спустя измѣнили порядокъ цѣпи и три четверти часа прошло въ безплодныхъ ожиданіяхъ. Если остальные четыре участника и не были воодушевлены такимъ же желаніемъ, какъ первый—навѣрное они не были воодушевлены желаніемъ противнаго.

«Когда экспериментаторы желаютъ, чтобы столъ вертѣлся, чаще можно ожидать движенія, чѣмъ покоя, по той причинѣ, что достаточно, чтобы кто-либо подмѣтилъ какое-нибудь движеніе другаго, чтобы послѣдовалъ этому движенію, вслѣдствіе подражанія безотчетнаго, но которое, тѣмъ не менѣе, реально, вслѣдствіе склонности къ движенію, вызываемому въ насъ видомъ двигающагося тѣла.

«Въ сравненіи, которое я дѣлаю между вращающимися столами, волшебнымъ прутомъ и маятникомъ, никогда не слѣдуетъ терять изъ вида громадную разницу, которая можетъ существовать между столами въ явленіяхъ, въ которыхъ участвуютъ много лицъ, и прутомъ или маятникомъ, въ которомъ принимаетъ участіе лишь одинъ человѣкъ *)».

Такова теорія Шеврейля—теорія безсознательнаго мускульнаго движенія. Можно-ли найти, что она объясняетъ вращеніе большаго обѣденнаго стола, вообще большаго стола или даже столика, на которомъ лежитъ тяжесть въ семьдесятъ пять килограммовъ, какъ это сообщалъ Аженоръ де-Гаспаренъ? По нашему мнѣнію—нѣтъ.

Разсказывая во второмъ томѣ нашего труда о волшебномъ прутѣ, мы были за теорію Шеврейля. Безсознательныя сокращенія мускуловъ—достаточны для объясненія извѣ-

---

*) De la baquette divinatoire, de pendule explorateur et des tables tourrantes, in 8, Paris 1854, pages 217—218.

стнаго опредѣленнаго направленія подвижнаго маятника, подвѣшеннаго на проволокѣ и вращенія ивоваго прута въ рукахъ искателя источниковъ, потому что механическая сила, производящая это движеніе, слишкомъ ничтожна. Но совсѣмъ другая вещь, когда приходится объяснять передвиженіе тѣла извѣстнаго вѣса. Здѣсь произведенное механическое дѣйствіе несоразмѣрно съ объясняющей причиной. Притомъ, и это замѣчаніе фундаментальное, если теорія эта на мгновеніе можетъ показаться правдоподобной, то лишь относительно одного изъ феноменовъ—вращенія столовъ. Явленія, обнаружившіяся позднѣе, т. е. дѣйствіе, производимое медіумами, когда ими замѣнили слишкомъ медленный и дѣйствующій косвенно механизмъ столовъ—выходятъ совершенно изъ сферы этого объясненія. Теорія, объясняющая движеніе столовъ, не давая въ то же время отчета о способѣ, которымъ медіумы получаютъ и выражаютъ свое вдохновеніе, не могла-бы получить санкціи серьезныхъ людей. Той теоріи, которую мы только что привели, именно не достаетъ обѣихъ этихъ чертъ.

Послѣ Шеврейля, къ своему товарищу по академіи присоединился Бабинэ. Этотъ физикъ издалъ двѣ статьи о вертящихся столахъ, не болѣе Шеврейля, давая объясненіе медіумизму.

Теорія Бабинэ имѣетъ незначительную разницу. Въ послѣдней своей статьѣ онъ безусловно относитъ все къ безсознательнымъ сокращеніямъ мышечныхъ волоконъ, къ движеніямъ парождающимся или начинающимся *). Повидимому, движенія продолжающіяся или развившіяся, имѣли-бы большой вѣсъ и лучше-бы подходили подъ совершающіяся явленія. Въ концѣ-концовъ, это та же теорія Шеврейля, но выраженная съ меньшей увѣренностью.

Фарадэй изъ лондонскаго королевскаго общества тоже занимался загадкой столовъ и поставилъ себѣ задачей подкрѣпить опытами психо-механическую теорію Шеврейля и Бабинэ. Какъ и послѣдній физикъ, онъ возвращался нѣсколько

---

*) Etudes et lecture sur les sciences d'observation, in 12. t. II. Paris 1856,. p 231—254.

разъ къ этому предмету. Въ своемъ первомъ опытѣ онъ накладывалъ на тонкій стеклянный листъ, помѣщенный на столѣ, извѣстное число кусковъ полированнаго картона, отдѣленныхъ или изолированныхъ другъ отъ друга кусочками мастики изъ воска съ терпентиномъ.

«Площадь картоновъ,—говоритъ Фарадэй,—уменьшалась отъ верхняго къ нижнему и черта, сдѣланная кисточкой, указывала ихъ первоначальное положеніе. Мастика была такого свойства, что хотя она скрѣпляла картонъ, но поддавалась боковому давленію, производимому извѣстное время. Когда, послѣ вращенія стола, эта система картоновъ была изслѣдована, то было усмотрѣно на верхнемъ картонѣ бо̀льшее смѣщеніе, чѣмъ на нижнемъ—такъ что столъ сдвинулся позднѣе картоновъ, а картоны позднѣе рукъ. Если столъ совсѣмъ не двигался, все-таки смѣщеніе картоновъ обнаруживало работу рукъ».

Это послѣднее замѣчаніе ослабляетъ значеніе сказаннаго ранѣе. Руки не могутъ находиться на столѣ въ теченіе получаса или трехъ четвертей, не произведя болѣе или менѣе чувствительнаго давленія; но если это давленіе можетъ быть обнаружено и въ то время, когда столъ не двигается, то какъ можно заключить, что оно служитъ причиной движенія стола?

Фарадэй самъ неудовлетворенный своими дисками, задумалъ другой опытъ, которымъ онъ доказалъ, что столъ двигается усиліями такими неуловимыми, что производящій и не подозрѣваетъ этого. Шеврейль находитъ въ этомъ, не безъ основанія, свою собственную теорію стремленія къ движенію.

Въ итогѣ—объясненія этихъ трехъ славныхъ ученыхъ не удовлетворили никого. Есть между этими теоріями даже такія, которыя уклонились совсѣмъ отъ вопроса; какъ, напримѣръ, теорія Бабинэ въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ приводитъ, какъ примѣръ, пригодный для иллюстраціи нарождающихъ движеній, нѣкоторыя нервныя сокращенія, которыя имѣютъ мѣсто въ шуллерствѣ, престижитаторствѣ и т. п. Здѣсь уклоненіе въ логикѣ завело ученаго за границу разсматриваемаго предмета и заставило его забыть, что всѣ быстрыя и энергическія движенія, о которыхъ онъ говоритъ, производятся

дѣйствіемъ сильной и сознательной воли; тогда какъ въ вопросѣ о столахъ, дѣло идетъ о движеніяхъ, производимыхъ непроизвольно и безсознательно для тѣхъ, кто ихъ совершаетъ.

Послѣ теоріи, которая объясняетъ вмѣстѣ съ Шеврейлемъ, Бабинэ и Фарадэй вращеніе столовъ безсознательными мускульными импульсами, появилась теорія, объясняющая флуидомъ.

Перенося на этотъ новый рядъ явленій идею о флуидахъ, бывшую въ такомъ ходу у магнетизеровъ, сторонники этой теоріи объяснили импульсъ, производящій вращеніе столовъ, дѣйствіемъ флуида, исходящаго изъ тѣлъ участниковъ.

Аженоръ де-Гаспаренъ—самый авторитетный представитель флуидической теоріи. Теорія эта пространно развита въ его сочиненіи. Аженоръ де-Гаспаренъ борется противъ сверхъестественнаго на свой ладъ. Онъ допускаетъ, вмѣстѣ съ однимъ знаменитымъ отцемъ церкви, что христіанская эра закончила періодъ чудесъ и фактовъ, противныхъ нормальному порядку. Такъ какъ христіанство упрочилось, то чудеса болѣе для него не нужны и божественной волей эра чудесъ прекратилась.

Мы не собираемся оспаривать этотъ пунктъ: теологіи не мѣсто въ этомъ трудѣ. Ограничимся лишь тѣмъ, что, исходя изъ этого принципа, позаимствованнаго у Святаго Августина, Аженоръ де-Гаспаренъ ищетъ и находитъ лишь естественное во вращеніи столовъ. Какой-нибудь флуидъ, флуидъ жизненный, флуидъ магнетическій, можетъ быть теплородный...—вотъ что по мнѣнію Аженора де-Гаспаренъ могло быть причиной ихъ вращенія.

Въ третьемъ томѣ настоящаго труда мы разбирали общія понятія о флуидахъ, служившихъ объясненіемъ явленій животнаго магнетизма. Мы не станемъ повторять того, что по этому предмету было сказано. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ идетъ о вещи совершенно аналогичной. По толкованію сторонниковъ этой системы, тотъ самый флуидъ, который исходя отъ тѣла магнетизера, погружаетъ въ сомнабулизмъ субъекта, подвергнутаго его вліянію, имѣетъ способность, исходя изъ тѣлъ особъ, составляющихъ цѣпь— покачнуть столъ и своимъ механическимъ импульсомъ опредѣлить его движеніе. Тѣже соображенія, которыя заставили насъ отвергнуть флуидъ маг-

нетизеровъ, принуждаютъ насъ отвергнуть и флуидъ вращателей столовъ. Бабинэ прекрасно доказалъ и это единственный оригинальный и демонстративный отдѣлъ его второй статьи о вертящихся столахъ, что нервное вліяніе не переходитъ границъ эпидермы. Мы считаемъ это за одну изъ прочно установленныхъ истинъ физіологіи, за принципъ, который никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, такъ какъ его вполнѣ достаточно, чтобы сокрушить гипотезу флуида въ примѣненіи ея къ объясненію движенія столовъ. Для лицъ, которые, не смотря на это, пожелали-бы прямаго доказательства противъ флуидической теоріи въ данномъ предметѣ, мы сошлемся на опытъ, приводимый Morin въ его работѣ о магнетизмѣ и объ окультивныхъ знаніяхъ *).

«Вмѣсто того, чтобы держать руки на столѣ, пусть экспериментаторы держатъ столъ за ленточки изъ шерсти, шелка или ремешки, прикрѣпленные къ его краю, — говоритъ A. Morin,—тогда движеніе никогда не произойдетъ. И однако, матеріалъ лентъ не служитъ препятствіемъ къ проводимости воображаемаго флуида, потому что, если тѣ же экспериментаторы кладутъ на тотъ же столъ свои руки, одѣтыя въ кожанныя, шерстяныя или шелковыя перчатки, т. е. перчатки изъ тѣхъ самыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ сдѣланы ленты, которыя они только что держали въ рукахъ — столъ приходитъ въ движеніе. Въ данномъ случаѣ, отсутствіе всякаго эфекта дозволяетъ допустить и отсутствіе жизненнаго флуида».

Можно было-бы измѣнить на разные лады эти опыты, но при фактѣ, разсказанномъ A. Morin, въ связи съ общими разсужденіями, высказанными по поводу магнетизма, не встрѣтится возраженій, если мы исключимъ флуидъ изъ числа причинъ вращенія столовъ.

Затѣмъ идетъ теорія, которая объясняетъ движеніе столовъ духами: если послѣ четверти часа сосредоточенности и ожиданія со стороны экспериментаторовъ, столъ сталъ раскачиваться,—то это оттого, что въ него вселились духи добрые или злые, ангелы или демоны.

---

*) Стр. 378.

Интересуется-ли читатель, чтобы мы занялись этой гипотезой? Не думаемъ. Если мы возьмемся доказывать со всей силой логическихъ доводовъ, что дьяволъ не входитъ въ столы, чтобы заставить ихъ плясать, то намъ также придется показать, что не духи, вошедшіе въ насъ, заставляютъ насъ дѣйствовать, говорить, чувствовать и т. п.

Всѣ эти явленія однородны и кто допускаетъ вмѣшательство демона въ верченіе столовъ, долженъ прибѣгать къ тому же сверхъестественному источнику для объясненія дѣйствій, происходящихъ лишь въ силу нашей воли и при содѣйствіи нашихъ органовъ. Никогда никому серьезно не приходило въ голову приписывать дѣйствія воли на наши органы, какъ ни загадочна сущность этого явленія, вмѣшательству ангела или демона. И однако, къ такому логическому заключенію должны придти тѣ, которые желаютъ приписать вращеніе столовъ причинѣ сверхестественной.

Чтобы покончить съ этимъ, замѣтимъ, что противно разсудку объяснять причиной сверхъестественой все, что можетъ быть объяснено причиной естественной. Весь вопросъ въ томъ: можетъ-ли быть объяснено вращеніе столовъ причиной естественной, натуральной, физіологической? Теперь мы доходимъ до изложенія нашей собственной теоріи о явленіяхъ вертящихся столовъ.

Объясненіе вращенія столовъ, какъ намъ кажется, могутъ доставить намъ тѣ явленія, имя которыхъ нѣсколько разъ измѣнялось, но натура которыхъ въ основаніи тождественна: то есть то, что послѣдовательно называлось гипнотизмомъ докторомъ Брэдомъ и біологизмомъ—Филипсомъ.

Напомнимъ, что вслѣдствіе сильнаго мозговаго напряженія, вызываемаго продолжительнымъ созерцаніемъ неподвижнаго предмета, мозгъ впадаетъ въ особое состояніе, получившее послѣдовательно названіе состоянія магнетическаго, состоянія біологическаго или состоянія гипнотическаго—различныхъ названій, которыя обозначаютъ извѣстные особые варіанты состоянія, вообще говоря, тождественнаго.

Приведенный въ это состояніе, будетъли это отъ пассъ магнетизма, какъ это дѣлали послѣ Месмера; будетъ ли это отъ созерцанія блестящаго предмета, какъ поступалъ Бредъ,

послѣ того подражалъ ему Филипсъ и какъ до сихъ поръ поступаютъ арабскіе и египетскіе волшебники, наконецъ, будетъ ли это просто отъ сильнаго умственнаго напряженія,— субъектъ впадаетъ въ ту пассивную автоматность, которая составляетъ гипнотическое состояніе. Онъ теряетъ власть направлять и контролировать свою собственную волю и находится подъ вліяніемъ воли посторонней. Ему даютъ стаканъ воды, авторитетно говоря, что это прелестный напитокъ и онъ пьетъ, вѣря, что онъ пьетъ вино, или ликеръ, или молоко, смотря по желанію того, кто такъ могущественно овладѣлъ его существомъ. Такимъ образомъ, лишенный указанія собственнаго сужденія—субъектъ почти чуждъ всѣмъ дѣйствіямъ, которыя онъ совершаетъ и приведенный въ свое нормальное состояніе, онъ утрачиваетъ воспоминаніе о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя совершалъ въ теченіе этого страннаго и преходящаго отреченія отъ собственнаго я.

Онъ находится подъ вліяніемъ внушеній, то есть принимая, не будучи въ силахъ сопротивляться, какую-нибудь опредѣленную идею, которую ему навязываетъ посторонняя воля,—онъ дѣйствуетъ и вынужденъ дѣйствовать безъ собственной идеи и собственной воли, а поэтому безъ сознанія. Человѣкъ, находящійся въ такомъ состояніи, потерялъ свободу сужденія и болѣе не отвѣтственъ за дѣйствія, которыя совершаетъ. Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ навязанныхъ его мозгу образовъ.

Гипнотическое состояніе прекрасно объясняетъ явленія столь разнообразныхъ и порой столь ужасныхъ галлюцинацій и въ то же время указываетъ тотъ маленькій интервалъ, который отдѣляетъ его отъ галлюцинацій мономана. Поэтому, слѣдуетъ ли удивляться, что у большаго числа вращателей столовъ галлюцинаціи не прекращаются по окончаніи опытовъ и преобразовываются въ опредѣленное сумасшествіе?

Гипнотическое состояіе, по нашему мнѣнію, положительно доставляетъ полное объясненіе явленій вертящихся столовъ. Разсмотримъ то, что происходитъ между участниками цѣпи, занявшимися опытами этого сорта. Участники сосредоточены,

внимательны и взволнованы ожиданіемъ явленій, которыя должны произойти. Сильное вниманіе, полная сосредоточенность для нихъ обязательны. По мѣрѣ того, какъ ожиданіе продолжается и моральное напряженіе долго поддерживается мозгъ экспериментаторовъ все болѣе и болѣе утомляется и ихъ мысли начинаютъ слегка путаться. Когда мы присутствовали зимой 1860 года на опытахъ, производимыхъ въ Парижѣ Филипсомъ, когда мы видѣли десять или двѣнадцать особъ, которымъ онъ вручалъ металлическій дискъ, приказавъ вглядываться въ него, помѣстивъ на ладонь и единственно въ него въ теченіе получаса, мы невольно признали въ этихъ условіяхъ, считаемыхъ необходимыми, вѣрный образъ состоянія, въ которомъ находятся особы, образующія молчаливую цѣпь для полученія вращенія стола. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ находятся на лицо: сильное умственное напряженіе, идея исключительно преслѣдуемая въ теченіе продолжительнаго времени. Человѣческій мозгъ не можетъ долго выдерживать такого усиленнаго напряженія, такого ненормальнаго накопленія нервной силы. Субъектъ оканчиваетъ тѣмъ, что впадаетъ въ гипнозъ и проявляетъ различныя явленія, которыя мы разсматривали, говоря въ настоящемъ сочиненіи о гипнотизмѣ и состояніи біологическомъ, изслѣдованномъ Филипсомъ.

Въ собраніи особъ, внимательно заботящихся въ теченіи двадцати минутъ или получаса о сохраненіи цѣпи для полученія вращенія стола, съ руками, помѣщенными на стольницу, не имѣя права отвлекаться ни на одно мгновеніе отъ дѣла, въ которомъ принимаютъ участіе, большинство не испытываетъ ни малѣйшаго вліянія. Но трудно допустить, чтобы кто нибудь изъ нихъ, лишь одинъ, если хотите, не впалъ на мгновеніе въ гипнозъ. Можетъ быть, достаточно одной секунды такого состоянія, чтобы ожидаемый феноменъ совершился. Членъ цѣпи, впавшій въ гипнозъ, не имѣя болѣе сознанія о своихъ дѣйствіяхъ и не имѣя другой мысли кромѣ idée fixe о вращеніи стола, производитъ безъ своего вѣдома его движеніе. Онъ можетъ въ такое время развить сравнительно значительную мускульную силу и столъ двигается.

Разъ этотъ импульсъ данъ, этотъ безсознательный актъ совершенъ—болѣе ничего не надо. Субъектъ, такимъ образомъ преходяще загипнотизированный, можетъ прійдти въ себя, потому что, едва совершилось такое механическое смѣщеніе стола, тотчасъ всѣ образующіе цѣпь подымаются и слѣдуютъ его движенію, или, другими словами, заставляютъ двигаться столъ, воображая, что они только за нимъ слѣдуютъ.

Что касается субъекта, невольной безсознательной причины явленія, то, такъ какъ онъ не сохраняетъ ни малѣйшаго воспоминанія о дѣйствіяхъ, которыя совершилъ подъ гипнозомъ, то онъ самъ не знаетъ, что сдѣлалъ и искренно возмущается, если его обвиняютъ, что онъ толкнулъ столъ. Онъ даже подозрѣваетъ, что другіе члены цѣпи сыграли штуку, въ которой его обвиняютъ. Изъ-за этого возникаютъ тѣ частыя недоразумѣнія и даже серьезные споры, къ которымъ такъ часто даетъ поводъ забава вертящихся столовъ.

Таково объясненіе, которое мы считаемъ возможнымъ дать самому простѣйшему изъ явленій вертящихся столовъ. Что касается столовъ, отвѣчающихъ на вопросы, ножки которыхъ подымаются по приказанію и числомъ ударовъ отвѣчаютъ на то, что ихъ спрашивали, то объясненіемъ этого можетъ служить та же теорія, если допустить, что между членами цѣпи находится кто нибудь, у кого гипнозъ длится извѣстное время. Субъектъ этотъ подъ гипнозомъ безъ вѣдома отвѣчаетъ на всѣ вопросы или приказанія, которыя были даны, то наклоняя столъ, то заставляя выбивать удары сообразно съ требованіемъ. Придя въ себя, онъ позабываетъ всѣ совершенныя имъ дѣйствія такъ, какъ всѣ загипнотизированные теряютъ воспоминаніе объ актахъ, совершенныхъ ими въ этомъ состояніи.

Субъектъ, заставляющій такимъ образомъ говорить столъ, то есть, который заставляетъ столъ выбивать по полу удары, есть своего рода реагирующій сонный, онъ вовсе не sui compos. Его состояніе ума схоже съ сомнамбулизмомъ и очарованіемъ. Онъ не спитъ, онъ очарованъ сильнымъ моральнымъ сосредоточеніемъ, которое ему было навязано: это медіумъ.

Такъ какъ послѣднее явленіе—есть явленіе высшаго порядка, чѣмъ предъидущее, то оно не можетъ быть произведено во всѣхъ кружкахъ. Чтобы столъ отвѣчалъ на поставленные ему вопросы, поднимая одну изъ своихъ ножекъ и выстукивая удары, нужно, чтобы участники напрактиковались съ вертящимися столами и чтобы въ средѣ ихъ находился субъектъ, склонный впадать въ гипнотическое состояніе, чтобы онъ, благодаря навыку, впадалъ въ него скоро и находился въ немъ долго, словомъ, нуженъ испытанный медіумъ.

Но скажутъ, что двадцати минутъ или получаса не всегда нужно, чтобы получить вращеніе столика или стола, часто послѣ лишь четырехъ или пяти минутъ столъ идетъ въ ходъ. На это мы отвѣтимъ, что магнитизеръ, когда имѣетъ дѣло съ привычнымъ субъектомъ или профессіональнымъ сомнамбуломъ, усыпляетъ ихъ въ полминуты безъ пассовъ, безъ аппаратовъ, простымъ пристальнымъ взглядомъ.

Въ опытахъ, произведенныхъ Шарко въ 1879 г. надъ истеричными Сальпетріера, опытахъ, которые мы привели въ концѣ предыдущаго тома нашего труда, больные впадали въ каталепсію или экстазъ при первомъ лучѣ электрическаго свѣта или при первомъ звукѣ камертона. Во всѣхъ этихъ случаяхъ привычка приводитъ къ быстрому и легкому результату.

Практикующіе медіумы могутъ въ непродолжительное время впадать въ такое состояніе гипнотизма, которое должно неизбѣжно влечь за собой вращеніе стола или подыманіе его ножки—соотвѣтственно постановленному требованію.

Вотъ система, которая, на нашъ взглядъ, объясняетъ явленіе вращенія столовъ. Она покажется еще болѣе правдоподобной, когда мы станемъ заниматься въ слѣдующей главѣ тѣми явленіями, которые проявили медіумы, когда вертящіеся столы — процедура примитивная и элементарная— была оставлена и уступила мѣсто манифестаціямъ болѣе совершеннымъ.

IV.

Развитіе явленій послѣ вращающихся столовъ. — Столы говорящіе и пишущіе.—Дощечка.—Медіумы работающіе безъ всякихъ аксессуаровъ.—Естественное объясненіе явленій медіумизма.

Въ теченіе 1853 года вертящіеся столы вошли въ повсемѣстную моду. Всѣмъ хотѣлось удовлетворить свое любопытство касательно реальности этого явленія, такъ что было кое-что правдивое въ картинѣ, помѣщенной въ «Illustration» и изображающей карту Европы, на которой жители всѣхъ странъ заняты верченіемъ столовъ, столиковъ, коробокъ или шляпъ.

Однако, всему бываетъ конецъ. Когда это повторилось достаточное число разъ, то занятіе, въ основѣ довольно скучное и не прибавлявшее ничего къ тому, что знали — надоѣло, — и съ общаго уговора столы вездѣ остановились. Но медіумы, пользовавшіеся исключительнымъ почетомъ въ процессѣ верченія столовъ, остались и сдѣлались главарями новѣйшей секты спиритовъ.

Прослѣдимъ прогрессъ новыхъ явленій, яко бы сверхъестественныхъ, который произошелъ послѣ 1854 года.

Образованіе цѣпи, предназначенной къ тому, чтобы достичь раскачиванія стола, для разговоровъ съ духами, было вещью неудобной и порой даже неисполнимой. Пріемъ, необходимый для спрашиванія духовъ, состоялъ въ поднятіи ножки стола, окруженнаго экспериментаторами. Два поднятія обозначало нѣтъ, одно поднятіе — да; таковы были отвѣты на вопросы, предлагаемые сверхъестественному существу.

Среди участниковъ цѣпи было много желающихъ, чтобы оракулъ не былъ такимъ лаконикомъ. Додумались, что было-бы проще, чтобы кого-нибудь изъ составляющихъ цѣпь считать медіумомъ, отдѣлить его отъ остальныхъ и предоставить лишь ему одному испрашивать вдохновенія. Тогда медіумъ помѣщался въ одиночку передъ столикомъ, коробкой или какой-нибудь легкой мебелью и на него возлагали обязанность передавать обществу отвѣты духовъ. Число пробитыхъ ножкой столика ударовъ служило азбукой и можно было такимъ

путемъ, т. е. считая число поднятій ножки столика на которомъ медіумъ держалъ свои руки, составлялись слова и фразы, что образовывало отвѣтъ духовъ на вопросы, поставленные имъ обществомъ.

Но это было неудовлетворительнымъ способомъ сношеній. Ничего не могло быть скучнѣе этихъ нескончаемыхъ сеансовъ, въ которыхъ требовалось значительное время и напряженное вниманіе для составленія отвѣта стола посредствомъ условной азбуки. Тогда люди способные придумали усовершенствованіе. Къ одной изъ ножекъ столика былъ придѣланъ карандашъ. Цѣлый этотъ снарядъ помѣщали на большой листъ бумаги, разостланный на полу и медіумъ могъ писать отвѣтъ духа буквами болѣе или менѣе отчетливыми.

Однако, такъ какъ нужно имѣть большую ловкость и большой навыкъ, чтобы пользоваться такой оригинальной ручкой, то процедуру еще болѣе упростили. Столикъ былъ замѣненъ овальной дощечкой двухъ или трехъ діаметровъ длиною. Дощечка была снабжена карандашемъ: все помѣщалось на листѣ бумаги, разложенномъ на столѣ. Такимъ маленькимъ аппаратомъ опытный медіумъ могъ писать съ легкостью.

Въ теченіе 1855 года одинъ столяръ изъ улицы Омаль сфабриковалъ порядочное число этихъ дощечекъ-духовъ.

Да простится этому честному мастеровому то, что онъ былъ великимъ проповѣдникомъ дощечки-духовъ: онъ не былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, какъ Жоссъ,—онъ былъ простымъ столяромъ.

Тайну калиграфіи дощечки-духовъ разоблачаютъ слѣдующія строчки произведенія Дебэ, докладывающаго намъ, что случилось съ нимъ на одномъ сеансѣ, гдѣ употребляли этотъ аппаратъ.

«Карандашъ,—говоритъ Дебэ,—былъ прикрѣпленъ къ ножкѣ маленькой дощечки, помѣщенной на столъ, на которомъ разложенъ былъ большой листъ бумаги. Двое участниковъ положили руку на дощечку, которая вскорѣ задвигалась и съ трудомъ чертила неразбираемыя буквы. Одинъ изъ зрителей, занимавшійся съ давнихъ поръ практическимъ изученіемъ движенія столовъ, заподозрѣлъ плутовство со сто-

роны участниковъ, заставлявшихъ дощечку писать, и сказалъ имъ:

«Господа, не приходило ли вамъ въ голову, что кто либо одинъ изъ васъ велъ-бы дѣло гораздо успѣшнѣе, чѣмъ оба разомъ? Если ваша дощечка пишетъ плохо, это, несомнѣнно, исходитъ отъ того, что тотъ господинъ, который сидитъ въ верху стола, плохой литографъ; я хочу сказать, что онъ не умѣетъ хорошо писать вверхъ ногами и поэтому, такъ какъ одинъ изъ васъ толкаетъ прямо, а другой вкось, то вы постоянно мѣшаете другъ другу и результатомъ этого дурно образовавшіяся буквы, которыя пишетъ дощечка. Держу пари, что если кто либо изъ васъ оставитъ мѣсто, а товарищъ его пожелаетъ работать въ одиночку, дощечка станетъ писать очень легко».

Оба экспериментатора разсердились и объявили, что для того, чтобы принудить духъ, необходимо участіе двухъ лицъ.

Упрямый наблюдатель доказалъ участникамъ, что не стоитъ продолжать игру, разъ разгадка ей сдѣлана, такъ какъ послѣ того, какъ онъ молодцовато положилъ свои пальцы на дощечку, она двинулась и начертала сперва буквы, потомъ слова и такимъ прекраснымъ почеркомъ, что ему позавидовалъ-бы учитель чистописанія.

Со всѣмъ этимъ, приборъ столяра изъ улицы Омаль былъ такъ неудобенъ въ практикѣ, что, наконецъ, его оставили. Задались вопросомъ, нужны-ли, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти аппараты и не лучше-ли было, чтобы медіумъ писалъ, какъ всѣ люди—перомъ или карандашемъ?

Система эта взяла верхъ и въ настоящее время вотъ какъ происходятъ эти вещи: медіумъ садится, держа въ рукахъ карандашъ и тетрадь. Онъ на мгновеніе сосредоточивается. Особа, которой поручено обращаться къ медіуму съ вопросами, которые онъ имѣетъ передать духу, поступаетъ также... точно магнитезеръ со своимъ перцепіентомъ. Когда родъ того отношенія, которое устанавливается между магнитезеромъ и его сомнамбулой, установлено этой короткой паузой, происходитъ сцена, на нашъ взглядъ вполнѣ схожая съ сомнамбуломъ, разспрашиваемымъ его магнетизеромъ.

Одинъ задаетъ вопросы, другой пишетъ въ тетради то, что должно представлять собой отвѣты духа.

Слѣдуетъ прибавить, что иногда обходятся безъ пера или карандаша, какъ обошлись безъ дощечки. Когда медіумъ пришелъ въ должное умственное состояніе, его просятъ обратиться къ духу съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Тогда онъ передаетъ, безъ всякаго писанія, а просто устно, отвѣтъ на предложенный вопросъ. Но условлено собраніемъ, что отвѣтъ идетъ отъ духовъ и что участіе медіума ограничивается тѣмъ, что онъ доставляетъ имъ матеріальное содѣйствіе своими органами.

Этотъ варіантъ, рѣдко встрѣчающійся, ни въ чемъ не измѣняетъ объясненія, которое мы считаемъ возможнымъ дать вдохновеніямъ медіумовъ. Въ этомъ случаѣ—это загипнотизированный, который вмѣсто того, чтобы писать, объясняется устно.

Но вотъ окончательный пріемъ, практикуемый теперь. Одинъ изъ участниковъ садится напротивъ другаго и задаетъ ему вопросы; тотъ пишетъ въ тетради отвѣты и отвѣты эти принимаются, какъ данные душами умершихъ знаменитостей, которыхъ вызывали. Отвѣчаетъ духъ Жанъ-Жака Руссо, Вольтера, Бюффона, Паскаля, св. Франциска Ассизскаго или св. Августина. Рѣчи, произносимыя медіумами отъ имени духовъ, собираются, иногда печатаются и публикуются. Стихи, которые они составляютъ, поэмы, которыя диктуютъ, получаютъ такой-же пріемъ; то-же съ комедіями, продиктованными духомъ Вольтера; сонатами, сочиненными духомъ Моцарта и т. п.

Какъ объяснить вѣщанія медіумовъ?

Система, въ которой мы объяснили начальное движеніе вращающихся столовъ физіологической причиной, одинаково дастъ намъ объясненіе и дѣйствіямъ медіумовъ. Когда вопросъ касается вращенія стола, то, по нашему, субъектъ, случайно впавшій въ гипнозъ и участвующій въ цѣпи, сообщаетъ столу толчекъ, который остальные участники тотчасъ-же подхватываютъ, начиная кружиться со столомъ. Въ данномъ случаѣ продолжительность гипнотическаго сна можетъ быть очень коротка; она можетъ длиться нѣсколько секундъ, такъ какъ этого времени совершенно достаточно, чтобы загипнотизированный субъектъ, то есть, субъектъ, утратившій со-

знаніе своихъ поступковъ и состоящій во власти единственной идеи, идеи вращенія стола, далъ столу достаточно сильный импульсъ, опредѣляющій его движеніе. Въ дѣлѣ медіумовъ, служащихъ посредниками съ воображаемыми духами, гипнотическое состояніе должно быть продолжительнѣе. Поэтому, это послѣднее упражненіе требуетъ спеціальной организаціи и долгаго навыка, условій одинаково необходимыхъ и для магнетизера съ сомнамбулой.

Мы только что сказали, что сеансы съ распрашиваніемъ медіумовъ вполнѣ сходны съ сеансами магнетизера и его перцепіента. Не нужно присутствовать много разъ на подобныхъ сеансахъ, чтобы признать правильность этого сравненія и чтобы убѣдиться, что медіумъ есть ничто иное, какъ бодрствующій замагнетизированный сомнамбула, если позволительно такъ выразиться, индивидуумъ, погруженный въ гипнозъ или, такъ какъ всѣ эти термины въ основѣ указываютъ на одно и то же состояніе, если хотите, то субъектъ біологизированный на манеръ паціентовъ Филипса. Привычка, повтореніе тѣхъ-же самыхъ дѣйствій, вліяніе производимое на него разспрашивающимъ, родъ торжественности, при которой совершается испытаніе — всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ или порознь, содѣйствуютъ погруженію субъекта въ гипнотическое состояніе.

Родъ ослабленія зрѣнія и общее возбужденіе, движенія почти судорожныя, съ которыми медіумъ поспѣшно чертитъ нѣсколько строкъ, долженствующихъ представить отвѣтъ вызваннаго сверхъестественнаго существа,— немедленное оставленіе пера или карандаша, какъ только слова начертаны—эта рука, которая, только что лихорадочно написавъ нѣсколько строкъ, падаетъ неподвижно, какъ рука автомата,—всѣ эти внѣшніе признаки прекрасно указываютъ, что медіумъ находится въ ненормальномъ интелектуальномъ состояніи; что онъ находится въ подчиненіи посторонней воли, замѣнившей его собственную; что онъ не имѣетъ никакого сознанія о дѣйствіяхъ, совершенныхъ имъ въ теченіе этого страннаго и преходящаго состоянія его организма. И дѣйствительно, по окончаніи сеанса, прійдя въ себя, онъ первый удивляется отвѣтамъ, которые написалъ. Какъ замагнетизированные сомнам-

булы, какъ загипнотизированные субъекты, онъ утратилъ воспоминаніе объ актахъ, совершенныхъ имъ въ теченіе этого дивнаго ослабленія его интелектуальныхъ способностей. Онъ искрененъ, когда удивляется, наравнѣ со всѣми присутствующими, отвѣтамъ, ниспосланнымъ духомъ и въ этомъ нѣтъ съ его стороны плутовства, какъ нѣтъ его въ дѣлѣ замагнетизированныхъ сомнамбулъ, которые, по пробужденіи, объявляютъ, что они забыли то, что говорили во время сна.

Если медіумъ есть ничто иное, какъ субъектъ, находящійся во власти рода временныхъ галлюцинацій, происходящихъ вслѣдствіе гипнотическаго состоянія, въ которое онъ былъ погруженъ, то нужно ожидать, какъ мы объ этомъ уже говорили, что повтореніе подобныхъ упражненій производитъ на его здоровье разрушительное дѣйствіе и что у нѣкоторыхъ медіумовъ состояніе это, вызываемое часто, порождаетъ, предварительно произведя разныя нервныя разстройства, галлюцинаціи постоянныя, манію или сумасшествіе.

Случаи, въ которыхъ занятія верченіемъ столовъ оканчивались серьезно, многочисленны. Въ эпоху, когда царило это безуміе, каждый могъ замѣтить, что между членами цѣпи, занятой этимъ дѣломъ, извѣстное число лицъ оказывалось не въ силахъ продолжать его, вслѣдствіе нервнаго разстройства, принимавшаго разныя формы: возбужденія, изнеможенія, истощенія и т. п. И это легко понять: особы, молчаливо выстроившіеся вокругъ стола, находятся на покатости, ведущей къ гипнозу. Но гипнозу, какъ хорошо извѣстно, нельзя каждому подвергаться безнаказанно. Приливы крови, приливъ крови къ мозгу, происходящій во время гипнотическаго состоянія, ставитъ иныхъ особъ лицомъ къ лицу съ реальными опасностями. Поэтому понятно, что и вращатели столовъ подвергаются тѣмъ-же опасностямъ.

Констатированы серьезные случаи, происшедшіе вслѣдствіе этого занятія и состоящіе въ разстройствѣ нервной системы. Правда, случаи эти почти всегда преходящи; но есть между ними и влекущіе за собой немаловажныя послѣдствія. Разсказываютъ о ребенкѣ, принадлежащемъ къ одной изъ знатныхъ фамилій Праги, который, увидѣвъ вращающійся столъ, получилъ нервные припадки, закончившіеся болѣзнью, из-

вѣстной подъ именемъ пляски св. Витта; въ припадкѣ судорожныхъ движеній, онъ безустанно вращался вокругъ себя, какъ столъ.

Де-Мирвилль долженъ признаться, что многіе помѣшанные, попавшіе въ Бисертъ, явились туда, благодаря слишкомъ усидчивому занятію вертящимися столами.

Викторъ Гагекенъ, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, писалъ въ одномъ журналѣ, что жена его, участвовавшая въ его операціяхъ, получила отъ нихъ такое нервное потрясеніе, что ее должны были помѣстить въ больницу. Самъ Викторъ Ганекенъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ.

Елифасъ Леви, говоря о тѣхъ-же занятіяхъ, пишетъ:

«Онимогутъ привести къ сумасшествію тѣхъ, кто не прочно стоитъ на фундаментѣ высшаго, абсолютнаго и непогрѣшимаго разсудка; они могутъ вести къ перевозбужденію нервной системы и производить страшныя и неизлечимыя болѣзни; они могутъ, если воображеніе поражается и устрашается, вести къ обморокамъ и даже къ смерти отъ мозговаго прилива крови».

Мы этимъ ограничимся. Смерть отъ прилива крови можетъ случаться съ медіумомъ потому, что гипнотическое состояніе, которому онъ предается, часто вызываетъ приливы къ мозгу.

Въ Америкѣ, гдѣ число медіумовъ значительно, была констатирована масса случаевъ сумашествія и самоубійствъ, не имѣвшихъ иной причины. Случаи эти были такъ многочисленны, что американское правительство вынуждено было обратить на это серьезное вниманіе.

Boston Pilot, одинъ изъ вліятельныхъ католическихъ журналовъ Соединенныхъ Штатовъ, въ своемъ номерѣ отъ 10 іюня 1852 года, въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ опасности медіумизма:

«Большинство медіумовъ,—говоритъ этотъ журналъ,—становятся угрюмыми идіотами, сумасшедшими или слабоумными; тоже происходитъ съ большинствомъ ихъ слушателей. Не проходитъ недѣли, чтобы мы не узнали, что кто-нибудь изъ этихъ несчастныхъ не покончилъ съ собой самоубійствомъ, или не попалъ въ домъ умалишенныхъ. Медіумы представляютъ иногда несомнѣнные признаки ненормальнаго состоя-

нія ихъ умственныхъ способностей и между нѣкоторыми изъ нихъ можно подмѣтить несомнѣнныя черты настоящаго одержанія бѣсомъ. Зло быстро развивается и черезъ немного годовъ оно приведетъ къ страшнымъ послѣдствіямъ».

Можно привести и другія свидѣтельства о разстройствахъ, причиненныхъ въ умственной дѣятельности тѣхъ, кто въ Соединенныхъ Штатахъ беретъ на себя роль медіумовъ. Мѣстныя газеты часто сообщаютъ случаи самоубійствъ или сумашествія, къ которымъ привело сношеніе съ духами.

Вотъ два примѣра, взятые наугадъ изъ разсказовъ американскихъ журналовъ. Въ номерѣ отъ 10 го мая 1892 года въ «Courrier and Unquirer», было напечатано:

«Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были приняты въ лечебницу штата Индіана, шесть особъ; единственную причину потери ими разсудка приписываютъ spirit rappings.

А въ «Herald», отъ 30-го апрѣля:

«Господинъ Юніусъ Алкоттъ, уважаемый гражданинъ Утаки, добровольно лишилъ себя жизни на спадахъ рѣки Орискени, бросившись 26-го числа этого мѣсяца подъ колесо мельницы, которое въ одно мгновеніе его истрепало и исковеркало страшнымъ образомъ. Ужасный конецъ этого несчастнаго служитъ захватывающей иллюстраціей результатовъ того новѣйшаго шарлатанства, которое проникло всюду подъ именемъ «spiring rapping», и которое было единственной причиной умственнаго разстройства Алкотта и послѣдовавшаго за нимъ самоубійства».

Въ объясненіи верченія столовъ и медіумизма, видимое дѣло, мы пошли надлежащей дорогой, не тратя попусту время на обсужденіе гипотезы духовъ. Помимо того, что по существу своему сверхестественное не поддается объясненію, мы замѣтимъ, что въ случаѣ всесторонняго обсужденія, сторонникамъ духовъ слѣдовало-бы доставить ихъ доказательства. Но этого то они никогда серьезно не пытались сдѣлать, что и освобождаетъ насъ отъ траты пороху.

Все таки, мы не желаемъ считать себя вполнѣ сквитовавшимися со сторонниками ученія о духахъ и мы возразимъ лишь однимъ аргументомъ по существу того, что чародѣйство возродило въ современной психологіи.

Духи, спрашиваемые медіумомъ, знаютъ только то, ни болѣе, ни менѣе, что знаетъ самъ медіумъ; это доказываетъ, что воображаемые новѣйшіе оракулы черпаютъ все изъ самихъ себя и не получаютъ никакой сверхестественной помощи. Потребуйте, чтобы духъ отвѣчалъ вамъ на вопросъ, сдѣланный по-англійски—духъ отвѣтитъ прелестно, если медіумъ знаетъ этотъ языкъ; если же медіумъ не знаетъ—духъ молчитъ. Если медіумъ знакомъ съ англійскимъ языкомъ, духъ отвѣтитъ по-англійски къ сильному изумленію присутствующихъ.

Насъ часто смѣшила наивность людей, испрашивавшихъ у медіума вѣстей о подробностяхъ, которыхъ никто не можетъ знать, напримѣръ, о биржевыхъ курсахъ завтрашняго дня, о мѣстопребываніи души, о номерахъ, которые должны выиграть въ лотореи или о догматѣ пресуществленія. Эти наивные вопрошатели не знали, что духу извѣстно только то, что извѣстно медіуму; точно также, какъ сонамбула магнетизера не можетъ отвѣтить на то, что превосходитъ сумму его знаній.

Духи всегда съ точностью отражаютъ мнѣнія медіумовъ или присутствующихъ. Они религіозны и вѣрующи въ кружкѣ святошъ; они не вѣрующи и атеисты въ кружкѣ скептиковъ.

Въ 1853 году, на улицѣ Боннъ, домъ № 2, въ бывшемъ помѣщеніи бюро Democratie pacifique, прекратившимся послѣ государственнаго переворота, 2-го декабря 1851 года, собрался кружекъ фаланстеріянцевъ, безработныхъ редакторовъ прекратившагося журнала, которые посвящали долгіе сеансы невинному развлеченію разспрашиванія вращающихся столовъ. Тамъ находились Аллиръ Бюро, Карлъ Брюнье, механикъ Франшо (изобрѣтатель лампы съ регуляторомъ), Антоній Мерэ, докторъ де-Бонаръ, Евгеній Нюсъ и другіе.

О чемъ же, полагаете вы, столы говорили этой группѣ партизановъ Фурье?.. О комунизмѣ, о фаланстеріяхъ.

Одинъ изъ пережившихъ этотъ кружокъ, Евгеній Нюсъ, счелъ долгомъ семнадцать лѣтъ спустя воспроизвести изрѣченія стола улицы Боннъ. Въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ «предметы того свѣта» и вышедшемъ въ 1880 году, онъ посвятилъ сто страницъ выпискамъ притчъ говорящаго стола, не подозрѣвая того, что эти притчи не болѣе, какъ продол-

женіе статей Democratie pacifique, оставшіяся не изданными редакторами этого гуманитарнаго листка.

Приведемъ нѣсколько строкъ, взятыхъ на удачу.

«Духъ жизни во всемъ и вездѣ. Существо его проникаетъ все, что есть. Нравственная сила, инстинктивное чувство души, основа увѣренности исходитъ изъ ряда, который укрѣпляется въ синтезѣ человѣческихъ элементовъ». «Власть, которая по преимуществу обнаруживается въ органическихъ существахъ земнаго шара,—эта сила, составляющая результатъ всѣхъ силъ, образующихъ жизненность».

«Отъ его живаго слова существуютъ всѣ живущія низшія всѣхъ ступеней, безсознательныя частицы сознательнаго цѣлаго, котораго человѣкъ есть хранитель и распорядитель».

И такой фаланстерьянской галиматьи, мы повторяемъ, сто страницъ.

Эти заимствованія, эти безсознательныя воспоминанія элукубрацій Виктора Консидеранъ и Кантагреля, приводили въ восторгъ Евгенія Нюса. Выписавъ отрывки, которые мы только что прочли, онъ воскликнулъ:

«Очень поучительны эти три фразы. И сколько сказано въ немногихъ словахъ! Эта нравственная сила—сознаніе, разсудокъ, умъ—основа увѣренности, исходящая изъ ряда первичныхъ добродѣтелей, которая укрѣпляется въ человѣкѣ и становится инстинктомъ, прирожденнымъ импульсомъ этого новаго существа, синтеза жизней низшихъ... Къ этому наука не въ силахъ добавить ни слова» *).

Кто не видитъ, что изрѣченія стола улицы Бонъ, не болѣе какъ мечты, блуждавшія въ головѣ Шарля Брюнье, фаланстерьянца во образѣ медіума, которому чаще всего поручали отвѣчать на вопросы, предлагаемые его друзьями.

Другой членъ маленькаго кружка фурьеристовъ, Альфиръ Бюро, умершій впослѣдствіи въ Техасѣ, былъ музыкантомъ и композиторомъ. Евгеній Нюсъ снабжаетъ насъ также награвированными музыкальными произведеніями, воспроизводящими музыкальныя вдохновенія стола. Вѣрь, читатель, что

---

*) Choses de l'autre monde 3 e edition, pages 66—67, in 12 1880. Paris, chez Denta.

если-бы въ сборищѣ наивныхъ спиритовъ не было музыканта — мы были-бы лишены возможности имѣть и «Пѣсни земли въ пространствѣ», и «Пѣсни луны на ущербѣ», и «Пѣсни Сатурна», и даже «Тихій голосъ вѣтра».

Это потому, повторяемъ мы, что такъ какъ каждый медіумъ не больше, какъ субъектъ, погруженный въ силу привычки въ состояніе нервнаго сна, въ настоящее время отлично извѣстнаго и обозначаемаго именемъ гипнотизма, онъ можетъ говорить лишь подъ вліяніемъ страстей, знаній, склонностей и чувствъ, которыя ему присущи. Когда медіумъ вызываетъ знаменитаго мертвеца, онъ надѣляетъ его собственнымъ невѣжествомъ и собственной неспособностью. Боссюэтъ говоритъ, какъ мужикъ, а Альфредъ Нюссе составляетъ хромые стихи.

Однажды столъ продиктовалъ стихи, которые, по увѣренію общества, собравшагося для вращенія стола, принадлежали одному духу округа Haute-Marne.

Le but laintain de long voyage à faire
Il n'en est pos
Nous franchissons l'un et l'autre hémisphère
En quatre pas
Ciel sans limite, Ocean sans falaise
Desert uni
Le seul espace ou nous soyons à l'aise
C'est l'infinè.

Это то, что называли хоромъ духовъ *).

По повѣркѣ оказалось, что этотъ хоръ не принадлежитъ духу Haute-Marne, а просто извлеченъ изъ сборника стиховъ Отрана, марсельскаго поэта, члена французской академіи.

Самый занимательный промахъ медіумовъ, кажется, слѣдующій. Однажды спросили яко-бы вдохновленнаго медіума, что нужно думать о существованіи діавола. Медіумъ взялъ карандашъ и, войдя, какъ это требуется, въ сношеніе съ обитателями того свѣта, передалъ присутствующимъ слѣдующій

---

*) Choeur des esprits—стихи написанные духами на досчечкѣ въ главномъ городѣ округа Haute-Marne. Смотри L'Encyclopedie magnetique spiritualiste, Кигано, т. II, кн. 10.

удивительный отвѣтъ:—«Я не существую—подписано Сатана».

Въ одномъ кружкѣ медіумовъ нужно было узнать годъ седьмаго крестоваго похода.

«Это очень просто,—замѣтилъ кто-то.—Вызовемъ святаго Людовика.—Собрались.—Позвали св. Людовика и спросили его о годѣ его отплытія изъ Aigues-Mortes.

Святой Людовикъ отвѣтилъ:—«Я не знаю».

— Какъ не знаете... Вѣдь это было въ ваше царствованіе... вы же тамъ были!

— Извините, извините,—сказалъ духъ... произошла ошибка. Я святой Людовикъ Гонзага... Звали святаго Людовика—я и пришелъ... Король Людовикъ IX вышелъ».

Можно разсказать въ томъ же духѣ наивное наставленіе одной матери, вызывавшей черезъ медіума духъ своей дочери, умершей отъ болѣзни легкихъ.

— Гдѣ теперь ты находишься, дочка?

— Въ раю, мамаша.

— Продолжаешь кашлять?

— Нѣтъ, мама.

— Все равно, по вечерамъ одѣвайся теплѣй... прохладно.

Мы не считаемъ необходимымъ продолжать разборъ воображаемыхъ сверхъестественныхъ способностей медіумовъ. Но, оставляя это въ сторонѣ, мы считаемъ необходимымъ высказать всю нелѣпость вѣры, будто толпа знаменитыхъ умершихъ готова, во всякую минуту дня и ночи, на услуги перваго попавшагося, который воображаетъ, что онъ можетъ заставить свести на землю ихъ почтенную тѣнь. Нужно было бы допустить, что всѣ великіе люди исторіи: Сократы, Цезари, Помпеи, Катоны, Ньютоны, Паскали, Мольеры, Монтэни, Бюффоны были постоянно готовы на распоряженіе жителей нашей планеты; чтобы они повиновались призыву простаго лавочника, которому придетъ въ голову позвать ихъ къ своему тривіальному очагу и говорить плоскости. Приходилось-бы удивляться, какъ это одна и та же особа можетъ по вызову, съ которымъ къ ней обратились, появляться сразу въ двадцати разныхъ мѣстахъ, быть одновременно въ Парижѣ, Нью-Іоркѣ, Каирѣ, Калькутѣ. Нужно было-бы до-

*

пустить, что духъ великаго человѣка, вызываемаго разными людьми пяти частей свѣта, можетъ дробиться на нѣсколько частей, какъ сухарь, чтобы одновременно предстать предъ лицемъ этихъ многочисленныхъ вопрошателей. Накопецъ, нужно было-бы объяснить, какимъ образомъ одни и тѣ же духи даютъ изрѣченія противорѣчивыя или, говоря точнѣе, всегда выражаютъ мнѣнія, соглашающіяся съ мнѣніями той страны, куда они появляются: какъ это они религіозны въ Бретани,—невѣрующи въ Парижѣ, монархисты въ Нимѣ, республиканцы въ Ліонѣ. Словомъ, нужно было-бы просвѣтить насъ, какимъ образомъ хаосъ мечтаній и сумасбродствъ сталъ достояніемъ загробнаго населенія. Мы не станемъ продолжать этихъ разсужденій ad absurdo, хотя это и наилучшіе аргументы. Мы сказали достаточно, чтобы оправдать нашу теорію и дать понять, что медіумъ есть ничто иное, какъ безсознательный галюцинатъ, то есть, индивидуумъ, находящійся въ гипнотическомъ состояніи.

Спириты.

Stultorum numerus est infinitus.
(Salomon).

I.

Спириты во Франціи.—Каганэ.—Элифасъ Леви.—Викторъ Геннекенъ.—Черный докторъ. — Жираръ де-Годенбергъ. — Генрихъ Каріонъ.—Баронъ де-Гюльденштуббе и непосредственное писанье духовъ.—Докторъ Тестъ.—Маркизъ де-Мирвиллъ.—Алланъ Кардекъ и его книга о Духахъ.

Чтобы закончить обзоръ чудесъ, послѣдовавшихъ за вертящимися столами, мы бѣгло упомянемъ объ описаніяхъ или работахъ нѣкоторыхъ вѣрующихъ, появившихся приблизительно съ 1855 по 1881 годъ и которыя мы группируемъ подъ названіемъ спиритовъ.

Въ началѣ подобаетъ отвести здѣсь извѣстное мѣсто Каганэ. Этотъ Каганэ—ех-вращатель стульевъ; прозвище, которое онъ принялъ, конечно, для того, чтобы указать сразу, что у него были уже вращенія въ его первоначальной профессіи—прежде всего оспариваетъ у маркиза де-Мирвилля первенство откровеній, очистившихъ путь американскимъ чудесамъ. Сверхъ того, онъ обладаетъ магическимъ зеркаломъ, секретъ котораго открылъ ему самъ Сведенборгъ. Зеркало это состоитъ изъ куска стекла, покрытаго на манеръ наводки слоемъ свинца.

Вотъ какъ, по наставленіямъ Каганэ, слѣдуетъ употреблять это зеркало:

Особу, которая желаетъ увидѣть вора, духъ или мѣстность, вы помѣщаете передъ зеркаломъ, сами становясь по-

зади ея и сильно фиксируя заднюю часть ея головы у затылка; вы должны вызвать духъ громкимъ голосомъ во имя Бога, и такимъ способомъ, чтобы произвести внушительное дѣйствіе на перцепіента.

Малаго не достаетъ, чтобы Каганэ, въ своей наивности, не прибавилъ, что нужно дѣло вести такъ, чтобы внушить перцепіенту, что онъ долженъ видѣть. И когда немного далѣе онъ совѣтуетъ обставлять церемоніи нѣкоторой торжественностью и присоединять даже къ моральному или духовному магнетизму дѣйствіе благовоній, то въ этомъ узнаешь позаимствованіе, сдѣланное у магнетизеровъ Востока, быть можетъ, благодаря отчетамъ графа Лаборда.

Человѣкъ природы—это еще одно изъ названій, которое даетъ себѣ Каганэ, основывая его на признаніи почти горделивомъ, что онъ не получилъ никакого образованія и что онъ не знакомъ съ искусствомъ писать;—ех-вращатель стульевъ, принимая его самый простѣйшій титулъ, имѣетъ въ магіи своей спеціальностью вызываніе мертвыхъ или некроманію. Онъ бесѣдуетъ съ Галилеемъ, посвящающимъ его въ законы физики и астрономіи, съ Франклиномъ, сообщающимъ ему объ изобрѣтеніи электрической машины, съ Гиппократомъ, читающимъ ему курсъ медицины и даже анатоміи, (которую тотъ не зналъ); но главнымъ образомъ съ Сведенборгомъ, который безустанно является къ нему для бесѣдъ о Богѣ, о будущей жизни, о природѣ душъ, о ихъ прежнемъ существованіи и т. п. и т. п. За исключеніемъ откровеній Сведенборга, мы напрасно ищемъ чего-либо новаго въ поученіяхъ, которыя дѣлались Каганэ. Тѣ тайны, которыя насмѣшливыя души Гиппократа, Галилея и Франклина говорили ему на ушко, они уже изложили въ книгахъ, гдѣ Каганэ, какъ и всякій желающій, могъ-бы ихъ найдти, не безпокоя міра безсмертныхъ покойниковъ, такъ что Дипотэ, отводя должное мѣсто Каганэ—человѣку природы, похвалявшемуся обладаніемъ магическаго зеркала, не безъ основанія обвиняетъ его, «что онъ не встрѣтилъ еще того, что отличаетъ геніевъ отъ простыхъ смертныхъ и не подобралъ ни одной изъ тѣхъ истинъ, которыми полно небо». Наконецъ, Каганэ признавался, что лично онъ ничего не видѣлъ

непосредственно не получалъ откровеній отъ духовъ. Поэтому, онъ ни прорицатель, ни пророкъ, ни сонамбула, ни иллюминатъ. Онъ видѣлъ глазами своихъ ясновидящихъ и въ особенности одной изъ нихъ, Адели Мажино, которая выдѣлялась надо всѣми остальными даромъ несравненнаго ясновидѣнія.

При помощи этой женщины-экстатика и даже подъ ея диктовку, Каганэ нагромождалъ томъ за томомъ съ плодовитостью, которая прекрасно поддерживалась и прислуживалась его незнаніемъ искусства писать *).

Не опустимъ сказать, что Каганэ, по крайней мѣрѣ, однажды, получилъ добрую вѣсть съ того свѣта. Это было въ эпоху, когда онъ находился въ сомнѣніи по вопросу о продолженіи изданія своей первой и самой обширной работы. Тогда Сведенборгъ, посредствомъ Адели Мажино, сказалъ ему:— «Вашъ второй томъ «Тайнъ будущей жизни» будетъ напечатанъ, такова воля Бога. Не тревожьтесь, когда придетъ время, вамъ помогутъ».

Обѣщанная помощь дѣйствительно пришла и Каганэ могъ издать свой второй томъ «Тайнъ будущей жизни».

По этому поводу припоминается, что Викторъ Геннекенъ, парижскій адвокатъ, пользовавшійся извѣстной славой, былъ менѣе счастливъ. Душа земли, съ которой онъ вошелъ въ сношеніе при помощи столовъ, продиктовала ему книгу съ повелѣніемъ дать ей заглавіе: «Спасемъ родъ человѣческій» и польстила автора надеждой, что рукопись его будетъ куплена издателемъ за сто тысячъ франковъ наличными. Эпоха предсказанная пророчествомъ пришла... но не появился Делагэ, указанный душей земли издатель.

О книгахъ продиктованныхъ духами, можно сказать, по преимуществу: habent sua fata libelli и судьба этихъ книгъ иногда горестно походила на судьбу ихъ авторовъ: въ то время какъ Каганэ продолжалъ свои элукубраціи, Викторъ Геннекенъ умиралъ въ домѣ умалишенныхъ.

---

*) Вотъ названія нѣкоторыхъ его изданій: Arcanes de la vie future d'evoilés; le sanetuaine du Spiritualisme; la Lumière des morts; les Revlactions d'autre tombe ca Magie magnitique.

Одинъ любитель магіи, не принимающій ея слишкомъ въ серьезъ и даже разсуждающій о ней какъ истинный скептическій философъ, нѣкто Элифасъ Леви *), тѣмъ не менѣе, разсказываетъ, что посредствомъ кабалистичныхъ операцій онъ вызвалъ призракъ Аполлонія Тіанскаго. Но вотъ какъ собственной критикой онъ самъ низводитъ это чудо.

«Могу-ли изъ этого заключить, что дѣйствительно я вызвалъ, видѣлъ и касался великаго Апполонія Тіанскаго? Я не такой галлюцинатъ, чтобы въ это вѣрить и достаточно серьезенъ, чтобы этого не утверждать. Эффекты приготовленій, благовоній, зеркалъ, пантокловъ образуютъ настоящее опьяненіе воображенія, которое должно сильно дѣйствовать на особу впечатлительную и нервную; я не объясняю, вслѣдствіе какого физіологическаго закона я видѣлъ и касался; я лишь утверждаю, что видѣлъ и касался; что я видѣлъ ясно и отчетливо, не въ бреду, и этого достаточно, чтобы увѣровать въ реальное значеніе магическихъ церемоній».

Элифасъ Леви вѣритъ въ астральный свѣтъ, въ живой огонь, въ универсальнаго дѣятеля жизни, въ магнетичный флуидъ, такъ какъ у Леви не меньше прозвищъ, какъ и у прочихъ, для обозначенія тонкаго и невидимаго вещества, которое играетъ главную роль въ этихъ явленіяхъ. Но, чтобы вызвать къ дѣйствію это вещество, онъ приписывалъ магическому искусству, трезубцу Парацельза, тройнымъ числамъ, тайнамъ таро, пантокламъ, словомъ, всѣмъ кабалистическимъ значкамъ такое могущество, на которое вообще магнетизеры обращаютъ мало вниманія и о которыхъ большинство, повидимому, даже не знаетъ. Элифасъ Леви придаетъ большое значеніе формуламъ. Въ концѣ концевъ, онъ утверждаетъ, что мертвые или, правильнѣе, образы мертвыхъ, появляющіеся силой вызыванія, никогда не открываютъ тайнъ загробной жизни. Если эти призраки отвѣчаютъ тѣмъ, кто ихъ спрашиваетъ, то это никогда не совершается голосомъ, который, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ-бы на органъ слуха, но лишь впечатлѣніями, воображаемыми и вполнѣ субъектив-

---

*) Псевдонимъ Альфонса—Людовика Контана

ными; если иногда и кажется прикосновеніе самого призрака — ощущеніе это не доказываетъ присутствія внѣшней причины и должно быть отнесено просто къ воображенію. Элифасъ Леви такъ далекъ отъ вмѣшательства сверхъестественнаго въ совершеніе явленій, производимыхъ имъ, другими очарователями, магиками и магнетизерами, что по его мнѣнію сверхъестественнаго не существуеть, или что оно, по его выраженію, естественное въ экзальтированномъ наблюденіи. Невозможно встрѣтить въ творцѣ чудесъ человѣка болѣе позитивнаго.

Графъ де-Шапари, который тоже въ магнетизмѣ усматриваетъ магію и который, по образцу Элифаса Леви, придаетъ извѣстное значеніе формуламъ, видитъ въ явленіяхъ животнаго магнетизма ничто иное, какъ спиритизмъ. Согласно его взгляду между магнетизеромъ и перцепіентомъ не существуетъ ни одного физическаго воздѣйствія, никакого флуида или другого вещественнаго дѣятеля. Магическое дѣйствіе магнетизированія состоитъ въ дѣйствіи спиритическомъ, скрытомъ подъ физической внѣшностью. Человѣкъ выражаетъ свое спиритическое вліяніе знакомъ, соотвѣтствующимъ тому дѣйствію, которое желаетъ вызвать и дѣйствіе это тѣмъ вѣрнѣй достигается, что люди есть «маленькіе духи, двигающіеся на земной поверхности» и поэтому нѣтъ ничего легче, какъ ввести ихъ въ сношенія другъ съ другомъ и заставить однихъ подѣйствовать на другихъ. Нужно только знать знаки и жесты; но въ этомъ-то и состоитъ наука магіи. Наконецъ, духовное дѣйствіе нисходитъ отъ самого Бога и поэтому ему нельзя положить никакихъ границъ.

Для магнетической магіи, развитой такимъ манеромъ, было не трудно получать откровенія и эти откровенія разрѣшили политическіе и религіозные вопросы съ такимъ же успѣхомъ, какъ пятьдесятъ тысячъ американскихъ треножныхъ столиковъ. Съ того времени, какъ во Франціи духи стали писать и говорить, они часто занимались этого рода откровеніями: то для проповѣди Евангелія и новыхъ конституцій, то для загробнаго утвержденія установившагося порядка въ религіи или политикѣ. Викторъ Ганнекенъ, плачевный конецъ котораго мы приводимъ на память, этотъ аккуратный письмово-

дитель души земли, какъ только окончилъ свою задачу, обратился къ французскому императору и въ письмѣ, обнародованномъ имъ въ 1853 году, восклицалъ: «Спасемъ родъ человѣческій».

«Повелѣніе Бога о сооруженіи храма царства Христова, предсказаннаго Соломономъ, обнаруженное видѣніемъ во Vries, храма, долженствующаго быть воздвигнутымъ въ Парижѣ въ знакъ примиренія людей съ Богомъ». Таково длинное заглавіе рода проекта, появившагося въ 1855 году. Самъ Богъ, повелѣвая соорудить храмъ, далъ чертежи и составилъ смѣту. Этотъ мраморный храмъ долженъ быть воздвигнутъ въ Champs-Elisée въ Парижѣ. Всѣ религіи цѣлаго міра должны придти сюда, слиться въ одномъ исповѣданіи. Авторъ этого проекта представляетъ собой апостола унитаріанизма философской религіи, имѣющей многочисленныхъ послѣдователей въ Америкѣ и Англіи, точно также, какъ Викторъ Ганнекенъ представляетъ собой проповѣдника-соціалиста пошиба Фурье. Авторомъ проекта, о которомъ идетъ рѣчь, былъ Черный докторъ—этотъ воображаемый цѣлитель рака, который послѣ того, какъ заинтересовалъ собой весь Парижъ, потерпѣлъ крушеніе въ 1859 году на скамьѣ подсудимыхъ исправительной полиціи и, удалившись въ Нантъ, умеръ тамъ въ 1880 году въ неизвѣстности.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ ревностнымъ католикамъ, которые вѣрятъ, что будущность ихъ религіи заинтересована вопросомъ о духахъ. Послѣ того, что мы уже говорили о маркизѣ де-Мирвилль, достаточно лишь здѣсь упомянуть о немъ и замѣтку не длиннѣе мы посвятимъ его аколиту, Шевалье Гуино де-Муссо *). На взглядъ этихъ двухъ спиритовъ всѣ духи ни что иное, какъ демоны и всѣ флуиды ихъ пособники. Вращаютъ столы и отвѣчаютъ на вызыванія вѣрующихъ демоны для того, чтобы каждый день дать уразумѣть своими манифестаціями признаки пришествія антихриста и дать почувствовать католической церкви настоятельную необходимость употребить въ дѣло свои заклинанія.

---

*) Moeur et pratiques des demons ou des Esprits visiteurs d'après les autorites de l'Eglios, les auteurs payens, les faites contemporain etc. vol, in—18. Paris, 1854.

Другіе спириты не видятъ вещи въ такомъ мрачномъ свѣтѣ. Не только они допускаютъ, что откровенія духовъ могутъ быть очень невинными, но увѣряютъ, что порой они бывали для нихъ поучительны въ ихъ католической вѣрѣ и считаютъ ихъ способными привести къ самымъ чудеснымъ обращеніямъ въ нашъ вѣкъ испорченности и невѣрія. Между этими набожными людьми бывали люди просвѣщенные и весьма почтенные. Таковъ былъ, напримѣръ, Жираръ де-Годенбергъ, нѣкогда инженеръ путей сообщенія, человѣкъ положительный по своему образованію, хорошо знакомый съ механикой, словомъ, настоящій ученый, который въ теченіи болѣе пятидесяти лѣтъ своей жизни занимался лишь практическими работами инженернаго искусства.

Жираръ де-Годенбергъ, котораго мы знали въ Парижѣ, когда онъ велъ ученый отдѣлъ журнала «l'Assemblée national», въ концѣ своей карьеры удалился въ Дижонъ. Въ досугахъ, которое доставляло ему это убѣжище, онъ предался спиритизму. Въ 1858 году, немного времени спустя послѣ выхода въ свѣтъ книги, о которой мы будемъ сейчасъ говорить, онъ умеръ, какъ и многіе другіе, жертвой печальной страсти къ вертящимся столамъ.

Въ изданной имъ книгѣ *), Жираръ де-Годенбергъ разсказываетъ, что въ началѣ испробовавъ, какъ и всѣ, заставить вращаться столы и, получивъ лишь незначительные результаты, онъ усумнился въ ихъ значеніи и добивался увидѣть что нибудь болѣе характерное. Рекомендація одного пріятеля доставила ему возможность быть допущеннымъ въ одно собраніе, гдѣ обнаруживались явленія чрезвычайно необыкновенныя и тамъ онъ имѣлъ возможность признать въ томъ, что забавляло парижскіе салоны, причину сверхъестественную, могущую стать страшной.

«Я былъ совершенно неизвѣстенъ,—говоритъ онъ,—тѣмъ людямъ, у которыхъ я находился; они едва знали мое имя; къ тому же, они сами изучали явленія, какъ и я, и поэтому имъ

---

*) Le monde spirituel ou Science chretienne de comminique intimoment avec les puissance celestes et les âmes herenores 1 vol, in—18, Paris, 1857.

въ голову не могла придти мысль поддѣлывать явленія, еслибы даже могли. Итакъ, я послѣдовательно предложилъ столу вопросы, на которые всѣ получились вполнѣ точные отвѣты: Сколько у меня дѣтей? Сколько мальчиковъ? Сколько женатыхъ? Сколько каждый изъ нихъ имѣетъ дѣтей? Въ какомъ возрастѣ умерла та особа, о которой я думаю?

«Затѣмъ я сдѣлалъ слѣдующіе вопросы и на отвѣты обращаю вниманіе всѣхъ, кто ищетъ безъ предвзятой идеи объясненія этихъ явленій: Что было причиной смерти моего отца? Столъ продиктовалъ огонь. Дѣйствительно мой отецъ сгорѣлъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Очевидно, отвѣтъ не могъ быть прочтенъ въ моихъ мысляхъ вполнѣ готовымъ; мѣткій выборъ слова и слова самого кратчайшаго, которое можно было употребить, конечно, былъ сдѣланъ не моимъ духомъ, а инымъ.

«Вскорѣ и не однократно я пробовалъ предоставлять столу инниціативу, прося его лишь сказать мнѣ что-нибудь. Однажды, по этому приглашенію онъ отвѣтилъ, диктуя намъ слѣдующіе, непонятные для насъ, четыре слова: Cap, sol, blepax, inogdie; всѣ буквы продиктованы были по порядку и общее казалось чистѣйшей галиматьей. Госпожа П. (главный медіумъ собранія) полагала, что духи насмѣхаются надъ нами; впослѣдствіи слова эти были растолкованы самимъ столомъ. Мнѣ предоставлено было спросить столъ: на какомъ языкѣ онъ съ нами объясняется, и онъ отвѣтилъ: по славянски, что крайне изумило медіума, который никогда не слышалъ о существованіи такого языка. Духъ (потому что болѣе не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія о его очевидной инниціативѣ) долженъ былъ дать намъ переводъ и онъ далъ его въ выраженіяхъ священныхъ; какъ я узналъ впослѣдствіи, переводъ былъ чрезвычайно вольнымъ, и такъ какъ онъ имѣетъ особое политическое значеніе, я его здѣсь не приведу; на томъ же основаніи я не считаю возможнымъ разглашать буквальный смыслъ словъ, заключающихъ въ себѣ пророчество, за совершенное выполненіе котораго я не ручаюсь, но которое можетъ дать поводъ къ различнымъ и досаднымъ толкованіямъ.

Духъ этого стола присвоивалъ себѣ имя Кекла; онъ былъ

женскаго рода и на вопросъ, который сдѣлалъ я первый, онъ отнесъ свою смерть къ годамъ четырнадцатаго столѣтія. Признаю нужнымъ настойчиво указывать на это очевидное доказательство инициативы, заключающееся въ этихъ именахъ, большею частью въ этихъ довольно причудливыхъ годахъ, которые приписывают себѣ духи и надъ которыми они такъ подтруниваютъ, такъ же какъ и надъ различными обстоятельствами своей земной жизни. Нельзя, не впадая въ абсурдъ, утверждать, что все это было заготовлено раньше въ головѣ медіума.

Однако изъ другихъ опытовъ, разсказываемыхъ Жираромъ де-Годенбергомъ, явствуетъ, что отвѣты духовъ могутъ находиться подъ вліяніемъ мыслей медіума и даже могутъ вслѣдствіе этого уклоняться отъ истины. Собрались у госпожи Б., другого энергическаго медіума, которая занималась магнетизмомъ и магіей за долго передъ тѣмъ, какъ возникъ вопросъ объ американскихъ проявленіяхъ.

«Всѣ духи, вызываемые въ этотъ домъ,—говоритъ онъ,—какъ мнѣ казалось, заражались невольными ошибками тѣхъ, кто засѣдалъ; сами же участники были вѣрующими и добросовѣстными. Госпожа Б., повидимому, составляла свой личный взглядъ по вопросамъ, которые ставились и, такимъ образомъ, вліяла на отвѣты стола. Я испыталъ это на своемъ возрастѣ, онъ ошибался два раза и когда я сообщилъ объ этомъ госпожѣ Б., она замѣтила, чтобы извинить непогрѣшимость своего оракула, что я не кажусь такихъ лѣтъ. Она этимъ выдала, что это было ея собственное мнѣніе, принятое столомъ. Нужно замѣтить, что когда эта причина ошибки была устранена, оракулъ отвѣчалъ вѣрно. Когда я спросилъ годъ смерти одной особы, которую я не зналъ, число ударовъ оказалось вѣрнымъ и для дроби года столикъ прибавилъ даже легенькій ударъ».

Жираръ де-Годенбергъ, будучи тѣмъ не менѣе лишь въ половину удовлетвореннымъ вульгарнымъ способомъ сообщенія съ духами при посредствѣ столовъ, искалъ способъ болѣе вѣрный, менѣе сомнительный, который, устраняя всѣ случайности ошибокъ, не представлялъ-бы ни малѣйшаго сомнѣнія о дѣйствительномъ существованіи вызываемыхъ душъ. Спо-

собъ этотъ найденъ имъ былъ въ книгѣ *), изданной Генрихомъ Каріонъ, главнымъ редакторомъ журнала въ Камбрэ и къ тому добрымъ католикъ, какъ это мы увидимъ ниже.

Указаный Генрихомъ Каріонь способъ вызыванія духовъ не нуждается ни въ какомъ аппаратѣ. Онъ заключается въ томъ, чтобы мысленно позвать душу съ которой желають совѣщаться и «отдать ей въ распоряженіе свою руку, вооруженную карандашемъ, а еще лучше перомъ».

Это способъ, о которомъ мы уже говорили: способъ въ настоящее время исключительно практикуемый. Однако Жираръ де-Годенбергъ призналъ нужнымъ его усовершенствовать и считаетъ долгомъ извѣстить насъ, что «этотъ родъ вызова составляетъ науку, для которой движеніе словъ было лишь прологомъ».

Что касается успѣховъ, полученныхъ лично Жираромъ де-Годенбергъ, о нихъ можно судить по нѣсколькимъ опытамъ, въ которыхъ мы увидимъ его за работой.

«Сначала,—говоритъ онъ намъ,—я предоставляю перо, ни разу не взглядывая на него, сверхъестественному импульсу; но я согласенъ что это служитъ слабой гарантіей пассивнаго отношенія моей воли или моей мысли въ писаніи; знаменательнѣе то, что почеркъ не имѣетъ характера моихъ писаній. Болѣе того, значительное число писаній, существенно отличающихся другъ отъ друга, вышли, такимъ образомъ, изъ подъ моего пера, смотря по тѣмъ духамъ которыхъ я разспрашивалъ. Я ставлю эту особенность и эту разницу въ характерѣ письма какъ доказательство, что писаніе производится абсолютно безъ всякаго моего активнаго вмѣшательста. Доказательство это подкрѣпляется тѣмъ, что подписи съ росчерками вызванныхъ духовъ признаются ихъ родственниками или друзьями. Первая полученная мною подпись была отцовская; подпись сложная вслѣдствіе иниціаловъ трехъ его именъ и которой я тщетно пытался подражать; она появилась у меня подъ рукой сразу и когда впослѣдствіи сестра моя сравнивала съ тѣми, которыя онъ сдѣлалъ при жизни на бумагахъ, сохранившихся у сестры—она нашла ея схожей. Вотъ

*) Lettres sur l'evocation des esprits.

по этому предмету обстоятельство еще болѣе поразительное: одна особа изъ семейства знаменитаго Араго, къ которой онъ особенно былъ привязанъ, пожелала, чтобы я вызвалъ его душу. Это я сдѣлалъ въ ея присутствіи, и для подписи моя рука была увлечена съ значительной быстротой; имя съ замѣчательнымъ росчеркомъ было воспроизведено съ такимъ сходствомъ, что члены семьи, которымъ ее показывали, всѣ признали привычную подпись ученаго.

Покойный уважаемый генералъ Вагнеръ, имѣвшій склонность къ чудесному, предложилъ мнѣ произвести у него въ домѣ нѣсколько вызововъ, на что я охотно согласился (теперь-бы я этого не сдѣлалъ). Прежде всего онъ попросилъ меня вызвать душу его первой жены; такъ какъ я былъ еще практикантомъ, то просилъ его не говорить мнѣ ея имени, котораго я не зналъ. И вотъ рука превосходно начертала это неизвѣстное мнѣ имя и ея подпись».

«Большой помѣхой при вызовѣ духовъ для писанья,—прибавляетъ Жираръ де-Годенбергъ,—служитъ то, что медіумъ произвольно или невольно вмѣшивается съ моей личной мыслью и отвѣчаетъ вмѣсто спрашиваемой души. Можетъ также случиться, причиняя ошибки болѣе серьезныя и труднѣе предупреждаемыя, что вмѣсто вызваннаго духа появляется духъ проказливый или злонамѣренный и отвѣчаетъ за вызваннаго, стараясь подражать его почерку. Нужно постоянно опасаться быть одураченнымъ этого рода подделкой, какъ кажется очень обычной въ мірѣ духовъ». По этому поводу вотъ предостереженіе, которое какъ извѣщаетъ Жираръ де-Годенбергъ далъ ему одинъ прекрасный духъ. «Языкъ мой, но часто рѣчь принадлежитъ другому и не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія». Языкъ замѣщаетъ здѣсь слово почеркъ, такъ какъ отъ Годенберга мы узнаемъ, что когда духи пишутъ то, повидимому, считаютъ, что говорятъ; такимъ образомъ фраза эта должна быть переведена такъ:—Почеркъ принадлежитъ мнѣ, но часто слова принадлежатъ другому и не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія». Въ настоящее время, когда, благодаря оракулу Жирара де-Годенберга, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію фактъ вѣроломства въ нравахъ и обычаяхъ духовъ, хорошо было-бы узнать примѣры

этого коварства, чтобы при надобности можно было-бы уличить посредствомъ очной ставки. Но Жираръ де-Годенбергъ не даетъ никакого вѣрнаго рецепта на этотъ счетъ. Повѣсничество этихъ духовъ-мистификаторовъ таково, что самъ онъ, не смотря на всю свою опытность, часто попадался.

Это оттого, что у духовъ поддѣлку почерка труднѣе открыть, чѣмъ у простыхъ смертныхъ.

О подложности духовнаго завѣщанія заключаютъ, помимо почерка и подписи, еще и по отсутствію обычнаго стиля. Но между духами не существуетъ характера стиля. Способъ писанія, свойственный имъ всѣмъ, отличается злоупотребленіемъ четырехъ нарѣчій: положительно, сильно, конечно, всенепремѣнно, которые повторяются почти въ каждой фразѣ. Первому изъ нихъ предшествуютъ обыкновенно односложныя да или нѣтъ. Притомъ вездѣ та же система затрудняющей перестановки словъ, неправильныхъ оборотовъ, выраженій, уклоняющаяся отъ естественнаго смысла фразъ съ натянутыми аллегоріями словъ, жестоко исковерканныхъ то съ начала, то съ конца. Когда духи желаютъ энергичнѣе подчеркнуть какую нибудь мысль, то, за недостаткомъ нужныхъ выраженій, они обнаруживаютъ свое намѣреніе, придавая словамъ сказочные размѣры. Иногда,—говоритъ Каганэ,—въ длину цѣлой страницы тянется одно изъ такихъ словъ; чтобы его написать, рука увлекается далѣе и далѣе и невозможно предвидѣть, гдѣ она остановится. Удивительно, какъ существа, которымъ было-бы легко объясняться на всѣхъ языкахъ, пренебрегаютъ выучиться говорить и на одномъ порядочно.

Злой духъ, которому доставляло удовольствіе мучить Жираръ де-Годенберга, носилъ имя Tessement. Это былъ демонъ высокопоставленный въ адской іерархіи. Мы увидимъ его продѣлки въ нижеслѣдующемъ разоблаченіи.

«Но я не могу понять какъ это вы настолько подчинены духу тьмы?

— Чтобы понять, нужно знать, что Tessement помощникъ сатаны, что онъ обладаетъ такимъ же лукавствомъ, такой же силой».

Такимъ образомъ то, что мы называемъ на языкѣ юрис-

товъ подложное предъявленное лицомъ, имѣетъ свою аналогію въ мірѣ духовномъ: это подложное, предъявленное духомъ.

Мы не станемъ продолжать этихъ выписокъ изъ работы Жирара де-Годенберга. Когда вспомнишь, что спиритъ этотъ былъ ученымъ, который даже съ полной ясностью пользовался всей суммой своихъ знаній, когда ему приходилось бороться съ системой флуидистовъ,—разводишь руки отъ удивленія.

Искренность Жирара де-Годенбергъ не подлежитъ ни малѣйшему подозрѣнію; но когда онъ намъ говоритъ, какъ объ условіи необходимомъ, чтобы войти въ разговоръ о полной пассивности своей воли, мы не можемъ не признать въ этомъ существенную особенность гипнотическаго состоянія и не констатировать, что Жираръ де-Годенбергъ галлюцинировалъ въ этомъ состояніи. Если въ то время, когда онъ исполнялъ свою роль медіума, онъ получалъ отвѣты, отчетливо написанные перомъ, которому онъ предоставлялъ писать самопроизвольно,— это потому, что перо ходило по бумагѣ не само собой, а управлялъ имъ онъ же безсознательно. Субъектъ, находящійся въ гипнозѣ, почти во снѣ, есть тотъ же сонамбула. Оба они обладаютъ временно ненормальными способностями; одинъ въ бодствующемъ состояніи, другой во снѣ совершаютъ вещи, которыя были-бы для нихъ невозможны въ состояніи обыкновенномъ,—и прійдя въ себя, оба они теряютъ воспоминаніе о томъ, что дѣлали или говорили въ продолженіи этого необыкновеннаго состоянія ихъ организма.

Изъ числа этихъ новѣйшихъ кудесниковъ баронъ де Гюльденштуббе произвелъ извѣстную сенсацію не среди общества, а въ кружкѣ спиритовъ, благодаря своему воображаемому открытію прямаго, непосредственнаго писанія духовъ. Землякъ Сведенборга, г. Гюльденштуббе пожелалъ ввести послѣднее усовершенствованіе въ чудеса, совершаемыя вызываемыми духами. При немъ матеріальное вмѣшательство медіума становилось излишнимъ для полученія откровеній высшихъ существъ или знаменитыхъ покойниковъ. Онъ увѣрялъ, что сами вызванные чертятъ обычнымъ образомъ отвѣты на тѣ вопросы, которые имъ предлагаютъ.

Гюльденштуббе выпустилъ въ свѣтъ въ 1857 году специальное сочиненіе объ этихъ явленіяхъ *).

Гюльденштуббе былъ очень жаркимъ и очень убѣжденнымъ спиритомъ, а сестра его, дѣвица Гольденштуббе—медіумомъ. Мы едва бы сочли нужнымъ упоминать о его странной претензіи касательно прямаго письма духовъ, если бы не встрѣчали многихъ спиритовъ, вѣрующихъ въ это нелѣпое чудо. Это поощряетъ насъ воспроизвести здѣсь одинъ отрывокъ изъ книги A. Morin, пожелавшаго просвѣтиться по поводу этого феномена. Такимъ образомъ A. Morin могъ лично узнать, что здѣсь дѣло идетъ о новомъ случаѣ тѣхъ безсознательныхъ актовъ, которые совершаются медіумами, когда они находятся въ гипнозѣ, въ томъ видѣ нервнаго сна, того мечтанья на яву, которымъ мы считаемъ возможнымъ объяснить всѣ явленія якобы сверхъестественныя, которыя мы привели въ настоящемъ томѣ.

Вотъ то, что говоритъ намъ по поводу прямаго писанія духовъ A. Morin, бывшій свидѣтелемъ и участникомъ того, что онъ разсказываетъ. «Въ 1856 году, – говоритъ Morin,— я услышалъ о непосредственномъ писаніи духовъ, полученномъ барономъ де-Гюльденштуббе. Вотъ его способъ производства: онъ помѣщаетъ листы чистой бумаги подъ цоколи статуй или подъ надгробные камни; нѣсколько времени спустя онъ вынимаетъ эти бумаги, гдѣ оказывается писаніе, не принадлежащее рукѣ какого-нибудь человѣка и приписываемое тѣмъ особамъ, которымъ посвящены эти монументы. Пожелавъ быть свидѣтелемъ такого необыкновеннаго феномена, я попросилъ барона допустить меня въ какой-нибудь изъ сеансовъ. Онъ охотно согласился и назначилъ мнѣ свиданіе въ Луврѣ, въ галлереѣ нижняго этажа. Онъ показалъ мнѣ писанія, полученныя имъ отъ различныхъ особъ и бывшихъ писанными по-гречески, по-латыни и на многихъ другихъ языкахъ. Принялись за дѣло. Я принесъ тетрадь бѣлой бумаги. Отдѣльные листы помѣстили подъ разные монументы;

---

*) La realités des esprits et le phenomène merveilleux de leu, ecriture directe demontré par le baron L. de Guldensttubbé vol. in 8. Paris, 1857.

потомъ мы перешли въ сосѣднюю залу, гдѣ сдѣлали то же и такъ далѣе, такъ что, когда мы обошли всѣ залы нижняго этажа, мы добрались до нашего начальнаго пункта. Прежде чѣмъ продолжать, я сдѣлалъ замѣчаніе, что этотъ способъ дѣйствій былъ не безъ недостатковъ, такъ какъ во время нашего обхода могло бы случиться, что кто нибудь вынулъ бумаги и, пользуясь нашимъ отсутствіемъ, исписалъ бы ихъ и потомъ положилъ на мѣсто; что для большей гарантіи нужно было бы положить одинъ листъ и не терять его изъ вида. Инициаторъ отвѣтилъ мнѣ, что для увеличенія шансовъ на отвѣтъ нужно обращаться къ большему числу духовъ. Но мое возраженіе не утратило своей силы. Послѣ того, какъ нашъ запасъ былъ истощенъ, мы послѣдовательно вынимали листы, которые нашли въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ихъ положили. Баронъ замѣтилъ, что такъ какъ я впервые участвую при этомъ опытѣ, то не удивительно, что мое присутствіе увеличило трудность и что для успѣха нужно нѣсколько сеансовъ. Я отвѣтилъ, что готовъ слѣдить за опытами, какъ бы многочисленны они ни были и что я посвящу имъ всю желаемую настойчивость. На другой день мы начали съизнова тѣмъ же способомъ; на этотъ разъ одинъ изъ листовъ носилъ на себѣ слѣды письма карандашемъ; это были двѣ прямыя черточки, образовавшія уголъ около 180°. Баронъ увѣрялъ, что результатъ этотъ, хотя и менѣе значительный тѣхъ, которые онъ обыкновенно получаетъ, былъ лишь пробный и что двѣ черты карандашемъ, начертанныя безъ участія зримаго агента, доказывало участіе духовъ такъ же хорошо, какъ и длинный разговоръ. Этотъ доводъ былъ бы основательнымъ, если бы бумага находилась постоянно на нашихъ глазахъ; но послѣ того, какъ мы ее положили, прошло около часу, въ теченіе котораго мы прошли всѣ залы и было бы вещью очень легкой кому-нибудь начертить на бумагѣ все, что ему вздумается. При наилучшемъ желаніи, въ этомъ нельзя было усмотрѣть ничего чудеснаго, — ничего, что давало бы право приписывать это дѣло духамъ.

Я предложилъ новые сеансы и такъ какъ баронъ увѣрялъ меня, что когда онъ бывалъ съ сестрой, то получалъ болѣе замѣчательные результаты, я попросилъ его испросить у ду-

ховъ указаній о наилучшемъ способѣ сдѣлать меня свидѣтелемъ какихъ-нибудь знаменательныхъ явленій. Онъ отвѣтилъ, что уполномоченъ извѣстить меня, что завтра получится прямое писаніе духа Паскаля и назначилъ мнѣ свиданіе у гробницы этого великаго человѣка, въ церкви Saint-Etienne-du-Mont. Я аккуратно прибылъ на свиданіе; но мой чернокнижникъ не явился. Прождавъ напрасно цѣлый часъ и разсчитывая на слово Паскаля, я самъ положилъ бумагу подъ надгробный камень; я прождалъ полчаса, устремивъ глаза на памятникъ, затѣмъ извлекъ бумагу... и нашелъ ее дѣвственно чистой. Однимъ разочарованіемъ больше; нужно къ этому привыкать, когда имѣешь дѣло съ кудесниками.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этихъ неудавшихся опытовъ, Гюльденштуббе издалъ свою книгу, озаглавленную: «Реальность духовъ и удивительное явленіе ихъ непосредственнаго писанія, доказанное барономъ де-Гюльденштуббе». Онъ даетъ факсимиле массы писаній, полученныхъ разсказаннымъ способомъ. Въ предисловіи я замѣтилъ слѣдующее мѣсто. «Открытіе прямого сверхъестественнаго письма тѣмъ драгоцѣннѣе, что оно можетъ быть доказано повторными опытами, по волѣ автора, въ присутствіи невѣрующихъ, которые должны сами доставить бумагу». Читая подобное предложеніе, какъ не повѣрить, что каждому стоитъ только явиться, чтобы быть свидѣтелемъ феномена? Какъ не позавидовать счастію избраннаго города, гдѣ такія великія чудеса къ услугамъ каждаго? Принявъ въ серьезъ слово автора, я ему написалъ, напоминая наши прерванные опыты и спросилъ, не пожелаетъ ли онъ, согласно приглашенію, съ которымъ обратился къ публикѣ, удостоить меня нѣсколькими манифитаціями. Онъ отвѣчалъ, что получилъ болѣе двухсотъ подобныхъ моему предложеній, что ему не возможно показывать феноменъ каждому и что впредь нужно удовольствоваться свидѣтельствомъ двухсотъ пятидесяти лицъ, которыхъ показанія были отпечатаны... Это понятный дворъ. Когда обѣщаютъ повторить опыты по желанію предъ невѣрующими, нельзя отдѣлываться ссылкой на показанія.

«...Къ тому же мы не знаемъ, о какихъ показаніяхъ желалъ сказать Гюльденштуббе; книга его не содержитъ никакихъ

онъ поименовываетъ съ дюжину особъ, какъ присутствовавшихъ на его сеансахъ, но онъ не даетъ отзывовъ, удостовѣренныхъ ими. Достаточно, чтобы эти особы присутствовали на какомъ-нибудь опытѣ, чтобы они не считали умѣстнымъ протестовать. Мы доподлинно не знаемъ ни того, что они видѣли, ни того способа, какимъ предъ ними оперировали. Если, напримѣръ, они были свидѣтелями полученія письменъ, такъ какъ я былъ признанъ свидѣтелемъ полученія двухъ черточекъ карандашемъ,—ихъ свидѣтельство ничему насъ не научитъ и все, что дѣлалось въ такихъ условіяхъ, не имѣетъ ни малѣйшей цѣны. Пусть намъ предъявятъ показанія, констатирующія, что бумаги находились подъ непрерывнымъ надзоромъ операторовъ. Но подобныя аттестаціи заставятъ себя еще долго ждать и, во всякомъ случаѣ, они не освобождали бы отъ воспроизведенія явленій, которыми похваляются и которыхъ никогда не могли получить тѣ, кто этого добивался.

Поэтому, непосредственное писаніе духовъ есть не болѣе, какъ мистификація въ духѣ Charivari, который не безъ основанія забавлялъ этимъ своихъ читателей».

Я былъ знакомъ съ семьей Гюльденштуббе въ Парижѣ, въ 1860 году. Они жили на улицѣ Chemin de Versailles (теперь улица Галилея) и занимали маленькую комнатку въ одномъ изъ бѣдныхъ домовъ, существующемъ еще понынѣ. Я былъ введенъ къ нимъ однимъ изъ моихъ пріятелей, инженеромъ Тесье дю-Мотэ (ум. въ 1880 году), который тогда предался спиритизму, какъ Жираръ де-Годенбергъ и другіе, благоразумно излѣчившіеся теперь отъ этого извращенія разсудка.

Баронъ Гюльденштюббе и его сестра, по правдѣ говоря, были два честныхъ маніака. Когда я познакомился съ ними, у нихъ была диковинная идея заставлять писать духовъ въ подземельяхъ церкви Saint-Denis. Они клали листикъ подъ статую одного изъ нашихъ королей и удалялись. По прошествіи получаса подъ тѣмъ же пьедесталомъ оказывался листикъ, который почитался прямымъ отвѣтомъ духа.

«Нужно это видѣть, чтобы увѣровать», — говорила мнѣ барышня-спиритка. Не смотря на все желаніе лично удостовѣриться о всѣхъ фактахъ, о которыхъ я говорилъ въ этомъ

трудѣ—я не пожелалъ ни вѣрить, ни идти смотрѣть въ подземельяхъ Saint-Denis — маленькое загробное почтовое отдѣленіе.

Другой спиратъ, котораго нужно отнести къ школѣ тѣхъ, которыхъ мы назвали магнетизерами-мистиками и который равнымъ образомъ могъ бы занять мѣсто на ряду съ Филипсомъ, какъ производившій эффекты электро-біологіи,—это докторъ Тестъ; опыты его состоятъ то въ полнѣйшей незримости замагнетизированныхъ особъ или предметовъ, то въ кажущемся превращеніи питательныхъ веществъ до такой степени, напримѣръ, что тѣмъ, кто выпивалъ стаканъ воды, казалось, что онъ пилъ оршадъ; тѣмъ, кто держалъ пустую чашку, что они ѣдятъ ананасное мороженое; то въ воображаемомъ устраненіи нѣсколькихъ ступенекъ лѣстницы, устраненіи, препятствовавшимъ несчастнымъ сонамбуламъ сходить ниже, то въ установкѣ воображаемыхъ препятствій, которыя онъ запрещалъ переступать и по поводу которыхъ они жаловались, что они надавливаютъ имъ животъ.

Де-Мирвилль (мы не желаемъ здѣсь распространяться объ его самой необыкновенной исторіи, именно, о переносѣ по воздуху одной особы, совершенномъ въ ясный день у воротъ Парижа его знакомымъ медіумомъ—чудо, которое видѣли лишь избранники, среди которыхъ переносимый свалился) де-Мирвилль взялъ на себя опубликованіе и гарантіи другого чуда, извлеченнаго изъ имѣющагося у него манускрипта «святаго и достопочтеннаго священника, долго бывшаго профессоромъ философіи у іезуитовъ, на котораго они смотрѣли въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, какъ на наиболѣе мудраго и опытнаго теолога». Этотъ іезуитъ-священникъ, не поименованный, но, какъ мы видѣли, очень расхваливаемый, записалъ въ свою рукопись два опыта, повѣствованіе о которыхъ идетъ ниже.

«Однажды мы пожелали доказать нѣсколькимъ священникамъ, а въ особенности одному магнетизеру, что флуидъ, исключительнымъ обладателемъ котораго онъ себя считалъ, будетъ повиноваться другимъ приказаніямъ; что имъ умышленно овладѣютъ и предложатъ повиноваться наперекоръ сомнамбулѣ и его господину. Какъ же за него принялись? Въ это время при немъ находилось полотнище занавѣси съ кольцами;

неожиданно для двухъ своихъ магиковъ, онъ встаетъ и безсознательно сильно сжимаетъ кольца обѣими руками; затѣмъ, въ то мгновеніе, когда меньше всего можно было этого ожидать, по простому желанію, не смотря на всѣ его усилія, кольца у него съ силой вырваны и отброшены въ другой конецъ комнаты. Выражается другое желаніе и кресло начинаетъ вертѣться, катиться само собой по полу и пробѣгать комнату, къ крайнему ошеломленію свидѣтелей сомнамбулы и особенно самаго магнетизера, который вдругъ узрѣлъ себя лишеннымъ своего флуида и теоріи, которой гордился и лишеннымъ кѣмъ же?—профаномъ, философомъ, враждебнымъ магнетизму, который даже не входилъ въ сношеніе съ нимъ и который впослѣдствіи не находилъ въ себѣ ни малѣйшаго магнетическаго могущества».

Вотъ впервые магнетическій флуидъ,—по увѣренію Мирвилля—всегда пускаемый въ ходъ діаволомъ, явился къ услугамъ іезуита. Не желаетъ-ли господинъ маркизъ дать намъ этимъ понять, что діаволъ и іезуитъ одно и то же? Но нѣтъ, когда Мирвилль говоритъ объ іезуитахъ, онъ слишкомъ серьезенъ для эпиграммы.

Наконецъ, желая избѣжать укора, что своихъ авторитетовъ онъ избираетъ изъ среды медіудовъ и анонимныхъ іезуитовъ, нашъ авторъ рѣшился дать намъ чудо на свой ладъ.

«Быть можетъ,—говоритъ онъ,—мы встрѣтимъ менѣе затрудненій, удостовѣривъ васъ, что сами мы простымъ знакомъ, который мы пересылаемъ магнетизеру, дѣлаемъ его сомнамбулѣ, по своему произволу, или безконечно легкимъ, или подавляющимъ своей тяжестью, заставляемъ его двигаться или останавливаться; или, еще разъ утверждаемъ, по простому нашему знаку магнетезеру, находящемуся въ другомъ концѣ комнаты, та сомнамбула, глаза которой плотно завязаны, поддается неудержимому стремленію къ намъ же и, повинуясь новому желанію, сразу становится такъ прикованной къ полу, что если нагнать ее совсѣмъ горизонтально—такъ чтобы пола касались лишь подошвы,—всѣ наши усилія (а насъ было четверо) не могли сдвинуть ни на одну линію. «Если вы припряжете еще шестерку ло-

шадей,—сказалъ намъ магнетизеръ,—и тогда вы не сдвинете ее далѣе». Труденъ только первый шагъ. Наконецъ, опять-таки по нашему желанію, мы дѣлали ее или совершенно глухой, или совершенно слѣпой или вполнѣ безчувственной».

Лавры Мирвилля безпокоили сонъ не одного адепта. Мѣсто его, которому долго завидовали, было восхищено Аланомъ Кардекъ. Аланъ Кардекъ (имя фантастическое) сталъ къ 1856 г. главой секты спиритовъ, свергнувъ съ трона маркиза де-Мирвилль. Онъ былъ первосвященникомъ спиритизма. Въ самомъ дѣлѣ, Аланъ Кардекъ не ограничивался пропагандированіемъ доктрины перомъ, своими сочиненіями и своимъ Revue spirite, онъ затемнялъ стараго главу спиритизма и силой устнаго поученія. Въ своихъ конференціяхъ, бывавшихъ черезъ каждыя двѣ недѣли, Аланъ Кардекъ регулярно проповѣдывалъ оправилахъ искусства,—и собравшіеся, которымъ не дозволялось входить въ пренія съ своимъ менторомъ, слушали его съ религіознымъ почтеніемъ.

Аланъ Кардекъ обнародовалъ въ 1860 году второе изданіе своей Livre des esprits, истинный манифестъ французскаго спиритизма, имѣвшій задачей продолжать дѣло маркиза де-Мирвилль, издавшаго въ 1854 году сочиненіе почти того же заглавія, пользовавшееся такимъ громаднымъ успѣхомъ.

Говорятъ, что Livre des esprits Аллана Кардекъ, была продана въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ.

Работа эта заключаетъ въ себѣ изложеніе спиритической философіи. Какъ указываетъ пояснительное объясненіе къ заглавію, она развиваетъ принципы ученія о безсмертіи души, о натурѣ духовъ и ихъ сношеніяхъ съ людьми, законы нравственности о жизни настоящей, жизни будущей и о будущности человѣчества.

Вы узнаете, что это произведеніе—по откровенію; дѣйствительно, авторъ объявляетъ, что принципы, помѣщенные въ его книгѣ, суть «послѣдствія—то отвѣтовъ, данныхъ духами на прямые вопросы, бывшіе имъ предложенными въ разныя эпохи черезъ посредство значительнаго числа медіумовъ, то инструкцій, данныхъ ими самопроизвольно автору или дру-

гимъ лицамъ, по предметамъ, въ книгѣ находящимся. Все это было расположено по такому плану, чтобы представить цѣлое правильное и методическое и было выпущено въ свѣтъ послѣ внимательнаго и неоднократнаго просмотра самыми духами. Это второе изданіе было съ ихъ стороны предметомъ новаго и детальнаго разсмотрѣнія.

Итакъ духи не только сочинили эту книгу, но даже были ея корректорами.

Работа эта не выдаетъ собой, однако, внушенія свыше. Это произведеніе банальной метафизики, помѣщенной подъ эгидой и ярлыкомъ духовъ. Философія ея отсталая; нравстенность — усыпляющая.

Алланъ Кардекъ умеръ въ 1876 году; его вдова продолжаетъ его коммерцію.

Явленія, обнаружившіяся въ опытахъ де-Мирвилля, доктора Теста и нѣкоторыхъ другихъ, по нашему мнѣнію, входятъ въ область того гипнотизма, или того открытаго въ 1841 году Бредомъ нервнаго сна, который, отплывъ изъ Англіи, переплылъ моря, чтобы разцвѣсть въ Америкѣ и окончательно возвратиться въ Европу переряженнымъ въ разныя имена, оставаясь тѣмъ же, не смотря на самую дивную разницу въ именахъ и судьбѣ. Гипнозъ, послужившій намъ объясненіемъ явленія вращенія столовъ, доставитъ намъ еще физическую разгадку экстаза медіумовъ. Это будетъ развито въ слѣдующей главѣ.

II.

Юмъ и его кудесничества.—Мемуары Юма.—Братья Давенпортъ; ихъ разоблаченная махинація. — Спиритическая фотографія. Бюгэ, его осужденіе.—Физіологическое объясненіе спиритизма.—Сводъ и общее заключеніе настоящаго труда.

Приступая къ продолженію исторіи всѣхъ великихъ дѣяній спиритизма, мы обратили вниманіе, что еще не упомянули о Юмѣ, надѣлавшемъ столько шума въ столичныхъ салонахъ и особенно въ парижской прессѣ въ теченіи двухъ зимъ 1857 и 1858 годовъ. Въ журналѣ La Patrie, въ еженедѣльномъ обозрѣніи, которое онъ одно время посвящалъ оккультивнымъ наукамъ, только и рѣчи было, что о

Юмѣ. Отдѣлъ хроники большихъ журналовъ былъ тоже переполненъ поразительными исторіями о знаменитомъ чародѣѣ, явившемся изъ Шотландіи—страны ясновидѣнія. Каждый день приводились новые разсказы о его дѣяніяхъ. У князя X. на одномъ изъ его вечеровъ, который Юмъ почтилъ своимъ присутствіемъ, люстра отцѣпилась отъ своего крючка и, прогулявшись по воздуху по всей залѣ, сама собою возвратилась на мѣсто и привѣсилась. У герцогини трехъ звѣздочекъ, столы и стулья поднявшись на воздухъ, исполнили всѣ роды движеній, почти изображавшихъ собой кадриль. У маркиза А. невидимыя руки прогуливались по лицамъ присутствовавшихъ, лаская или раздражая ихъ; а другія, зримыя, плавали въ воздухѣ. У виконта Б фортепьяно и аккордсоны исполнили аріи безъ всякой помощи музыканта. У викарнаго епископа С. появились призраки, были слышны страшные шумы, весь домъ содрогался и полъ ходилъ ходуномъ, какъ корабль на волнахъ. У ландграфа Д., при входѣ Юма, температура комнаты, гдѣ было собрано общество, понизилась и тарелочки съ печеньемъ сами собой бросились ему на встрѣчу.

Вотъ тотъ родъ кудесничествъ, которые приписывались Юму легкомысленной частью нашихъ серьезныхъ журналовъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что пресса, выказавшая себя во время Реставраціи и при Людовикѣ-Филиппѣ постоянной и просвѣщенной противницей чудесъ и суевѣрія, казалось, задалась задачей, въ періодъ второй имперіи, поддерживать нелѣпость сверхъестественнаго и почти стать пособницею ихъ героевъ. Конечно, это было не болѣе, какъ результатъ легкомыслія, поощряемаго разсчетомъ на легкій и вульгарный успѣхъ. Рѣшить нельзя, насколько эта система послужила къ увеличенію уваженія къ журналамъ, но ясно видны опасности, которыя она причинила общественному разуму.

Однако, когда основательно знакомились со всѣми фантастическими исторіями, о которыхъ мы упоминали выше, когда производили разслѣдованія, оказывалось, что кудесничества, такъ предупредительно разсказанныя журналами, были простыми выдумками хроникеровъ. Юмъ безпокоилъ себя лишь для сливокъ спиритической партіи. Онъ опериро-

валъ въ Тюльери и у принца Наполеона. Но кто же намъ разскажетъ, что происходило, въ этихъ высшихъ сферахъ? Ни одинъ свидѣтель ихъ не передавалъ. Притомъ, магъ принималъ превосходныя предосторожности чтобы гарантировать свои чудеса. Прежде чѣмъ приняться за свои фантастическія дѣйствія (состоящія по преимуществу въ томъ, что онъ съ извѣстнаго разстоянія вырывалъ изъ рукъ экспериментатора колокольчикъ и заставлялъ слышать необычайные шумы) Юмъ внимательно осматривалъ своихъ присутствующихъ. Если ему кто-либо не нравился, то-есть, если онъ принадлежалъ къ невѣрующимъ,—чернокнижникъ требовалъ его исключенія. Deplaenit nasus tuus .. и подозрительный вѣжливо выпроваживался за дверь.

Мы знаемъ эту подробность отъ одной изъ особъ, такимъ образомъ выпроваженной изъ сеанса Юма, который онъ давалъ у принца Наполеона, особы, которою былъ не болѣе, ни менѣе, какъ знаменитый академикъ Бабинэ, дерзнувшій выразить кой-какое сомнѣніе относительно высшихъ дарованій чародѣя.

Какъ послѣднюю предосторожность, магъ при началѣ своихъ чудесъ предусмотрительно прикручивалъ винтъ лампы и благопріятная темнота прикрывала его чудеса. Поэтому весьма вѣроятно, что Юмъ былъ просто фокусникомъ, принявшимъ на себя обликъ спирита и воспользовавшимся этой модой для продѣлыванія ловкихъ штукъ на манеръ Роберта Гудена.

Можно было-бы до извѣстной степени понять положеніе, принятое Юмомъ по отношенію къ невѣрующимъ и профанамъ; но люди вѣрующіе въ него и его практику не были счастливѣе простыхъ смертныхъ. Многіе изъ парижскихъ спиритовъ, избранные медіумы столицы заклинали его, умоляли дать имъ сеансъ, но Юмъ былъ глухъ къ ихъ просьбамъ. Онъ оставался непроницаемымъ и недосягаемымъ для приверженцевъ секты, какъ и для простыхъ любопытныхъ. Главари искусства не скрывали своего недовольства на такой способъ дѣйствій. Дюпотэ, пропѣвъ въ своемъ Journal de Magnitisme хвалебный гимнъ своему шотландскому собрату, три мѣсяца спустя излилъ на него свою досаду и вы-

разилъ самыя серьезныя сомнѣнія о его дарованіяхъ медіума, о которыхъ тотъ провозгласилъ.

«Что ставимъ мы въ укоръ Юму?—говоритъ Дюпогэ.—Это недостатокъ искренности; эту незаботливость объ истинѣ и о тѣхъ, кто за нее берется, отсутствіе приверженности къ наукѣ и, наконецъ, что у него въ умѣ лишь собственный успѣхъ и что онъ заботится о томъ лишь, чтобы самому блистать».

«Въ этомъ кроется что-то загадочное и нужно съ осторожностью допускать объявленную и поддерживаемую причину всѣхъ диковинныхъ явленій, производимыхъ Юмомъ. Во всѣхъ случаяхъ чувствуется, что здѣсь какая то примѣсь, что не все происходитъ независимо отъ него и что настанетъ день, когда съ удивленіемъ узнаютъ, что матеріальная сила была единственной къ услугамъ Юма. Но осмѣлюсь ли я писать эти выраженія недовѣрія, я, спиритъ, который хвалилъ и превозносилъ необыкновеннаго медіума? Почему нѣтъ, если сомнѣніе проникло въ мою душу? Развѣ я не долженъ сказать правды людямъ, вѣрующимъ въ мою искренность и мое благоразуміе? Истина проста—она ходитъ обнаженной; ея апостолы доступны для всѣхъ. Они не ограничиваются праздными людьми, къ которымъ Юмъ имѣетъ такое пристрастіе. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для тщеславія. Имъ пользуются, какъ распѣвателемъ романсовъ. Онъ не столько убѣжденный, сколько забавляющійся. Главнымъ образомъ, никакого непреложнаго свидѣтельства его высокихъ дѣйствій не вышло изъ той блестящей среды. Это доказываетъ, что сомнѣніе остается».

Итакъ самъ Дюпотэ (tu quoque!) выражалъ сомнѣніе и жаловался, что не существуетъ никакихъ непреложныхъ свидѣтельствъ о высокихъ дѣяніяхъ этого спирита. Открылъ ли этотъ главарь пружины или хитрости Юма? Доказалъ ли онъ, что галюцинація присутствующихъ, какъ слѣдуетъ предположить, были единственной причиной вѣры въ его чудеса? Вотъ что невозможно рѣшить. «Тайна, тайна!»—вотъ возгласъ, къ которому онъ постоянно возвращается, когда дѣло идетъ о шотландскомъ чародѣѣ. Юмъ, конечно, почувствовалъ укоризну, что онъ скрывался отъ изслѣдова-

ній, потому что рѣшилъ выйти изъ своей полутѣни и показаться на глазахъ публики. Въ 1863 году Юмъ далъ обстоятельныйразсказъ о своихъ приключеніяхъ и чудесахъ въ книгѣ съ красной обложкой, озаглавленной Revelation sur une vie sur naturelle *). Благодаря этой книгѣ, можно было кой что узнать объ этой особѣ и о вздорѣ, который онъ преподнесъ публикѣ. Даніэль Дугласъ Юмъ просвѣщаетъ насъ, что онъ родился въ Эдинбургѣ въ 1833 году. Въ дѣтствѣ онъ имѣлъ слабое здоровье и очень нервный темпераментъ. Его мать, дядя, братъ бабушки были ясновидящими, обладавшими вторымъ зрѣніемъ, предсказавшими смерть многихъ и даже самимъ себѣ. Юмъ точнымъ образомъ не припоминаетъ времени, когда онъ сталъ предметомъ сверхъестественныхъ явленій, но тетка разсказывала ему, что его колыбель часто подвергалась сотрясеніямъ и что въ четырехлѣтнемъ возрастѣ онъ имѣлъ видѣніе относительно смерти своей маленькой двоюродной сестры. Въ тринадцать лѣтъ ему явился въ свѣтломъ облакѣ духъ умирающаго его товарища, съ которымъ незадолго передъ этимъ они обмѣнялись обѣщаніями. Въ семнадцать лѣтъ молодой духовидецъ былъ въ Америкѣ, при теткѣ, женщинѣ не покладистой, которая, увидѣвъ, что у ней поселились стучащіе духи, обвиняла племянника, что онъ спровадилъ къ ней черта и дѣло доходило до того, что швырнула ему въ голову стуломъ. Служители разныхъ исповѣданій, призываемые по очереди, не добились своими молитвами прекращенія стуковъ, которые въ такой сильной степени тревожили почтенную даму; вскорѣ мебель стала подпрыгивать и прогуливаться по комнатамъ. На одинъ изъ столовъ положили библію, онъ тотчасъ же задвигался, но болѣе осторожно, чтобы показать, какъ онъ былъ этимъ польщенъ.

Дорогая тетушка долѣе выдержать не могла. Она выгнала изъ дома безпокойнаго племянника, тревожившаго до такой степени покой ея ларовъ.

Тогда Дугласъ Юмъ отдался цѣликомъ сношенію съ духами. Подъ его магическую палочку столы вертѣлись и духи

*) en-12. Paris, 1863 y Dentu.

отвѣчали ихъ требованію легкими стуками. Запертыя и погруженныя во тьму комнаты освѣщались таинственнымъ свѣтомъ. По внѣшнему виду являвшихся къ нему духовъ, Юмъ могъ ихъ отождествлять съ умершими особами. Невидимыя руки прикладывались ко лбу, плечу, колѣну и т. д. присутствующихъ, которые не могли ошибаться въ трогательномъ чувствѣ привязанности духа. Но самой поразительной вещью было то, что Юмъ подымался на воздухъ и носился въ немъ, точно онъ былъ полымъ и наполненъ водороднымъ газомъ.

«Во время этихъ поднятій или левитацій,—говоритъ авторъ,—я не испытываю ничего особеннаго, кромѣ того обычнаго ощущенія, причину котораго я отношу къ избытку электричества въ моихъ ногахъ. Не чувствую, чтобы меня поддерживала какая-нибудь рука и послѣ моего перваго поднятія я болѣе не испытывалъ страха, хотя свались я съ иныхъ потолковъ, къ которымъ я былъ приподнятъ, я не избѣжалъ бы серьезныхъ пораненій.

«Вообще говоря, меня возноситъ въ отвѣсномъ положеніи, руки мои терпнутъ и подымаются надъ головой, какъ бы хотѣли схватить невидимое существо, которое осторожно приподымаетъ меня съ земли. Когда я достигаю потолка, ноги мои приводятся въ уровень съ головой и я принимаю позу отдыхающаго. Я нахожусь въ этомъ положеніи часто четыре, пять минутъ. Однажды мое поднятіе совершилось среди бѣлаго дня; это было въ Америкѣ. Я былъ поднятъ въ одномъ апартаментѣ въ Лондонѣ Hoane Street, гдѣ горѣло четыре газовыхъ рожка въ присутствіи пяти особъ, готовыхъ засвидѣтельствовать, что они видѣли, не считая массы свидѣтельствъ, которыя я могу тотчасъ же представить. Въ иныхъ случаяхъ терпкость рукъ ослабѣваетъ и я имѣю возможность начертить карандашемъ на потолкѣ литеры и значки, которые и по настоящее время существуютъ, особенно въ Лондонѣ».

Однако обыкновенно поднятія Юма производились въ темныхъ комнатахъ, (стр. 51, 162, 204, 207, 243, 251 и т. д. его книги) освѣщенныхъ лишь присутствіемъ духовъ. «По звуку его голоса,—пишетъ одинъ свидѣтель,—мы су-

дили, что должно быть онъ поднялся къ потолку передней». У графа Б. Юмъ, равнымъ образомъ, достигъ до потолка. Графъ ухватилъ его за ноги и цѣплялся за нихъ до тѣхъ поръ, пока ботинки Юма не остались у него въ рукахъ». Если насъ спросятъ, ккаимъ образомъ Юмъ могъ подыматься къ потолку комнаты, мы отвѣтимъ, что баронъ Кракъ выкарабкался съ лошадью изъ болота, въ которое увязъ, ударомъ кулака по косѣ своего парика.

Въ иныхъ изъ этихъ таинственныхъ собраній, гдѣ Юмъ блисталъ своими сверхъестественными талантами, на его голову и голову другихъ сыпались цвѣты и листья геранiума. Гитары и акордеоны начинали играть пріятныя и гармоническія аріи, особенно одну, которая, повидимому, особенно нравилась невидимымъ музыканамъ.

Мы сказали «невидимымъ»... ошибка. Отъ времени до времени видѣли кисти, а порой ихъ руки. Руки эти иногда писали перомъ или карандашемъ на листахъ бумаги, которые хранились, какъ слѣды и воспоминанія ихъ присутствія. Однажды показалась женская рука, тонкая, блѣдная и сильно худощавая. Ея пальцы, ширины сверхъестественной, были коротки, растопырены и кончались остроконечно. Рука эта сжимала руку каждаго присутствовшаго. Въ Сапгаттъ общество отчетливо видѣло кисти и руки всѣхъ формъ и всѣхъ размѣровъ подъ бѣлыми покрывалами.

Одна изъ этихъ загробныхъ рукъ взяла Евангеліе, раскрыла его и отмѣтила карандашемъ стихи 16 и 17 главы 13-й Святаго Матвѣя: «Благословенны ваши глаза, потому что они видятъ, благословенны ваши уши, потому что они слышатъ, истинно говорю вамъ: многіе изъ пророковъ и праведниковъ желали-бы видѣть вещи, которыя вы видите, и они ихъ не видѣли и слышать вещи, которыя вы слышите, и они ихъ не слышали».

По этому предмету самыя положительныя завѣренія находятся въ разсказѣ, который Юмъ приписываетъ нѣкоему Вилькинсону. Свидѣтелю этому появился подъ столомъ, у котораго онъ сидѣлъ, колокольчикъ; онъ его взялъ и отчетливо чувствовалъ пальцы руки, которая держала колокольчикъ. Это была рука нѣжная, теплая, полная и хорошо

сформированная. Но едва онъ взялъ ее въ свою, она мало-по-малу испарилась, оставивъ у него между пальцами звонокъ. Нужно удивляться неизмѣнному ребячеству этихъ манифестацій: перестановка мебели, выстукиваніе ударовъ, трезвонъ колокольчиковъ, музыкальныя аріи, пѣсни и т. п.; но вотъ вещи становятся болѣе серьезными.

26 Марта 1857 года Юмъ, находясь въ Парижѣ, получилъ визитъ одной дамы, которая увела его съ собой, прося излечить ея пятнадцатилѣтняго сына, четыре года оглохшаго послѣ тифозной горячки. Юмъ недоумѣвалъ, какъ онъ могъ излѣчить эту застарѣлую и полную глухоту, которую лучшіе медики Парижа признавали безнадежно неизлѣчимой.

«Пока мать говорила,—разсказываетъ намъ Юмъ,—во мнѣ вдругъ возбудилась симпатія и, невольно охвативъ рукой туловище ребенка, я привлекъ его къ себѣ, голова его покоилась у меня на плечѣ. Тогда и въ то время, когда мать передавала мнѣ кое-какія подробности изъ болѣе горестныхъ, я гладилъ рукой по головѣ ребенка, который, вдругъ поднявшись, вскричалъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «мамаша, я тебя слышу!» Мать бросила на него удивленн й взглядъ и сказала:—«Эмиль» (имя ребенка), и онъ ей сейчасъ-же отвѣчалъ:—«что?». Онъ былъ излѣченъ».

Мемуары некромана состоятъ главнымъ образомъ изъ сбора статей, посвященныхъ ему въ журналахъ Великобританіи его друзьями. Иногда авторъ воспроизводитъ то, что печаталось противъ него; но спѣшимъ прибавить, что въ этомъ случаѣ онъ не упускаетъ объявить, что это фальшь. Онъ разсказываетъ объ одномъ сеансѣ, при которомъ присутствовалъ сэръ Давидъ Брюстеръ, Тролоппъ и другіе знаменитыя особы Лондона, которыя, казалось, не были удовлетворены талантами Юма.

«Но скажемъ-ли мы вмѣстѣ съ Давидомъ Брюстеромъ,—говоритъ Юмъ,—духи—послѣдняя вещь, къ которой я обращаюсь? Благодаря Богу, я имѣю другіе принципы, къ счастью, не всѣ ни такъ не справедливы, ни такъ недобросовѣстны, какъ тотъ классъ людей, представителемъ котораго Давидъ Брюстеръ, который въ воображаемомъ интересѣ своего положенія въ ученомъ мірѣ, не колеблется говорить самую

грубую ложь, отрицаетъ то, что онъ видѣлъ и что болѣе вводитъ въ заблужденіе людей необразованныхъ.

Видимое дѣло, Юмъ не церемонится въ выраженіяхъ, когда говоритъ о «Брюстерѣ и Фарадеѣ», которые снизошли съ своихъ сферъ,—говоритъ онъ,—чтобы вмѣшаться въ вещи, которыхъ не понимаютъ».

Юмъ называетъ лживымъ, положительно лживымъ все, что печаталось неблагопріятнаго на его счетъ. Слѣдующая исторія, безъ сомнѣнія, была-бы объявлена имъ неточной, хотя она происходила въ присутствіи многихъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ ее разсказывалъ; она слишкомъ курьезна, чтобы не привести ее здѣсь.

Это происходило въ одно изъ пребываній чародѣя въ Парижѣ. Юмъ давалъ спиритическій сеансъ у одного изъ высшихъ сановниковъ двора Наполеона III. Ему представили списокъ приглашенныхъ и, по обыкновенію, онъ исключилъ извѣстное число—въ частности романиста Евгенія Гино, композитора Надо, генерала Бараге д'Илльe, — всѣ трое признаны неисправимыми скептиками.

Сеансъ происходилъ по всѣмъ правиламъ искусства: уменьшенные огни, тихая музыка, общая сосредоточенность и такъ далѣе. Когда Юмъ спросилъ, какихъ духовъ желали-бы вызвать, ему указали Сократа. Сократъ появился закутаннымъ въ длинный бѣлый плащъ съ развѣвающеюся бородой; затѣмъ пожелали видѣть Фридриха Великаго. Онъ прибылъ въ треуголкѣ съ загнутыми полями и задрапированный такъ-же, какъ Сократъ, въ родѣ савана.

Юмъ поблѣднѣлъ и капли пота выступили у него на лбу, когда онъ увидѣлъ предъ собой два призрака, устремившихъ на него свирѣпый взглядъ и которые упрямо отказывались исчезнуть.

Колдунъ понялъ, что его дурачили. Онъ приблизился къ одному изъ пятившихся призраковъ, но тѣ удалились среди раскатовъ смѣха, которымъ вторило все собраніе.

Привидѣніемъ Сократа былъ композиторъ Надо, а привидѣніемъ Фридриха Великаго—Бараге д'Илльe. Въ передней ждалъ своей очереди Алкивіадъ, Евгеній Гино.

Возвративъ себѣ хладнокровіе, Юмъ объявилъ, что, не

смотря на все, вызываемые духи появились-бы, если-бы не нарушили его способностей этой глупой шуткой. Однако, на другой день нашъ некроманъ безъ шума оставилъ Парижъ. Спиритическая комедія, разыгрывавшаяся Юмомъ, окончилась, какъ всякая комедія, бракомъ. Юмъ кончилъ свою карьеру колдуна, женившись на богатой англичанкѣ, что позволило ему удалиться въ замокъ съ прелестнымъ годовымъ доходомъ. Въ настоящее время онъ живетъ помѣщикомъ на результаты своихъ прибыльныхъ чудесъ.

Нужно знать, въ самомъ дѣлѣ, что деньги всегда играютъ роль въ спиритизмѣ. Спириты составляютъ категорію, которая, главнымъ образомъ, имѣетъ цѣлью всяческіе поборы съ вѣрныхъ, то есть, съ простяковъ. Ихъ заставляютъ дорого покупать множество книгъ такого достоинства, какъ книга Аллана Кордека или Юма; а медіумы даютъ платные сеансы.

Спиритизмъ—прежде всего гешефтъ, имѣющій свои журналы, своихъ книгопродавцевъ, своихъ агентовъ и своихъ плательщиковъ. Это настоящая эксплоатація многочисленнаго класса людей, обладающихъ слабымъ умомъ и хорошей кассой.

По этому поводу можно припомнить, что животный магнетизмъ частью одолженъ былъ своимъ распространеніемъ и своею модою тому, что они истолковывались на платныхъ консультаціяхъ.

Месмеръ удалился на берега Констанскаго озера въ роскошный замокъ, гдѣ въ мирѣ окончилъ свои дни, благодаря королевскимъ щедрымъ пожертвованіямъ своихъ многочисленныхъ вѣрныхъ. По его примѣру, Юмъ наслаждался долгое время плодами ихъ экстазовъ въ маленькомъ коттеджѣ Великобританіи.

Если-бы можно было сомнѣваться, что погоня за деньгами служитъ истиннымъ двигателемъ операцій спиритовъ, то сомнѣнія эти были-бы разсѣяны поучительной исторіей братьевъ Давенпортъ, этихъ неудачниковъ-колдуновъ, которые, удививъ въ своемъ чудодѣйственномъ турнэ Америку и Англію, обезславили себя и потерпѣли крушеніе, попавъ въ Парижъ, городъ мало покладистый въ дѣлѣ чудесъ и сверхъестественнаго.

Братья Давенпортъ были два американца, изобрѣвшіе остроумную махинацію для слѣдующихъ зрѣлищъ. Одного и другого крѣпко привязывали прочными веревками къ стулу и убѣждались въ невозможности дѣлать движенія ихъ руками, кистями и ногами, тоже хорошо связанными. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, оба брата оказывались вполнѣ освобожденными отъ узъ. Лишь необходимо было, чтобы въ теченіе этихъ нѣсколькихъ минутъ они были спрятанными. Для этого они запирались въ шкафъ, который открывался по прошествіи нѣсколькихъ мгновеній, чтобы показать ихъ освободившимися. Это была интересная забава. Публика нѣкоторое время тѣшилась-бы этимъ, а затѣмъ перешла къ другому. Но братья Давенпортъ были ловкачи. Имъ пришла идея приписать эту штуку вмѣшательству духовъ. Поэтому они продѣлывали ее подъ эгидою духовъ и это доставило имъ славу и богатство.

По поводу участія духовъ въ этой продѣлкѣ ловкости не замедлили возникнуть сильныя возраженія. «Къ чему тутъ шкафъ»,—говорили,—если это дѣло духовъ? Къ чему скрываться въ потемкахъ? Отчего духи не дѣйствуютъ въ ясный день, въ присутствіи всѣхъ; вѣдь они не имѣютъ тѣла и не могутъ быть видимы? Мы не знаемъ, какъ поступаютъ два американца, чтобы продѣлать свою штуку и, конечно, не съумѣемъ имъ подражать, но это не резонъ, чтобы приписывать ее духамъ. Поэтому тутъ должна быть махинація. Какова эта махинація, мы не знаемъ. Почему допустить, что при помощи ея работаютъ духи, а не какой-нибудь искусно скрытый механизмъ?».

Вотъ что говорили люди разсудительные; это, однако, не мѣшало толпѣ сбѣгаться на сеансы братьевъ Давенпортъ и нести имъ свои деньги.

Представленія свои братья Давенпортъ начали въ Америкѣ, классической странѣ духовъ. Нагрѣвъ достаточно свою родину, братья переѣхали со своимъ шкафомъ моря и давали въ Лондонѣ публичныя платныя представленія. Лондонъ отнесся, какъ говорятъ, не особенно смиренно къ штукѣ съ шкафомъ. Не только англійскіе журналы были противъ нее, но даже фокусники подражали ей, объясняя махина-

цію, которую они употребляли. Журналъ «The Builder», въ статьѣ, озаглавленной «Холодная вода, прыснутая на духовъ», разсказывалъ, какъ фокусникъ Тольмаркъ подражалъ и даже превзошелъ воображаемыхъ спиритовъ-американцевъ. Оператора отдѣляла отъ публики ширма. По прошествіи полминуты тамбурины и гитары стали прогуливаться и рука духа показалась поверхъ ширмы. Три минуты спустя, ширма была снята и Тольмарка узрѣли вполнѣ развязаннымъ. Тольмаркъ предварительно объяснилъ присутствующимъ способъ, какъ онъ станетъ поступать.

По словамъ «Jun», профессоръ Андерсонъ исполнилъ при свѣтѣ штуку, которую братья Давенпортъ скрывали въ глубинѣ ихъ темнаго шкафа.

Физикъ Фарадей прислалъ братьямъ Давенпортъ рѣзкій отвѣтъ, сильно повредившій имъ во мнѣніи публики. Приглашенный присутствовать на одномъ изъ ихъ сеансовъ, Фарадей написалъ имъ слѣдующее мисьмо:

«Благодарю васъ, господа, за ваше любезное приглашеніе; но, по правдѣ говоря, я такъ разочарованъ манифестаціями, на которыхъ присутствовалъ много разъ, что это не поощряетъ меня заниматься ими долѣе, такъ что тѣ, на которыя вы меня приглашаете, предоставляю профессорамъ престидижаторства. Если произойдутъ стóящія явленія, то, я увѣренъ, духи сами найдутъ средство возбудить мое вниманіе. Мнѣ они надоѣли».

Изъ Лондона братья Давенпортъ отправились въ Парижъ, которому суждено было стать ихъ Ватерлоо.

Прибытіе братьевъ Давенпортъ въ столицу свѣта и невѣрія было извѣщено двумя пространными статьями «Moniteur Officille», переполнеными похвалами и не дѣлавшими чести прозорливости этого журнала.

Ихъ вечера начались въ августѣ 1865 года. Парижскіе журналы говорили съ удивленіемъ, но не вдаваясь въ коментаріи о чудѣ шкафа.

Къ несчастью для спиритовъ, одинъ очень ловкій фокусникъ, Робинъ, дававшій въ ту пору свои представленія въ одной изъ залъ бульвара Бомарше, вмѣшался въ дѣло и адресовалъ въ «Moniteur» письмо, въ которомъ объявилъ себя

способнымъ при ясномъ свѣтѣ и въ глазахъ публики воспроизвести чудесную американскую новинку. И дѣйствительно, Робинъ, при аплодисментахъ всей залы, повторялъ каждый вечеръ фокусъ съ веревками совершенно также, какъ и братья Давенпортъ, и это посреди залы между двумя хорошо освѣщавшими лампами.

Общественное мнѣніе вооружилось тогда противъ братьевъ Давенпортъ. Гроза усиливалась и вскорѣ ей суждено было разразится съ такой силой, что она въ своемъ вихрѣ унесла и духовъ, и ихъ шкафъ.

Этотъ достопамятный вечеръ происходилъ 14-го сентября 1865 года, въ залѣ Герца. Разсказъ о немъ мы заимствуемъ изъ журнала «La France», придавшего ему пикантную и драматическую форму.

«Французская публика, въ числѣ восьмисотъ представителей наполнявшая вчера залу Герца,—говоритъ «La France»,—14-го сентября 1865 года собралась посмотрѣть самое спиритическое на землѣ. Въ десять минутъ она буквально разрушила давно установившуюся репутацію братьевъ Давенпортъ. Она ясно видѣла тамъ, гдѣ американцы и англичане видѣли лишь мелькомъ; но слѣдуетъ констатировать, что она могла бы внести болѣе умѣренности въ проявленіяхъ своей смышленности. Не станемъ, однако, опережать событій.

Сеансъ начался пьесой на фортепьяно, поднятіемъ занавѣса,—вещами обычными въ залѣ Герца,—но, которыя, однако, зрители приняли неблагосклонно. Оттого-ли, что фортепьяно служило акомпаниментомъ скрипки, контрабасу и корнетъ-а-пистону,—мы этого ничего не знаемъ. Вѣрно лишь то, что несчастный квартетъ долженъ былъ замолкнутъ подъ повтореными протестами присутствовавшихъ. Повидимому, вѣтеръ дулъ неблагопріятный гармоніи.

За фортепьяно послѣдовалъ переводчикъ двухъ молодыхъ американцевъ. «Господа!—обратился онъ къ публикѣ,—братья Давенпортъ, не зная французскаго языка, просили меня быть ихъ переводчикомъ. Я не собираюсь объяснять вамъ ихъ дѣйствія пространнѣе, чѣмъ объясняютъ они сами, такъ какъ они агенты пассивные.

При этихъ словахъ началась гроза, гроза ставшая настоящей бурей, когда переводчикъ, снова принявшись за прерванную нить своей рѣчи, сталъ говорить вторично объ этихъ пассивныхъ агентахъ. «Я вамъ повторяю, мы не выдаемъ вамъ дѣйствія братьевъ Давенпортъ, ни какъ спиритическія, ни какъ магнетическія. Когда вы ихъ увидите, то оцѣните сами; а если понадобится, ихъ обсудитъ пресса. Все, что я могу сказать, это,—что эти господа агенты пассивные».

Выраженіе это, положительно раздражавшее уши слушателей, переводчикъ оборвалъ и братья Давенпортъ, наконецъ, появились на эстрадѣ.

Это двое молодыхъ людей блѣдныхъ, болѣзненныхъ; при всемъ томъ физіономіи интересныя: настоящій типъ янки; этимъ, впрочемъ, мы вовсе не имѣемъ намѣреніе сказать, что они имѣютъ видъ выходцевъ съ того свѣта въ фигуральномъ значеніи этого выраженія. Однако, это еще не болѣе, какъ прелиминаріи. Приглашаются два зрителя осмотрѣть шкафъ, гдѣ производятся манифитаціи. Публика, настроенная не на вѣжливый ладъ, наотрѣзъ отказывается: она вездѣ подозрѣваетъ участниковъ. Двое изъ присутствующихъ, хорошо извѣстныхъ зрителямъ и внѣ всякаго подозрѣнія въ потачкѣ, соглашаются принять на себя требуемый осмотръ; они ощупываютъ страшную мебель, они, такъ сказать, выслушиваютъ ее и не открываютъ ничего необыкновеннаго: простой ящикъ съ тремя растворами, поставленный на подмостки, изолирующія его отъ пола сцены.

Послѣ этого тщательнаго осмотра, нужно было привязать братьевъ Давенпортъ къ скамейкамъ, находящимся по краямъ шкафа. Изслѣдователи занялись еще и этимъ дѣломъ; къ нимъ присоединился третій, изъ боязни сюрприза; это Дюшеменъ, гражданскій инженеръ, замѣтившій мимоходомъ, что ящикъ снабженъ большимъ числомъ шарнировъ, чѣмъ это нужно для такого рода мебели. Затѣмъ подошелъ четвертый зритель для осмотра повязокъ; въ новоприбывшемъ узнали перваго побѣдителя Rigolo.

Два брата связаны; двери шкафа заперты; изъ шкафа съ силой летитъ падаетъ на сцену мѣдный рожекъ.

Это упражненіе повторяется два или три раза и всякій разъ, при отпираніи створокъ шкафа, братьевъ Давенпортъ видятъ неподвижно сидящими на ихъ скамьяхъ, съ руками и ногами, скрѣпленными ихъ повязками. Наконецъ, послѣ того, какъ молодые американцы находились запертыми нѣсколько долѣе, одинъ изъ нихъ появился совершенно освободившимся отъ своихъ узъ, тогда какъ его товарищъ оставался связаннымъ и освободился послѣ нѣсколько минутнаго промежутка.

До сихъ поръ, сравнительно, все было хорошо. Переводчикъ объявилъ тогда, что братья взаимно сами себя свяжутъ въ шкафу—что, на самомъ дѣлѣ, они очень быстро продѣлали въ запертомъ шкафу. «Морисъ Ру дѣлалъ тоже»,—раздался голосъ въ залѣ. И шумъ, на мгновеніе стихшій, возобновился съ удвоенной силой. Въ это время на эстраду поспѣшно вошелъ одинъ изъ зрителей. «Мистификація»,—вскричалъ онъ и доказалъ это, показавъ, что господамъ Давенпортъ легко заставить скользить веревки по прутамъ, къ которымъ они были привязаны и которые разъединялись на верху посредствомъ остроумнаго механизма, чтобы дать веревкамъ пропускъ. Узелъ, не стягивая болѣе ничего, самъ собою ослабѣвалъ, дозволяя экспериментаторамъ всякаго рода движенія: это вовсе не спиритизмъ, но столярное искусство». «Единогласное «ура», сопровождаемое оглушительными свистками, дало сигналъ къ взрыву. Что сталось съ пассивными агентами, оказавшимися очень прыткими для укрывательства за кулисы? мы должны по этому поводу сказать.

«Je n'ai faut que passer, ils n'étaient deja plus... А между тѣмъ представлялся превосходный случай вызвать какой-нибудь страшный духъ, чтобы остановить толпу, массой кинувшуюся на эстраду. Но появился Белленже, коммисаръ полиціи, квартала Опера и произнесъ прорицательное quos ego, приглашая публику удалиться и отправиться въ кассу получить обратно свои деньги».

Комедія кончилась «E finita la comedia». Когда въ Парижѣ заведетъ рѣчь коммисаръ полиціи и прикажетъ возвратить деньги, дѣло окончательно и достодолжно похоронено.

Послѣ этого плачевнаго приключенія о братьяхъ Давенпортъ болѣе не слышали.

Гробницей ихъ былъ сундукъ. Объяснимся.

Махинація, изобрѣтенная ими, стала достояніемъ обыкновенныхъ фокусниковъ. Въ теченіе пяти — шести лѣтъ въ залѣ Роберта Гуденъ, на Итальянскомъ бульварѣ, показывался «Индѣйскій сундукъ», который былъ ничто иное, какъ штука со шкафомъ братьевъ Давенпортъ, исполняемая въ сундукѣ. Болѣе того, штуку съ «индѣйскимъ сундукомъ» исполняютъ теперь ярмарочные скоморохи.

Это похоже на животный магнетизмъ, который попалъ теперь въ руки ярмарочныхъ демонстраторовъ, которые за два су показываютъ «ясновидящую сомнамбулу» въ балаганахъ парижскихъ предмѣстій. Sic transit gloria spiritorum.

Мы видѣли спиритизмъ проникшимъ въ ярмарочные балаганы. Мы увидимъ его спустившимся еще ниже, то есть, терпящимъ крушеніе въ исправительной полиціи.

Алланъ Кардекъ основалъ «Revue Spirite», который онъ редактировалъ до смерти. Журналъ продолжался послѣ него акціонернымъ обществомъ. Въ 1873 году «Revue Spirite» говорило о фотографіяхъ, полученныхъ въ Америкѣ при содѣйствіи духовъ. Въ 1824 году тотъ же «Revue Spirite» увѣдомлялъ, что одинъ фотографъ бульвара Монмартръ, по имени Бюгэ, одаренный способностью медіума, снялъ, по примѣру американцевъ, фотографіи при посредствѣ духовъ, т. е., получилъ портретъ умершей особы, которую онъ вызвалъ и фиксировалъ фотографическое изображеніе.

Послѣ этого, каждый номеръ «Revue Spirite», мѣсячный журналъ помѣщалъ пробную спиритическую карточку, т. е., фотографію, полученную Бюгэ съ умершей особы, воспроизведеніе которой требовалъ заказчикъ. Реклама объ этомъ новомъ искусствѣ и благодарственное письмо заказчика сопровождало пробную спиритическую карточку.

Бюгэ не ручался за сходство вызываемой особы; но никогда не освобождалъ отъ уплаты за позированіе и оттиски, требуя плату, которая равнялась 20 франкамъ за шесть пробныхъ карточекъ.

Заказчика принимала кассирша, дѣвица Мененье, благо-

образная особа и задавала ему различные вопросы о лѣтахъ и наружности умершаго, котораго онъ желалъ фотографировать. Затѣмъ появлялся Бюгэ. Онъ заставлялъ подняться заказчика на террасу, придавалъ ему позу и предлагалъ войти мыслью въ общеніе съ духомъ, образъ котораго онъ желаетъ, чтобы появился. Взявъ изъ рукъ помощника чувствительную пластинку, помѣщенную въ кассеткѣ, онъ устанавливалъ ее въ камерѣ и наводилъ аппаратъ. Въ то время, пока онъ заставлялъ такимъ образомъ позировать своего кліента (въ прямомъ и фигуральномъ смыслѣ), Бюгэ размахивалъ руками и принималъ видъ вызывающаго духовъ. Онъ нарекалъ на ощутительную боль головы, причиняемую духами. Тогда медіумъ-цѣлитель производилъ надъ нимъ магнетическія пассы, чтобы освободить его отъ дурныхъ флуидовъ, на которые онъ жаловался. По окончаніи позированія, помощникъ бралъ негативъ, обработывалъ его обычнымъ способомъ, затѣмъ приносилъ Бюгэ, который показывалъ его заказчику. Этотъ видѣлъ лишь что-то вродѣ закутаннаго въ саванъ привидѣнія, котораго лишь голова болѣе или менѣе отчетливо выдѣлялась. Тѣмъ не менѣе, онъ уплачивалъ условную цѣну и по прошествіи нѣсколькихъ дней получалъ пробную карточку привидѣнія.

Бюгэ на этомъ не остановился. Онъ увѣрялъ, что можетъ обойтись безъ присутствія особы, которая желаетъ фотографировать своего умершаго родственника. Словомъ, онъ пожелалъ дѣлать поставки на провинцію. Онъ объявилъ, что достаточно послать ему по почтѣ фотографію того заказчика, который желаетъ фотографировать кого-нибудь изъ своихъ умершихъ родственниковъ. Онъ помѣститъ этотъ портретъ предъ объективомъ, вызывая въ то же время духъ умершаго, и изображеніе его оттиснется рядомъ съ воспроизведеннымъ портретомъ заказчика.

Многочисленные охотники изъ провинціи получали, взамѣнъ своихъ 20 франковъ, шесть своихъ карточекъ въ обществѣ силуэта призрака. Чтобы поддерживать ихъ вѣру въ свою сверхъестественную власть, Бюгэ заблаговременно сообщалъ имъ о днѣ и часѣ воображаемаго вызыванія, для котораго онъ предоставляетъ свое посредничество медіума, давая имъ

возможность, — говорилъ онъ, — издали присоединяться въ надлежащее время къ его молитвамъ».

Иные добродушные корреспонденты воображали, что они находятъ сходство въ присланныхъ имъ пробныхъ карточкамъ съ вызванными покойниками; но большинство объявляло, что между чертами особъ, воспоминаніе о которыхъ они желали сохранить, и присланными изображеніями — не существуетъ ни малѣйшаго сходства. Одна горничная изъ Ліона, не находя никакого сходства между отцемъ и полученнымъ ею по почтѣ призракомъ, требовала возврата своихъ 20 франковъ, которые съ воркотней были ей возвращены. Одинъ журналистъ протестовалъ противъ употребленія фотографіи его тестя для изображенія привидѣній. Одинъ торговецъ изъ Монтрейля металъ громы и молніи за то, что вмѣсто заказанной имъ фотографіи его умершаго ребенка, ему выслали привидѣніе 50-ти лѣтняго возраста. Вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ, поданныхъ въ судъ, судебный слѣдователь возбудилъ преслѣдованіе противъ фотографіи бульвара Монтмартръ.

22-го апрѣля 1875 года коммисаръ полиціи, въ сопровожденіи агентовъ, отправился къ Бюгэ, чтобы уличить его на мѣстѣ преступленія. Сначала два агента явились одни и спросили Бюгэ, не можетъ ли онъ воспроизвести образъ ихъ отца. Бюгэ отвѣтилъ, что нѣтъ ничего легче, и заставилъ ихъ подняться въ мастерскую. Онъ ушелъ на нѣсколько минутъ и, возвратившись, принесъ закрытую кассетку, заключавшую въ себѣ покрытую коллодіумомъ пластинку. Онъ помѣстилъ ее въ камеру и заставилъ позировать агентовъ полиціи, совѣтуя имъ думать объ ихъ отцѣ. Затѣмъ приступилъ якобы къ вызыванію духовъ.

Въ этотъ моментъ появился коммисаръ и, объявивъ о своемъ званіи, спросилъ Бюгэ, нѣтъ ли уже на клише отпечатка. Бюгэ вынужденъ былъ признаться, что клише заключаетъ въ себѣ образъ, приготовленный нѣсколькими мгновеніями ранѣе въ другой мастерской.

Осмотръ этой второй мастерской привелъ, въ самомъ дѣлѣ, къ открытію куклы, голову которой можно было мѣнять по произволу. Это была деревянная кукла, высотой въ 15 сантиметровъ. Голову ея замѣняла вырѣзка изъ картона, изобра-

жавшая голову старика. При помощи этого разрисованнаго картона Бюгэ собирался воспроизвести благородную голову отца агента полиціи. Туловище куклы было окутано голубымъ газомъ и кускомъ черной матеріи, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы оно изображало привидѣніе. На небольшомъ разстояніи находился фотографическій аппаратъ. По приглашенію коммисара полиціи, Бюгэ безъ особыхъ упрашиваній воспроизвелъ въ своемъ аппаратѣ фотографію полицейскаго привидѣнія съ его саваномъ.

Продолжая разслѣдованіе, нашли въ небольшомъ кабинетѣ, прилегающемъ къ мастерской, 240 головъ лицъ обоего пола и различныхъ возрастовъ, полученныхъ отъ позированія настоящихъ особъ и затѣмъ увеличенныхъ, вырѣзанныхъ и наклеенныхъ на картонъ. Въ другомъ ящикѣ нашли другія 60 головъ, служившихъ какъ варіаціи при появленіи привидѣній. Захватили кромѣ того вторую сочленованную куклу съ зеленымъ покрываломъ, служащую для привидѣній дѣтей.

Парики, привязанныя бороды, черепъ, лира, гитара — дополняли этотъ странный арсеналъ научно-спиритическаго мошенничества.

Процессъ этого смѣлаго обманщика велся въ Парижѣ 16 и 17 іюня 1875 года. Послѣ допроса многочисленныхъ свидѣтелей, изъ которыхъ большинство гордо признавалось въ вѣрѣ въ спиритизмъ и въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимали вдова Аллана Кардекъ и кассирша дѣвица Менессье, фотографъ Бюгэ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на годъ и къ пяти стамъ франковъ пени.

Съ этимъ приговоромъ парижскаго суда, изданнымъ 1875 г. можно поставить наряду рѣшеніе суда Буффало въ Соединенныхъ Штатахъ отъ іюля 1865 года, которое признало спиритовъ «мошенниками».

На этомъ оканчивается исторія спиритизма. Послѣ 1875 г., времени послѣдняго событія, которое мы разсказали, — эта форма новѣйшихъ чудесъ не представляетъ никакого другого факта, заслуживающаго упоминанія.

Спиритизмъ, который нынѣ вышелъ изъ періода борьбы и дѣятельнаго обсужденія, стремится съ того времени замкнуться въ мистицизмъ и въ простое ханжество. Эта новая

форма прикрываетъ собой религіозное чувство. Такимъ образомъ изъ-за честныхъ намѣреній спиритизмъ заставляетъ себѣ прощать странность пріемовъ, которые онъ стремится ввести въ догматическую мораль.

Послѣ этого историческаго обзора спиритизма, съ его начала до настоящаго момента, намъ остается, согласно принятому плану настоящаго труда, дать объясненіе дѣйствіямъ медіумовъ въ ихъ сношеніяхъ съ воображаемыми духами.

Такъ какъ въ теченіе предшествовавшихъ повѣствованіяхъ мы не разъ приводили нашу физіологическую теорію экстатическаго состоянія медіумовъ, то мы опасаемся повториться, продолжительно настаивая на этой теоретической части.

Поэтому ограничимся напоминаніемъ, что мы объясняемъ состояніе медіумовъ и искренность ихъ свидѣтельствъ состояніемъ гипнотическимъ, открытымъ докторомъ Брэдомъ, изученнымъ Азамомъ, Брока, Фолиномъ, Вернейлемъ и др., и съ которымъ ознакомилъ свѣтъ профессоръ Шарко своими опытами надъ истеричными Сальпетріера.

Медіумъ, какъ мы сказали, есть безсознательный галлюцинатъ. Гипнозъ, въ который онъ погруженъ, заставляетъ его безсознательно совершать различнаго рода дѣйствія, говорить и вести разговоры, о которыхъ онъ не сохраняетъ ни малѣйшаго воспоминанія при выходѣ изъ этого состоянія. Когда видишь, съ какими лихорадочными движеніями медіумъ заставляетъ двигаться свой карандашъ, съ какой поспѣшностью онъ чертитъ на бумагѣ воображаемыя откровенія духа, когда видишь, какъ карандашъ быстро и автоматически выскальзываетъ изъ его пальцевъ, какъ только писаніе окончено,—не подлежитъ сомнѣнію, что предъ своими глазами мы имѣемъ настоящаго временнаго галлюцината.

Часто спириты жалуются на родъ презрѣнія, съ которымъ до сихъ поръ относятся ученые къ ихъ чудесамъ. Они не разъ съ горечью укоряли ихъ за отказъ изучить ближе ихъ манифестаціи.

Настоящій трудъ, имѣющій лишь назначеніемъ дать научное объясненіе такъ называемому сверхъестественному, какъ древнему, такъ и новѣйшему, служитъ уже отвѣтомъ на эти жалобы. Но вращатели столовъ предпочитаютъ оставлять въ

тѣни и въ пренебреженіи нашу «Исторію чудеснаго». Поэтому мы скажемъ лишь то, что ученые совершенно чисты отъ укора, будто они не обращаютъ вниманія на явленія спиритизма, такъ какъ внимательное изученіе этого рода явленій было предпринято въ 1876 году иностраннымъ обществомъ, физическимъ обществомъ с.-петербургскаго университета.

Когда спиритизмъ появился въ Россіи, с.-петербургскій университетъ пожелалъ основательно познакомиться и высказаться, послѣ изслѣдованія, о реальности явленій, приписываемыхъ медіумамъ и спиритамъ. Коммиссія, назначенная для этого изслѣдованія, опубликовала свой докладъ. Къ докладу приложены протоколы засѣданій коммиссіи.

Мы оставимъ въ сторонѣ приложенія къ работамъ и приведемъ лишь докладъ, который обсуждаетъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и большей прозорливостью спорный вопросъ.

«Принимая въ соображеніе,—говоритъ этотъ докладъ 1) Быстроту, съ которой распространился въ началѣ 1872 г. интересъ, возбужденный медіумическими явленіями.

2) Легкость, съ которой многіе даютъ вѣру мистическому ученію о духахъ.

3) Укоры со стороны лицъ, проповѣдующихъ у насъ это ученіе, что наука не признаетъ спиритизма, физическое общество с.-петербургскаго университета избрало изъ своей среды въ маѣ 1875 года специальную коммиссію для изученія явленій спиритизма. Коммиссія эта задалась задачей снять таинственный покровъ съ этихъ явленій, удостовѣриться въ ихъ подлинности и, въ случаѣ, если-бы они были признаны дѣйствительными, изучить ихъ средствами науки.

Изъ этого изслѣдованія коммиссія вывела слѣдующія заключенія:

1) Тѣ изъ явленій, приписываемыхъ спиритизму, которыя производятся накладываніемъ рукъ, какъ, напримѣръ, движеніе столовъ—неоспоримо объясняются послѣдствіемъ давленія, производимаго умышленно или неумышленно присутствующими, то есть, относятся къ мышечнымъ движеніямъ, сознательнымъ или безсознательнымъ; чтобы объяснить ихъ, нѣтъ необходимости допускать существованіе силы или новой причины, принимаемой спиритами.

2) Такія явленія, какъ поднятія столовъ и движенія различныхъ предметовъ за занавѣсомъ или въ темнотѣ, носятъ неоспоримый характеръ плутовства и производятся умышленно медіумами. Если приняты надлежащія мѣры противу возможности обмана, эти явленія не производятся или-же обманъ разоблачается.

3) Звуки и стуки, въ которыхъ спириты усматриваютъ явленія медіумическія, имѣющія смыслъ и могущія служить для общенія съ духами,—суть дѣйствія, совершаемыя непосредственно медіумами и имѣютъ то-же значеніе и тотъ-же характеръ случайности или плутовства, какъ отгадываніе и ворожба.

4) Явленія, приписываемыя вліянію медіумовъ и называемыя спиритами медіумопластическими, какъ-то: матеріализація различныхъ частей тѣла и появленіе человѣческихъ фигуръ,—положительно вымышленны. Въ самомъ дѣлѣ, это слѣдуетъ заключить не только по отсутствію всѣхъ точныхъ доказательствъ, но еще по отсутствію духа научнаго изслѣдованія у тѣхъ, кто вѣритъ въ подлинность этихъ явленій и описываетъ ихъ, какъ очевидецъ, и по предосторожности, которую спириты и медіумы обыкновенно вымогаютъ отъ тѣхъ, передъ которыми явленія эти должны совершаться, въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ медіумы были прямо убѣждены, что производили обманнымъ образомъ эти явленія или сами по себѣ, или при помощи третьихъ лицъ.

5) Въ своихъ манифестаціяхъ люди, именующіе себя медіумами, пользуются съ одной стороны безсознательными и непроизвольными движеніями присутствующихъ; а съ другой — довѣрчивостью честныхъ, но поверхностныхъ людей, не подозрѣвающихъ плутовства и не принимающихъ предупреждающихъ его мѣръ.

6) Большинство сторонниковъ спиритизма не проявляетъ терпимости къ мнѣнію людей, которые не усматриваютъ ничего, имѣющаго связь съ наукой, въ спиритизмѣ, и которые обнаруживаютъ участіе «человѣческихъ существъ» въ совершеніи этихъ явленій, посредствомъ пріемовъ, принятыхъ при ученыхъ изысканіяхъ, какъ это имѣло мѣсто въ наблюденіяхъ Гей-Люсака, Араго, Шеврейля, Фарадея, Тиндаля, Карпен-

тера и другихъ, которыми доказано, что явленія, приписываемыя медіумизму, суть послѣдствія или непроизвольныхъ движеній, проистекающихъ изъ естественныхъ особенностей организма, или ловкости и плутовства людей, носящихъ имя, аналогичное медіумамъ. Тоже самое коммиссія констатировала, наблюдая трехъ англійскихъ медіумовъ, представленныхъ намъ нашими спиритами.

Основываясь на совокупности всего узнаннаго и видѣннаго, члены коммиссіи единогласно формулируютъ слѣдующее заключеніе:

Спиритическія явленія происходятъ вслѣдствіе безсознательныхъ движеній, или сознательнаго обмана; спиритическая доктрина—суевѣріе.

Подписали члены коммиссіи: Бобылевъ, адъюнктъ-профессоръ физики с.-петербургскаго университета; Боргманъ, лаборантъ физическаго кабинета с.-петербургскаго университета; Булыгинъ; Гезехусъ, магистрантъ физики; Еленевъ, лаборантъ химіи с.-петербургскаго университета; Краевичъ, преподаватель физики въ Горномъ Институтѣ и Инженерномъ училищѣ; Лачиновъ, преподаватель физики въ с.-петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ, Менделѣевъ, профессоръ химіи с.-петербургскаго университета; Петровъ, профессоръ механики; Петрушевскій, профессоръ физики с.-петербургскаго университета; Хмѣлевскій, преподаватель физики; Фанъ-деръ-Флитъ, адъюнктъ-профессоръ с.-петербургскаго университета.

С.-Петербургъ, 12 марта 1876 года.

На нашъ взглядъ, недостаетъ только одного слова къ докладу или сужденію, которое мы прочли, чтобы дать полное научное объясненіе явленіямъ спиритизма. Докладъ русскаго Общества называетъ дѣйствія медіумовъ актами безсознательными. Нужно было бы добавить, что эти безсознательные акты имѣютъ причиной гипнотическое состояніе субъекта. Съ этой прибавкой докладъ с.-петербургскаго общества имѣетъ полнѣйшее сходство съ теоріей, которую мы развили на предшествовавшихъ страницахъ о непроизвольныхъ дѣйствіяхъ медіумовъ. Наша задача окончена. Въ настоящемъ трудѣ мы сдѣлали обзоръ всѣхъ новѣйшихъ проявленій, якобы

сверхъестественныхъ, и доказали истинность философскаго тезиса, бывшаго главнымъ предметомъ этой работы, а именно, что любовь къ чудесному присуща человѣческой природѣ и что она мало измѣняется въ своихъ проявленіяхъ. Скажемъ только, что пріемы колдуновъ древняго Египта и Аравіи, операціи парацельзистовъ временъ Возрожденія, далѣе, чудеса Месмера и Каліостро—въ сущности одно и тоже, только въ различныхъ варіаціяхъ.

Гипнотизмъ даетъ намъ ключъ къ физіологическимъ проявленіямъ, свойственнымъ животному магнетизму—магнетизму мистиковъ, къ нравственнымъ внушеніямъ, къ овладѣванію волей извѣстнаго человѣка воли субъектовъ податливыхъ и покорныхъ. Гипнотизмъ также доставилъ намъ объясненіе какъ вращенія столовъ, такъ и экстатическихъ рѣчей медіумовъ и воображаемыхъ отвѣтовъ духовъ. Словомъ, мы вѣримъ, что доставили научное объясненіе всѣхъ явленій якобы сверхъестественныхъ и показали въ тоже время, что съ древнихъ временъ по наши дни формы, въ которыхъ проявлялось чудесное, весьма немногочисленны, несмотря на кажущееся ихъ разнообразіе, и въ каждомъ вѣкѣ облекаются въ свойственный ему характеръ: очарованія и пророчествъ въ древности, діавольской одержимости и колдовства въ средніе вѣка, экстаза и религіознаго бреда въ XVII вѣкѣ, въ XVIII—животнаго магнетизма съ его варіантами и въ нашемъ—вертящихся столовъ, медіумовъ и духовъ.

Такова общая мысль, бывшая цѣлью этой книги; полагаю, что она оправдывается исторіей. Мы не будемъ сожалѣть принятаго на себя продолжительнаго труда, если эта идея непрерывности чудеснаго будетъ принята исторіей и философіей. И если, благодаря обсужденію развитыхъ въ этой работѣ фактовъ, мы будемъ осчастливлены тѣмъ, что направимъ на прямую дорогу къ истинѣ и здраво[illegible] смыслу койкакія заблудшія души, просвѣтимъ какіе-нибудь колеблющіеся умы, нерѣшительные или увлеченные обманчивымъ миражемъ мистицизма, то мы получимъ вознагражденіе, самое сладостное для сердца писателя.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Спириты.

Дозв. ценз. Спб. 20 ноября 1895 г. Тип. П. П. Сойкина, Стремянная, д. 12

2013041548